

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2019

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),

Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2019

© ФГБОУ ВО «Ивановский

государственный университет», 2019

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2019

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2019
© Ivanovo State University, 2019

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 3—13
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.1

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 3—13
ББК 66.3(2Рос),4
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.1

ПОСТСОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

М. А. Кашина

Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

С момента принятия национальных планов действий по улучшению положения женщин минуло более 20 лет, но заметного сокращения гендерного неравенства в России не произошло. Анализ государственных программно-целевых документов показывает, что задача усиления позиции женщин как политических акторов (проведение политики расширения властных возможностей женщин — *women's empowerment*) в них не ставится. В действительности происходит подмена государственной политики в отношении женщин семейной и демографической. Следование традиционалистским гендерным нормам в модернизирующемся обществе обесценивает гендерную политику. В этих условиях особую значимость приобретает деятельность академического гендерного сообщества, которое должно не только проводить научную рефлексию российских гендерных проблем, но и актуализировать экспертное обсуждение гендерной тематики в СМИ.

Ключевые слова: гендерное неравенство, государственная политика, «женский вопрос», социально-экономическая зависимость, гендерные стереотипы, традиционалистские гендерные нормы.

POST-SOVIET GOVERNMENTAL WOMEN POLICY: INTERNAL CONTRADICTIONS

M. A. Kashina

North-West Institute of Management — Branch, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation,
Kashina_soc@inbox.ru

The first National Action Plans for the Advancement of Women were adopted more than 20 years ago. Nevertheless the gender inequality level in Russia has not decreased. The Russian state, like the Soviet one, while solving problems of women acts in the national

interests but not in the individual ones. The analysis of state strategic documents shows that the task of strengthening women as political actors (implementation of Women Empowerment policy) is not put forward. In fact, the governmental woman policy is replaced by family and demographic ones. The process of following the traditionalist gender norms in a modernizing society devalues the gender policy. The National Strategy of activity for Women for the period from 2017 to 2022 was adopted in our country in March 2017, though the draft of Federal Law “About State Guarantees of Equal Rights and Freedoms of Men and Women and Equal Opportunities for Their Implementation” was rejected in July 2018. In these conditions, the academic gender community should not only investigate the Russian gender issues, but also initiate an expert discussion of gender issues in media.

Key words: gender inequality, governmental policy, “women’s issue”, socio-economic dependence, gender stereotypes, traditionalist gender norms.

Введение

Всемирный экономический форум ежегодно публикует статистику по гендерному разрыву в мире. В 2006 г., когда рейтинг рассчитывался впервые, Россия была на 49-м месте из 115 со значением индекса 0,677 (за Украиной, перед Словакией)¹. В 2018 г. наша страна находилась на 75-м месте из 149 с показателем 0,701 (между Доминиканской Республикой и Кенией)². Напомним, что в общий индекс входят четыре субиндекса: участие в экономике и его возможности (economic participation and opportunity), уровень образования (educational attainment), здоровье и продолжительность жизни (health and survival), политическое участие (political empowerment). Чем ближе значение индекса к единице, тем меньше гендерный разрыв в стране.

Приведенные данные являются свидетельством того, что заметного улучшения в положении женщин в российском обществе не происходит, несмотря на то что государство неоднократно принимало различные программно-целевые и стратегические документы в этой сфере. Еще в 1990-х гг. был подписан специальный указ Президента РФ о задачах государственной политики в отношении женщин и приняты два национальных плана действий по улучшению их положения³. Возникает закономерный вопрос: «Почему?» Разными исследовательницами анализировались различные аспекты данной проблемы (см., напр.: [Хасбулатова, 2005; Юкина, 2011; Воронина, 2013]). При этом рефреном всегда шла

¹ The Global Gender Gap Report 2006. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2006.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

² The Global Gender Gap Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2018> (дата обращения: 29.03.2019).

³ О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин: указ Президента РФ от 4 марта 1993 г. № 337 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 11. Ст. 937; О Национальном плане действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года: постановление Правительства РФ от 29 августа 1996 г. № 1032 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 3060; О Национальном плане действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе на 2001—2005 годы: распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2001 г. № 855-п // Там же. 2001. № 28. Ст. 2913.

мысль: для Российского государства проблематика гендерного неравенства не является приоритетной, в любое время находилось (находится) нечто более важное, насущное и неотложное. С чем это связано в большей степени — с мужским господством в политике или гендерной некомпетентностью лиц, принимающих решения, — предмет отдельного исследования.

Проблему актуализирует тот факт, что Советский Союз был признанным пионером в создании социальных сервисов для женщин и вовлечении их в экономику, а значит, проводил реальную политику сокращения гендерного разрыва в обществе.

Теоретические основы и результаты исследования

Советская политика в отношении женщин была достаточно последовательной, поскольку исходила из непротиворечивых оснований марксистского решения «женского вопроса», в которых освобождение женщины-труженицы является составной частью общей задачи освобождения пролетариата; женщины-пролетарки с точки зрения своего угнетенного статуса ничем не отличаются от мужчин-пролетариев, они также эксплуатируются капиталистами. Из этого логично вытекал второй постулат — равенство женщин и мужчин на рынке труда в качестве рабочей силы и их заинтересованность в строительстве коммунизма как бесклассового общества, свободного от эксплуатации. Более того, в 20—30-х гг. XX в. советской властью велась специальная разъяснительная работа по поводу того, что женщина-работница ни в чем не уступает мужчине-работнику [Дацук, 1931].

При этом за женщиной оставалась функция материнства, трансформирующаяся в известный гендерный контракт «работающая мать» (подробнее см.: [Темкина, Роткирх, 2002; Айвазова, 2011]). С учетом этакратизма советского общества следует сказать, что мужчины и женщины были равны в своей беспомощности перед государством и зависимости от него. Отсутствие в государственной политике конфессиональной составляющей (церковь была жестко отделена от государства и подвергалась гонениям) позволило заменить церковный брак гражданским, уйти от традиционных семейных ценностей и обосновывать необходимость экономической самостоятельности и трудовой занятости женщин. Одним из следствий этого стал рост разводов и неполных семей, что дополнительно актуализировало для государства задачу создания социальной инфраструктуры, позволяющей женщинам совмещать семью и работу, и усилило социально-экономическую зависимость женщины от государства (подробнее см.: [Балабанова, 2006]). Все это происходило в условиях отсутствия независимого женского движения. Артикулировать интересы женщин на политическом уровне было некому, потому что гражданского общества в СССР как такового не было, т. е. в политике в принципе не учитывались никакие другие интересы, кроме государственных.

Резюмируя, можно сказать, что советская политика в отношении женщин была успешной (в смысле роста женского образования, занятости и доходов женщин и т. п.) не в силу того, что она отвечала интересам женщин, а потому, что интересы женщин (в частности, эмансипация) и государства на этапе перехода от традиционного общества к современному пересекались.

Начало постсоветского периода отечественной истории совпало по времени с активизацией мирового женского движения. В 1995 г. в Пекине прошла Четвертая Международная конференция по проблемам женщин. Россия приняла в ней участие и подписала ее основные документы. В стране появляются женские организации нового типа. Они настаивают на необходимости защиты именно женских интересов, опираясь на феминистскую идеологию (см.: [Хасбулатова, 2005]).

Однако попытки женского движения закрепиться в большой политике успехом не увенчались. Общественное движение «Женщины России» раскололось и не смогло повторить свой парламентский успех 1992 г. Тем не менее два национальных плана действий по улучшению положения женщин все-таки появились. На смену им в 2004 г. пришла Гендерная стратегия Российской Федерации. Отметим, что в отличие от планов она не была утверждена правительством страны. Как известно, особого влияния на внутреннюю политику стратегия не оказала. Доказательством может служить судьба раздела 5 «Перспективы осуществления гендерной стратегии». В нем были сформулированы следующие приоритетные задачи на период до 2005 г. (первый этап реализации стратегии)⁴:

- разработка планов мероприятий субъектов РФ по осуществлению гендерной стратегии на период до 2015 г.;
- подготовка пакета предложений по перспективному плану законотворческой деятельности в области гендерной политики;
- проведение гендерной экспертизы отраслевых стратегий, концепций и доктрин и подготовка предложений по коррекции осуществляемых планов;
- создание организационных структур на федеральном уровне, на уровне субъектов РФ, имеющих необходимые полномочия, для координации работы в рамках осуществления стратегии;
- разработка и проведение информационной кампании по популяризации идей гендерного равенства в России и положений стратегии.

Спустя 15 лет можно с уверенностью сказать, что ни одна из этих задач не была решена ни к 2005 г., ни к 2019 г. Точнее говоря, они даже не ставились всерьез. Не было выполнено ключевое условие, очень четко прописанное в Гендерной стратегии, а именно: «Реализация положений Стратегии предполагает разработку планов мероприятий на уровне субъектов Российской Федерации, а также разработку и реализацию мер государственной поддержки научных, образовательных и иных проектов в области гендерной политики. Конкретизация положений настоящего документа применительно к отдельным сферам деятельности общества и государства и особенностям проведения государственной политики по различным субъектам Российской Федерации может быть осуществлена при разработке программ развития субъектов Российской Федерации. Осуществление Стратегии должно быть обеспечено обоснованным финансированием»⁵.

Проблемы российских женщин в этот период решались наряду с другими социальными проблемами, потому что в 2000-х гг. благодаря высоким ценам

⁴ Гендерная стратегия Российской Федерации. М., 2004. URL: <http://womnet.ru/prava/2004/1/4.htm> (дата обращения: 29.03.2019).

⁵ Там же.

на нефть страна могла себе позволить тратить деньги на социальную политику. Когда цены на углеводороды упали и наступили сложные экономические времена, финансирование всех социальных программ было сокращено. Ситуация усугубилась сложным международным положением России и принятием так называемого закона об иностранных агентах⁶, что сократило финансирование деятельности многих женских организаций и привело к свертыванию исследовательских проектов. Западные фонды, в частности Фонд Дж. Д. и К. Т. Макартуров, Фонд им. К. Аденауэра и др., весьма активно поддерживали развитие в России именно гендерных исследований и их институционализацию в форме региональных гендерных центров, а также издание литературы по гендерной проблематике. Отсутствие финансирования болезненно сказывается в первую очередь на научных исследованиях. Российское государство готово финансировать деятельность женских некоммерческих организаций, например, через Фонд президентских грантов, но не проведение исследований гендерных проблем. Впрочем, это касается и других областей общественной жизни.

Полностью забыть о женских проблемах не позволила сложная демографическая ситуация. Беспрецедентный спад рождаемости начала 1990-х к 2010-м гг. обернулся резким сокращением контингента фертильных женщин. Государство начало проводить активную пронаталистскую политику. Особых успехов добиться не удалось (социол. анализ см.: [Бороздина и др., 2012]). По данным Росстата, в 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости начал сокращаться (1,621 на одну женщину репродуктивного возраста против 1,762 в 2016 г.)⁷. В силу того что женщины составляли большинство низшего класса страны [Тихонова, 2011], финансовый кризис 2008 г., переросший в экономический, ударил прежде всего по ним. Поскольку увеличение числа детей в семье неизбежно ведет к снижению уровня жизни, так как государственные выплаты покрывают лишь небольшую часть расходов на ребенка, в категорию нуждающихся попали не только пожилые женщины — пенсионерки, но и молодые матери маленьких детей. Женщины среднего возраста оказывались в зоне риска из-за большей вероятности быть уволенными при сокращениях. В этой ситуации государству вновь пришлось вернуться к проблемам женщин.

8 марта 2017 г. было подписано постановление Правительства РФ, которое утверждало Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017—2022 годы⁸. Есть серьезные опасения, что ее ждет судьба аналогичных документов конца 1990-х — начала 2000-х гг. в первую очередь из-за отсутствия финансирования. Однако сравнение текстов этих документов позволяет

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

⁷ Суммарный коэффициент рождаемости: данные Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 29.03.2019).

⁸ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. URL: <http://government.ru/docs/26698/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 29.03.2019).

увидеть, какой путь проделало теоретическое осмысление женской проблематики в отечественной общественной науке. Если Гендерная стратегия России (2004 г.) была подготовлена Министерством труда и социального развития РФ при поддержке Канадского агентства международного развития, то Национальная стратегия действий в интересах женщин — это уже результат работы отечественных ученых и активисток женских общественных организаций.

К сожалению, политика в отношении женщин от этого не стала более эффективной, и главная причина состоит в том, что существует весьма серьезное противоречие между теорией решения женских проблем, которую активно разрабатывают феминистские исследователи различных направлений, и практикой их решения весьма далекими от феминизма людьми. История согласования проекта Национальной стратегии действий выступает наглядной иллюстрацией этого тезиса. В ходе данного согласования из текста полностью выпал раздел по гендерному просвещению и вопросы повышения политической активности женщин. Зато появился призыв к укреплению традиционных семейных ценностей, в том числе к ориентации на расширенную многопоколенную и многодетную семью. В разделе, посвященном анализу положения российских женщин, шире представлены факты по медицинскому обслуживанию беременных женщин, но исчезла статистика по материнской смертности. Заметно сократилась статистика, характеризующая роль женщин в государственном управлении и бизнесе. Исчезла отсылка к документам ООН, например к резолюции «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.»⁹, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. В п. 20 этого документа, в частности, говорится: «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек внесут решающий вклад в продвижение к достижению всех целей и задач. <...> Женщины и девочки должны пользоваться равным доступом к качественному образованию, экономическим ресурсам и возможностям участия в политической жизни, а также иметь равные с мужчинами и мальчиками возможности в плане занятости, выступления в роли лидера и принятия решений на всех уровнях. Мы будем добиваться значительного увеличения инвестиций в целях устранения гендерного разрыва и усиления поддержки институтов, занимающихся вопросами обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин на глобальном, региональном и национальном уровнях» (курсив наш. — М. К.). Из текста Национальной стратегии действий было также исключено упоминание о том, что в России пока не принято специальное законодательство по профилактике семейно-бытового насилия. Учитывая, что в феврале 2017 г. в стране произошла декриминализация домашнего насилия¹⁰, это удивления не вызывает.

Последней точкой стало отклонение в июле 2018 г. проекта Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин

⁹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 29.03.2019).

¹⁰ О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ // Российская газета — федеральный выпуск + Союз. 2017. № 7196 (30).

и равных возможностей для их реализации», принятого нижней палатой парламента России в первом чтении 16 апреля 2003 г.¹¹ Отметим, что в постановлении Государственной думы Федерального собрания РФ не говорится ни о причинах отклонения законопроекта, ни о том, что работу в данном направлении необходимо продолжить. Таким образом, с точки зрения создания нормативно-правовой базы проведения политики сокращения гендерного неравенства в российском обществе мы вернулись в конец 1990-х гг.

На самом деле проблема не ограничивается тем, что политики и чиновники не разделяют феминистского стремления к равенству, в том числе в политической сфере. Гораздо более серьезным выступает то, что Национальная стратегия действий в интересах женщин, которая является документом стратегического государственного управления, построена на разных теоретических и ценностных основаниях. Она в принципе не может быть успешно реализована, потому что, давая одной рукой, другой — государство отбирает. Это касается в первую очередь решения ключевого для современных женщин ролевого конфликта «семья — работа». Призывая к росту экономической активности женщин, Российское государство одновременно пропагандирует многодетность, что очень трудно совместить.

Надо сказать, что последовательные американские феминистки второй волны вообще неохотно выступали в защиту прав женщин на материнство. В. Брайсон, например, пишет: «Ратую за конкуренцию на строго равных условиях, либеральный феминизм квалифицирует любое признание различий между полами как акт неполноценности женщин либо как низведение их лишь к биологической функции» [Брайсон, 2001: 175]. Подобные высказывания можно слышать сегодня и от российских женщин, причем себя к феминисткам не причисляющих. Так, кинопродюсер Н. Мокрицкая в ток-шоу М. Швыдкого на тему «Гендерное неравенство. Есть ли эта проблема в России?», которое вышло в эфир 16 февраля 2019 г. на телеканале «Культура», неоднократно говорила о том, что российские женщины хотят быть сексуальными объектами, никто их к этому не принуждает, поэтому они сами виноваты в своих проблемах, а также о том, что необходимо снять с женщины, которая не вышла замуж и не родила детей, клеймо неудачницы.

Для нашей страны вопрос повышения рождаемости — один из первостепенных. Как уже отмечалось, решая его, государство пошло по пути активной пронаталистской политики. Однако были ли меры материальной (экономической) поддержки семей с детьми действиями государства в интересах женщин? С нашей точки зрения, нет. Это были действия в интересах государства (подробнее см.: [Кашина, 2017]). Именно данное обстоятельство и делает постсоветскую государственную политику в отношении женщин внутренне противоречивой и в силу этого неэффективной. История повторилась. Государство снова

¹¹ О проекте Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации»: постановление от 11 июля 2018 г. № 4451-7 ГД. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=6F5B57D2EBD8000C357AEAC73BC9D9CB&req=doc&base=EXP&n=674214&REFFIELD=134&REFDST=1000000030&REFDOC=15191&REFBASE=PRJ&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D36#5zb8kxg4clg> (дата обращения: 29.03.2019).

стало нуждаться в женщинах, как и в первые годы советской власти, однако теперь интересы женщин и государства не совпадают. Рост рождаемости, нужный государству, в современных условиях не ведет к свободе, а усиливает социально-экономическую зависимость женщин от государства. При этом в условиях рыночной экономики возврат к этакратизму в России вряд ли возможен.

Обсуждение

Неудачи в демографической политике, сокращение социальных программ, отсутствие специального финансирования проектов и программ в интересах женщин, продолжающийся рост женской бедности — все это актуализирует вопрос о том, что делать дальше.

Если говорить о росте рождаемости и преодолении депопуляции, то у нас перед глазами пример США, Франции и Великобритании, в которых высокая рождаемость обеспечивается мигрантами, а естественная убыль компенсируется миграционным приростом. Россия уже идет по этому пути. Борьба с феминизацией бедности пока ведется путем увеличения пенсионных выплат и размера пособий на детей и семьям с детьми. Главные надежды на рост доходов женщин специалисты связывают с развитием цифровой экономики и увеличением занятости женщин в новых, перспективных секторах, так называемых STEM-областях [Калабихина, 2017]. В этих новых сферах молодые женщины оказываются вполне конкурентоспособны. Вторая российская женщина — долларовый миллиардер (после Е. Батуриной) — Т. Бакальчук владеет самой дорогой компанией Рунета Wildberries¹². С политическим участием женщин дело обстоит несколько сложнее. Женская повестка в программах российских политических партий представлена весьма фрагментарно, за исключением программы партии «Яблоко», единственной в России, председателем которой является женщина — Э. Слабунова. Число женщин в российской политике растет, например, в составе Законодательного собрания Санкт-Петербурга шестого созыва 12 женщин (24 %), однако нельзя сказать, что женская проблематика в региональном законодательном процессе стала звучать чаще. Среди женщин-политиков федерального уровня по-прежнему нет молодых и ярких личностей, способных стать лидерами национального женского движения, да и само движение остается расколотым на феминисток и сторонниц традиционалистских гендерных норм (подробнее о гендерных нормах см.: [Клещина, Иоффе, 2017]).

Обобщая, можно констатировать, что в конце 2010-х гг. ситуация с экономическим и политическим положением женщин в российском обществе формально остается примерно такой же, какой она была в 2000-х, за двумя исключениями.

1. В обществе наблюдается усиление консерватизма, проявлением которого стал закон об иностранных агентах, рост гомофобии, следование консервативной концепции семейной политики до 2025 г. и др. (социол. анализ см.: [Гурко, 2013]).

2. В стране проводятся институционализованные гендерные исследования и существует академическое гендерное сообщество.

¹² Forbes: в России появилась вторая женщина-миллиардер // РИА «Новости». 2019. 21 февраля. URL: <https://ria.ru/20190221/1551168222.html> (дата обращения: 29.03.2019).

Современное российское общество становится все больше информационным, растет роль сетевых коммуникаций и сетевых сообществ, многие из которых разделяют не традиционалистские, а эгалитарные гендерные нормы и ценности. Опережающий рост информативности гражданского социума готовит переход к сценарию открытого гражданского общества, основанного на гуманистической культуре и демократических институтах [Василенко, Миронова, 2012: 51—52]. Тенденции консерватизма власти противостоит тенденция модернизации повседневных практик, носителем которой является образованная городская молодежь.

Учитывая современное экономическое положение России, наивно рассчитывать на щедрое государственное финансирование социальных программ и проектов в интересах женщин, но есть достаточно малобюджетные вещи, способные дать заметный результат. Речь идет о гендерном просвещении, которое может заключаться в квалифицированном/профессиональном обсуждении гендерных проблем в СМИ, гендерных курсах, реализуемых на всех ступенях системы образования, в создании и распространении учебной и научной литературы по различным отраслям гендерных исследований. Многие проблемы, с которыми сталкиваются женщины, могут быть решены не столько через экономическую (материальную) помощь государства, сколько через перестройку женского сознания, борьбу с гендерными стереотипами, формирование установки на успех и преодоление психологии патернализма. Наглядный пример — работа кризисных центров с женщинами — жертвами домашнего насилия.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Контракт «работающей матери»: нарушение или расторжение: (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 13—22.
- Балабанова Е. С.* Экономическая зависимость женщин: сущность, причины и последствия // *Социологические исследования*. 2006. № 4. С. 47—57.
- Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Как распорядиться «материнским капиталом», или Граждане в семейной политике // *Социологические исследования*. 2012. № 7. С. 108—117.
- Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М.: Идея-Пресс, 2001. 304 с.
- Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // *Государственная служба*. 2012. № 1. С. 47—53.
- Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 12—20.
- Гурко Т. А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // *Социологическая наука и социальная практика*. 2013. № 3. С. 33—52.
- Дацук Г.* Женщину на производство. М.: Соцэкгиз, 1931. 48 с.
- Калабихина И. Е.* Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 5—16.

- Кашина М. А. Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах: (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений. М., 2017. С. 53—62.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—15.
- Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24—31.
- Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
- Юкина И. И. Двуликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 30—38.

References

- Aïvazova, S. G. (2011) Kontrakt “rabotaiushcheĭ materi”: narushenie ili rastorzhenie: (K voprosu ob osobennostiakh gendernoĭ politiki v sovremennoĭ Rossii) [The contract of the “working mother”: violation or termination: (On the issue of the features of gender policy in modern Russia)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 13—22.
- Balabanova, E. S. (2006) Ėkonomicheskaia zavisimost' zhenshchin: sushchnost', prichiny i posledstviia [The economic dependence of women: the nature, causes and consequences], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 47—57.
- Borozdina, E. A., Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2012) Kak rasporiadit'sia “materinskim kapitalom”, ili Grazhdane v semeĭnoĭ politike [How to manage “maternal capital”, or Citizens in family policy], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 108—117.
- Braïson, V. (2001) *Politicheskaia teoriia feminizma* [Political theory of feminism], Moscow: Ideia-Press.
- Datsuk, G. (1931) *Zhenshchinu na proizvodstvo* [Woman for production], Moscow: Sotsĕkgiz.
- Gurko, T. A. (2013) O Kontseptsii gosudarstvennoĭ semeĭnoĭ politiki Rossiĭskoĭ Federatsii na period do 2025 goda: ěkspertnaia otsenka [About the Concept of the state family policy of the Russian Federation for the period until 2025: expert assessment], *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 33—52.
- Iukina, I. I. (2011) Dvulikiĭ Ianus gendernoĭ politiki v Rossii [Two-faced Janus gender policy in Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 30—38.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring the representation of women in STEM education and STEM employment in Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.
- Kashina, M. A. (2017) Sotsial'no-demograficheskaia politika gosudarstva: v poiskakh garmonii interesov gosudarstva i naseleniia [Socio-demographic policy of the state: in search of harmony of interests of the state and the population], in: *Demograficheskoe obrazovanie i izuchenie narodonaseleniia v universitetakh: (Deviatye Valenteevskie chteniia)*: Sbornik stateĭ i tezisov vystupleniiĭ, Moscow, pp. 53—62.
- Khasbulatova, O. A. *Rossiĭskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the XX century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 2005.

-
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Temkina, A. A., Rotkirch, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 4—15.
- Tikhonova, N. E. (2011) Nizshii klass v sotsial'noi strukture rossiiskogo obshchestva [The lower class in the social structure of Russian society], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 24—31.
- Vasilenko, L. A., Mironova, N. I. (2012) Sotsial'naia nespravedlivost': metodologiiia sotsiologicheskogo izmereniia i interpretatsii [Social injustice: a methodology for the sociological dimension and interpretation], *Gosudarstvennaia sluzhba*, no. 1, pp. 47—53.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoi Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12—20.

Статья поступила 14.05.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Public Relations and Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 14—28
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.2

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 14—28
ББК 66.3(2Рос),41
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.2

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ЕСТЬ ЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ В ДОКУМЕНТАХ 2007—2017 гг.

И. Е. Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Методом контент-анализа текстов было выполнено сравнение пяти концептуальных документов в области социально-демографической политики 2007—2017 гг. К результатам анализа, в частности, относится отсутствие преемственности концептуальных подходов в разных документах, смена подхода, слабая связь целей и индикаторов успеха разных концепций и стратегий. С забвением гендерного равенства уже в первых документах исследуемого десятилетия совпала и постепенная смена концептуального подхода — с либерального на консервативный. Наблюдается усиление традиционализма, патернализма; отказ от принципа участия объектов политики в принятии решений, затрагивающих их интересы; смена приоритетов интересов (интересы семьи и государства выше интересов ребенка или взрослого члена семьи).

Ключевые слова: концепции и национальные стратегии, социально-демографическая политика, контент-анализ, гендер, Россия.

MODERN SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY IN RUSSIA: IS THERE ANY CONTINUITY IN CONCEPTUAL APPROACHES IN THE DOCUMENTS OF 2007—2017?

I. E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

The comparison of five conceptual documents in the field of socio-demographic policy for 2007—2017 was made using the method of content analysis of texts. One of the results of the analysis is the lack of continuity of conceptual approaches in different documents; the change of conceptual approach from liberal to conservative one; weak link between goals and success indicators of different concepts and strategies. Oblivion of gender equality occurred in the very first documents of the studied decade. A gradual change of conceptual

approaches coincided with oblivion of “gender”. New approaches are characterized by the increase in traditionalism, paternalism; rejection of the principle of participation of objects of policy in making decisions affecting their interests; change of priorities of interests (the priority is given not to a child’s or an adult member of the family interests but to the one featuring state and family interests).

Key words: concepts and national strategies, socio-demographic policy, content analysis, gender, Russia.

Введение

Десятилетие 2007—2017 гг. отмечено в России созданием большого числа концептуальных документов в области социально-демографической политики. Существует ли преемственность в политических документах с точки зрения концептуальных подходов? Сохранялся ли единый теоретический подход в течение десятилетия активного производства концепций в области социально-демографической политики?

Признанным фактом стало исчезновение гендерного подхода в социальной политике в связи с ослаблением национального механизма по гендерному равенству с начала 2000-х гг. [Воронина, 2013]. Характеризуется ли последнее десятилетие только окончательным забвением «гендера», или произошли и другие перемены? Совпало ли забвение гендерного подхода с отходом от других приоритетов в политике? И последний исследовательский вопрос в этом контексте: возможно и нужно ли использовать гендерный ресурс как драйвер позитивных демографических изменений в условиях отсутствия «гендера» в концептуальных документах социально-демографической политики?

Основные исследовательские гипотезы таковы: 1) нарушена преемственность в концептуальных подходах в различных документах социально-демографической политики 2007—2017 гг.; 2) забвение «гендера» совпало с усилением патерналистского подхода и отказом от ряда признанных ранее принципов проведения социально-демографической политики.

Данные и методы исследования

Рассматриваются такие концептуальные документы в области социально-демографической политики, как:

- 1) Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (опубликована в 2007 г.);
- 2) Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 гг. (2012 г.);
- 3) Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 г. (2014 г.);
- 4) Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. (2016 г.);
- 5) Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. (2017 г.).

Этот перечень формировался по следующему признаку: концепции посвящены темам рождаемости и/или сохранения (улучшения) здоровья населения

(преимущественно за счет самосохранительного поведения), что является основными задачами социально-демографической политики. Две концепции посвящены непосредственно демографической и семейной политике и три концепции — политике в интересах социально-демографических групп (дети, женщины и пожилые), которые являются специфическими объектами политики по повышению рождаемости и укреплению здоровья. Заметим также, что разработка Концепции семейной политики была первой задачей Национальной стратегии действий в интересах детей. В преамбуле последующих концепций упоминается их связь с Концепцией демографической политики.

Для анализа концептуальных подходов в этих стратегических документах были использованы методы качественного и количественного контент-анализа текстов с использованием программного обеспечения MAXQDA.

Метод контент-анализа широко используется в содержательных оценках текстов различных документов в политологии, экономике, социологии и многих других направлениях общественных и гуманитарных наук [Шалак, 2004].

Конкретные инструменты количественного контент-анализа — облако тегов, документ-портрет.

Облако тегов — визуальное представление списка наиболее часто употребляемых слов в документах (мы исключили предлоги, союзы, даты). Документ-портрет основан на частоте упоминания слов и словосочетаний, сгруппированных в смысловые коды.

Для построения документ-портрета всех исследуемых стратегических документов были выбраны следующие коды: «работа», «гендер», «женщины», «мужчины», «дети», «старение», «здоровье», «жизнь», «рождаемость», «семья», «демография». Каждому коду соответствует множество синонимов в различных формах (части речи, склонения существительных, спряжения глаголов и пр.). Часть кодов связаны с объектами социально-демографической политики, отраженными в исследуемых концепциях («женщины», «дети», «старение», «семья», «демография»). Часть кодов являются направлениями социально-демографической политики или мерами ее реализации («здоровье», «жизнь», «рождаемость», «старение», «работа»). Часть кодов описывают чувствительность документов к гендерным вопросам («гендер», «женщины», «мужчины», «семья», «работа»). Множества кодов по разным критериям пересекаются, поскольку несут в себе потенциал для различных интерпретаций.

Для изучения преемственности документов и концептуальных акцентов в стратегических документах социально-демографической политики 2007—2017 гг. мы сначала обратимся к количественному контент-анализу и сравним попарно (а затем в совокупности) методом облака тегов такие документы, как:

— Национальная стратегия действий в интересах детей (2012 г.) и ее развитие — Концепция семейной политики (2014 г.);

— Концепция демографической политики (2007 г.) и Концепция семейной политики (2014 г.);

— Национальная стратегия действия в интересах пожилых (2016 г.) и Национальная стратегия действий в интересах женщин (2016 г.).

Сравнение Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.) и Национальной стратегии действий в интересах

женщин (2017 г.) на первый взгляд кажется менее важным. Действительно, Концепция семейной политики родилась внутри Национальной стратегии действий в интересах детей и тесно связана с Концепцией демографической политики. Однако и национальные стратегии действий в интересах других социально-демографических групп — женщин и пожилых (среди которых женщины преобладают в 2,5 раза) — тесно связаны с Концепцией демографической политики и задачами семейной политики и являются, на наш взгляд, продолжением позиционирования социально-демографической политики в России.

Вторым шагом будет соединение количественного и качественного анализа документов (попарно и в целом) для взаимного подтверждения разными методами гипотез о наличии тех или иных концептуальных акцентов в документах.

Качественный контент-анализ заключался в экспертной оценке стратегического документа социально-демографической политики на предмет присутствия в нем следующих сюжетов и подходов:

- приоритета интересов ребенка;
- приоритета интересов семьи и/или государства;
- принципа участия объектов политики (дети, семьи, женщины, мужчины, пожилые люди) в принятии решений, затрагивающих их интересы;
- упоминания о правах человека, международных документов по правам человека;
- принципа развития человеческого потенциала;
- принципа патернализма государства и зависимости объектов политики от государственной поддержки;
- принципа гендерного равенства (особенно в распределении труда по уходу за членами домохозяйства, поскольку на эту сферу жизнедеятельности менее всего распространилась эмансипация женщин);
- приверженности традициям, традиционным ценностям, консерватизму;
- выделения специфических нужд женщин и мужчин в области социальной политики;
- принципа солидарности поколений и принципа активного долголетия (особенно важны для социально-демографической политики в стареющем обществе).

Третий шаг — использование документ-портретов стратегических текстов для анализа преемственности документов и богатства палитры направлений социально-демографической политики в 2007—2017 гг.

Результаты исследования

На рисунке 1 облако тегов Национальной стратегии действий в интересах детей существенно отличается от облака тегов Концепции семейной политики, несмотря на то что Концепция семейной политики была продолжением одного из ведущих направлений Национальной стратегии действий в интересах детей. Напомним, одной из основных задач реализации Нацстратегии была задача разработки Концепции семейной политики.

Национальная стратегия действий в интересах детей основана на приоритете прав ребенка, а также на развитии человеческого потенциала каждого ребенка — здоровья и образования. Концепция семейной политики оперирует

словом «дети», не выделяя каждого ребенка как уникального и ценного объекта и субъекта социальной политики. Принцип участия объекта политики в реализации политики и превращения его в субъекта политики был заложен только в Национальной стратегии действий в интересах детей. Единственный концептуальный документ в России в области социальной политики, в котором отдельным важным принципом считалось участие детей в реализации социальной политики, остается Национальная стратегия действий в интересах детей. В Концепции семейной политики дети больше не являются субъектом политики, интенсивность использования сюжетов про образование и здоровье снижена. В этом документе появляются слова «ценности» (традиционные), «сохранение», что свидетельствует о повороте к традиционализму и консерватизму. Отдельно подчеркивается именно государственное участие в реализации семейной политики, что наводит на мысль об усилении патернализма. Палитра акцентов становится менее разнообразной.

Рис. 1. Облако тегов а) Национальной стратегии действий в интересах детей (2012 г.), б) Концепции семейной политики (2014 г.)

При последующем качественном контент-анализе нам удалось выделить в семейной концепции приоритет интересов семьи и подтвердить нашу гипотезу об усилении патернализма и опоре на традиционные ценности. Итак, по результатам качественного и количественного сравнительного анализа текстов, основные концептуальные акценты Национальной стратегии действий в интересах детей — приоритет интересов ребенка, прав человека, развития человеческого потенциала; Концепции семейной политики — патернализм, традиционализм, приоритет интересов семьи.

Далее сравним тексты Концепции демографической политики (2007 г.) и Концепции семейной политики (2014 г.). Обычно при схожести мер этих двух видов политики в них различаются целеполагания и основные выгодоприобретатели: демографическая политика чаще нацелена на достижение желательных параметров воспроизводства населения и реализуется в первую очередь в интересах государства; семейная политика чаще нацелена на улучшение материального и духовного благополучия семьи и реализуется в первую очередь в интересах семей разных типов. В отдельной взятой стране, как правило, реализуется либо демографическая, либо семейная политика. Большинство европейских стран, например, перешли к реализации исключительно семейной политики. Россия

в начале 1980-х гг. и в настоящее время предпочитает демографическую политику, но контекст документов содержит принципы и меры, часто свойственные семейной политике, что дало повод некоторым исследователям называть политику 1980-х гг. в России семейно-демографической [Фрейка, Захаров, 2014].

В России в настоящее время действуют две концепции, но, судя по частоте упоминания демографической политики в официальных обращениях Президента России В. В. Путина в течение многих лет, демографическая политика считается приоритетной. При этом многие направления реализации демографической политики лежат в области традиционной семейной политики (например, повышение уровня жизни семей с детьми и пр.). Например, в Послании 2019 г. из 28 выделенных тем 12 посвящены демографии и благополучию семей с детьми (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>). Можно утверждать, что концептуальное содержание современной демографической политики представляет собой смешанный подход и опирается на традиционные для семейной политики подходы в области развития человеческого потенциала и благополучия семей и — одновременно — на принципы пронатализма и роста количественных параметров населения.

На рисунке 2 мы видим, что Концепция демографической политики даже богаче акцентами в области развития человеческого потенциала, чем Концепция семейной политики. Концепция семейной политики в целом проигрывает в разномобразии акцентов и Концепции демографической политики.

Рис. 2. Облако тегов а) Концепции демографической политики (2007 г.),
б) Концепции семейной политики (2014 г.)

Качественный контент-анализ приводит к выводам о пронаталистском характере Концепции демографической политики и о приоритете прав человека. Задачи снижения смертности важнее задач повышения рождаемости, международное законодательство — основа развития национального законодательства.

В чем тогда была задача отдельной семейной политики? По сути, в демографической концепции мы находим концептуальные подходы типовой семейной политики в сочетании с пронаталистскими идеями, а в семейной концепции имеем повтор многих основных задач пронаталистской демографической политики (включая задачу «достижения положительной динамики демографических показателей»), но с акцентом на возрождении «традиционных ценностей». Создается впечатление, что Концепция семейной политики не привнесла ничего

нового в инструментальные инновации или в расширение числа объектов или направлений воздействия в области социально-демографической политики, а лишь поменяла концептуальный подход, усилив значение традиционных ценностей и приоритета интересов семьи (и государства) над приоритетом интересов ее отдельных членов.

Итак, по результатам качественного и количественного сравнительного анализа текстов, основные концептуальные акценты Концепции демографической политики — пронатализм, развитие человеческого потенциала, приоритет прав человека; напомним, основные акценты Концепции семейной политики — патернализм, традиционализм, приоритет интересов семьи.

На рисунке 3 облака тегов Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения и Национальной стратегии в интересах женщин выявляют один из основных подходов, характерных для данных документов, — акцент на патернализм (зависимость от государственной поддержки). Слова «помощь» и «услуга» преобладают в первом тексте и слово «государственной» (власти, политики) во втором. В Нацстратегии в интересах женщин акцент сделан на материнстве (слово «детей») и труде («труд»), что очень напоминает советскую модель социальной политики в области так называемого женского вопроса: защита материнства и детства, создание условий для совмещения родительских и производственных обязанностей исключительно для женщин (у читателя новой семейной концепции возникает эффект дежа-вю). Вновь поддерживается только «контракт работающей матери» [Темкина, Роткирх, 2002].

Рис. 3. Облако тегов а) Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.), б) Национальной стратегии действий в интересах женщин (2017 г.)

Качественный контент-анализ всех трех национальных стратегий действий в интересах различных социально-демографических групп также позволяет сделать вывод об усилении государственного патернализма в более поздних документах. Кроме того, государственный патернализм не сочетается ни с концепцией активного долголетия, ни с солидарностью поколений, ни с эгалитарным разделением домашнего труда между мужчинами и женщинами. В поздних стратегиях имеется много хороших идей, но, видимо, названные недостающие звенья не могли быть вписаны в патерналистский и «безгендерный» формат.

Мы не будем подробно обсуждать, какие из принципов являются наилучшими в реализации социально-демографической политики. Наша задача —

выявить новации в концептуальных акцентах различных документов в области социально-демографической политики, связанные с изменениями в стране в период проведения данной политики. Если наша гипотеза верна и эти новации имеют место быть, то следует подчеркнуть, что реализация социально-демографической политики в отсутствие преемственности теоретических подходов в документах может помешать результативности и эффективности политики.

Судя по количественному и качественному контент-анализу текстов, преемственности концептуальных подходов в стратегических документах социально-демографической политики 2007—2017 гг. не существует.

Анализ индикаторов успеха реализации различных стратегических документов в одной области показал, что и индикаторы не связаны между собой единой логикой, что сильно осложняет как проведение социально-демографической политики, так и ее мониторинг и отчетность со стороны региональных и федеральных профильных министерств.

Используя еще один инструмент количественного анализа — портрет документов, основанный на частоте упоминания слов и словосочетаний, сгруппированных в смысловые коды, опишем изменения в «букве и духе» документов социально-демографической политики 2007—2017 гг. (рис. 4).

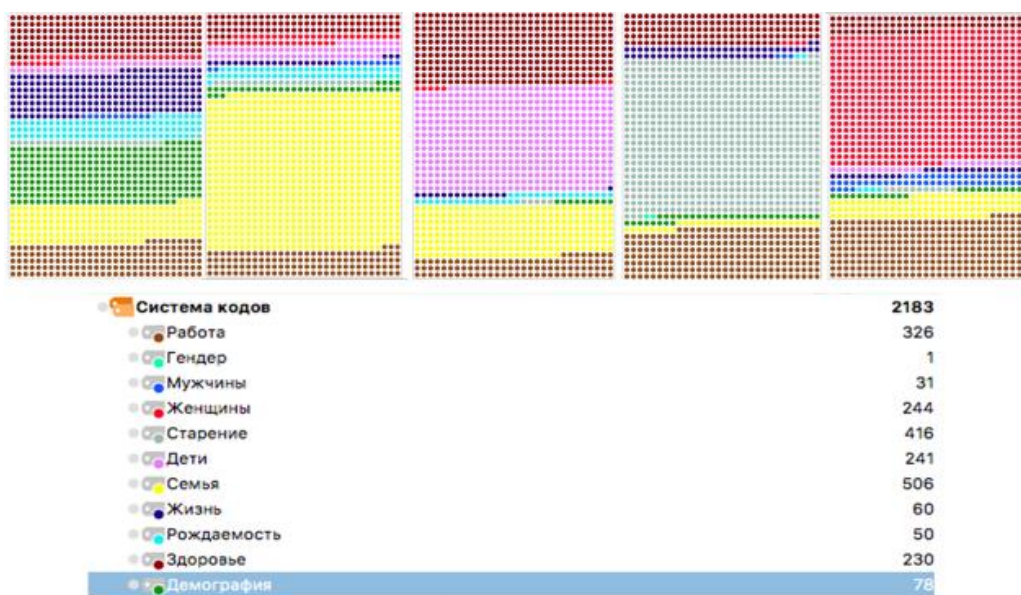

Рис. 4. Портрет документов: 1) Концепции демографической политики (2007 г.), 2) Концепции семейной политики (2014 г.), 3) Национальной стратегии действий в интересах детей (2012 г.), 4) Национальной стратегии действий в интересах граждан старшего поколения (2016 г.) и 5) Национальной стратегии действий в интересах женщин (2017 г.) (номера 1) — 5) соответствуют порядку расположения документов)

Самой многогранной концепцией представляется Концепция демографической политики 2007 г. В остальных документах коды, связанные с употреблением слов и словосочетаний, обозначающих основной объект политики («семья», «дети», «старение=старшие», «женщины»), преобладают, что кажется

нормальным. Однако и нейтральные коды («работа» и «здоровье») представлены неравномерно. В последних документах реже упоминается тема здоровья, чаще — тема работы (несмотря на то что последние две стратегии написаны в интересах пожилого населения и женщин, то есть людей с повышенной потребностью в услугах системы здравоохранения по причине возраста и активного участия в воспроизводстве населения).

В стратегии для пожилых редко упоминается семья и не упоминаются дети, что свидетельствует об отсутствии идеи солидарности поколений.

Тема «гендер» затронута только в стратегии для пожилых, но лишь в статистическом контексте (соотношение полов). Большинство документов (кроме «женской» стратегии) представляются бесполовыми, поскольку в них не только не упоминается тема «гендер», но и почти отсутствуют темы «женщины» и «мужчины», специфические потребности полов не учтены.

Во введении мы констатировали забвение «гендера» в социально-демографической политике России с начала 2000-х гг. Данный анализ подтверждает это забвение, «гендер» исчез из официальных документов уже в 2007 г. Кроме того, забвение гендерного подхода совпало с изменением приоритетов в социально-демографической политике: усилились патерналистские и традиционалистские идеи, приоритет интересов человека (ребенок, женщина, мужчина) сменился приоритетом интересов семьи и государства, стал более слабым акцент на развитие человеческого потенциала, сбалансированность тем и направлений снизилась. В важных документах, написанных для старшего поколения и женщин, «забыли» темы солидарности поколений, равенства родителей в участии в воспитании детей и заботе о членах семьи, участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Наши методы не позволяют сделать однозначный вывод о том, что забвение «гендера» привело к смене приоритетов социально-демографической политики. Но констатировать такое совпадение мы можем. Стратегические документы 2007—2012 гг. отличаются от стратегических документов 2014—2017 гг., произошла смена концептуальных подходов в рамках одного раунда и типа политики в одной стране.

По-видимому, смена либерального подхода на консервативный в социально-демографической политике привела к постепенному отказу от всех признанных ранее (в концептуальных документах 1990-х гг.) ценностей — гендерного равенства, приоритета интересов и прав ребенка, участия детей в принятии решений и пр. Начался этот поворот с отказа от «гендера», далее постепенно все либеральные ценности в концептуальных документах заместились консервативными ценностями. В рамках данной статьи мы не определим, явился ли отказ от «гендера» драйвером поворота в концептуальном подходе в рамках социально-демографической политики, для этого нужны дополнительные исследования. Но в России начала XXI в. этап последовательной смены концептуального подхода стартовал с «гендера».

Переход произошел постепенно: «гендер» в документах отсутствовал уже в 2007 г., но окончательный консервативный поворот произошел только в 2014 г. В 2007 и в 2012 гг. в документах сохранялось большинство описанных либеральных ценностей.

Продолжая разговор о «гендере» в социально-демографической политике, зададим себе два вопроса. Возможно ли 1) реализовать успешную устойчивую социально-демографическую политику без «гендера»; 2) внедрять «гендер» в политику в условиях его отсутствия в концептуальных документах, где акцент сделан на консервативных ценностях?

Современная демографическая политика в России продемонстрировала результативность на первых двух этапах своего существования. Первый этап, 2007—2010 гг. (преодоление негативных тенденций), и второй этап, 2011—2015 гг. (стабилизация достигнутых успехов), завершились успешно, основные индикаторы успеха продемонстрировали его наличие (табл.).

Плановые и фактические индикаторы результативности демографической политики 2007—2025 гг. в России

Индикаторы	Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину условного поколения)	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	Младенческая смертность (во сколько раз снизилась)	Смертность (во сколько раз снизилась)	Сальдо миграции (тыс. чел.)
По плану к 2015 г. по сравнению с 2006 г.	1,3	70,0	–	1,3	200
По факту к 2015 г. по сравнению с 2006 г.	1,4	71,4	1,6	1,19/1,08	250
По плану к 2025 г. по сравнению с 2006 г.	1,5	75,0	–	1,6	300

Сост. по данным Росстата (факт) и Концепции демографической политики (план).

В какой степени именно демографическая политика повлияла на улучшение демографических показателей, сказать трудно. Мы располагаем одной работой, посвященной количественной оценке влияния материнского (семейного) капитала на рождаемость [Slonimczyk, Yurko, 2014], подтверждающей небольшое влияние материнского капитала на рост рождаемости. Нужны дополнительные исследования. Но совпадение во времени демографической политики и улучшения демографической ситуации очевидно.

Сможем ли мы сделать успех устойчивым на третьем этапе, в 2016—2025 гг. (упреждающее реагирование на возможные ухудшения демографической ситуации)? Особенно в свете Указа Президента России [О национальных целях..., 2018], содержащего выросшие демографические плановые индикаторы результативности (например, запланировано повышение ожидаемой

продолжительности жизни при рождении до 78 лет к 2024 г.) в условиях ухудшения демографической структуры, привыкания населения даже к значительным мерам социально-демографической политики (если мы принимаем за аксиому обязательное реагирование населения на эти меры), истощения потенциала календарных сдвигов рождений в течение первых этапов политики и экономической стагнации как базиса демографического развития.

С нашей точки зрения, дальше идти без «гендера» невозможно. Нужна новая парадигма социально-демографической политики именно в условиях ухудшения демографической ситуации (по данным Росстата, с 2016 г. наблюдается рост абсолютных и относительных показателей естественной убыли населения страны) и привыкания населения к старой парадигме. Если старая парадигма была основана преимущественно на материальной поддержке («подари деньги»), то новая может быть основана на создании условий для баланса «семья — работа», который будет поддерживаться членами каждой семьи по их потребностям («подари время»). Успешность семейной политики и хорошие демографические показатели в Европе часто связывают с успехом политики балансирования семейных и профессиональных задач для женщин и мужчин [Thévenon, 2008]. Последний подход — это возвращение «гендера». И стоит этот подход на трех китах: разнообразие видов общественной и коммерческой форм по уходу за детьми и престарелыми членами домохозяйства; дружественный рынок труда с отсутствием гендерных стереотипов и наличием выбора разных форм и режимов занятости; участие отцов в уходе за детьми и поддержании домашнего хозяйства [Калабихина, 2009].

Традиционная защита материнства и детства советского типа в свое время была весьма эффективна в деле эмансипации женщин и использования женского труда и полученных в системе образования знаний в экономике 1920—1960-х гг. Но этот подход (эмансипация по-советски) базируется не на трех, а на двух китах — общественная помощь в воспитании детей и дружественный к матерям рынок труда. Третий кит — участие отцов в воспитании детей и домашнем труде и дружественное отношение к родительским потребностям отцов на рынке труда — неременное условие для завершения гендерного перехода [там же] и полноценной эмансипации женщин и мужчин. Игнорирование данного спроса на эгалитарность внутри семьи является основным фактором снижения рождаемости и отказа от создания семьи. Демографические задачи не решить без современного понимания «гендера».

Рано или поздно мы сможем на уровне принимающих решения лиц осознать это, но терять время нельзя. Как использовать гендерный ресурс в современной социальной политике? Разрабатывать прогендерные предложения даже вне гендерной риторики; проводить (академическую, общественную) гендерную экспертизу всех документов социально-демографической политики; использовать механизм социального бюджетирования для продвижения прогендерных программ; вести исследования для научно обоснованных политических рекомендаций, доказывать языком цифр полезность гендерного подхода в социально-демографической политике и продвигать результаты во все профильные структуры. Имеются и примеры исследований для научно обоснованной

социально-демографической политики с учетом гендерного подхода: о «цене» запрета аборт [Сакевич, 2005]; о причинах провала президентской программы обучения женщин с маленькими детьми [Калабихина, Бирюкова, Макаренцева, 2018]; о плохом здоровье девочек-подростков в многодетных российских семьях [Gazizullina, 2018]; о повышенной трудовой нагрузке успешных на рынке труда женщин, которые усиленно отработывают в выходные дни свое недостаточное, по их мнению, участие в домашнем труде [Калабихина, Шайкенова, 2019]; о «штрафе» за рождение ребенка [Biryukova, Makarentseva, 2017]; о здоровье женщин и их опыте получения медицинских услуг [Темкина, 2014; Chubarova, Grigorieva, 2016]; об особенностях старения женщин [Исупова, 2010]; о роли эгалитарных партнерских отношений в распределении домашнего труда при принятии решения о рождении ребенка [Смулянская, 2017] и многие другие.

Заключение

Сравнение концептуальных документов в области социально-демографической политики 2007—2017 гг. свидетельствует об отсутствии единого концептуального подхода, смене концептуальных подходов, отсутствии преемственности концептуальных подходов в разных документах. Смена концептуального подхода в рамках одной политики в отдельной стране может привести к непониманию задач исполнителями, к невосприятию населением мер политики, к риску снижения ее результативности. Слабая связь целей и индикаторов успеха разных концепций может обусловить проблемы в реализации и мониторинге политики, удорожание отчетности (издержки на производство отчетности по каждой стратегии с несвязанными индикаторами и целями стали очень высоки для региональных субъектов). Снижение сбалансированности представленных направлений социально-демографической политики также формирует риски провала отдельных направлений изначально комплексной политики.

Содержательная специфика смены концептуальных подходов состоит в усилении традиционализма, патернализма; в отказе от принципа участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы; в смене приоритетов интересов (интересы семьи и государства стали выше интересов ребенка или взрослого члена семьи); в ослаблении приоритета развития человеческого потенциала, несмотря на понимание и декларирование на государственном уровне важности развития человеческого потенциала для экономического прорыва; в отказе от гендерного подхода в целеполагании и средствах реализации политики. Стратегические документы 2007—2012 гг. отличаются от стратегических документов 2014—2017 гг., налицо смена концептуальных подходов в рамках одного раунда и типа политики в одной стране.

Забвение гендерного равенства произошло уже в первых документах исследуемого десятилетия. Стратегические документы «бесполье», специфических нужд мужчин и женщин в рамках социально-демографической политики не обозначено. С этим забвением совпала и постепенная смена концептуальных подходов, и отсутствие актуализации задач солидарности поколений и активного долголетия в стареющем обществе, задач роста эгалитарности в экономике заботы.

При этом мы полагаем, что гендерный ресурс может дать новый толчок социально-демографической политике в условиях ухудшения демографической ситуации и привыкания населения к действующим мерам демографической политики. Использование гендерного ресурса может лечь в основу разработки новой парадигмы социально-демографической политики «подари время». Использование потенциала гендерного подхода в условиях консервативного поворота в социально-демографической политике ограничено, но возможно и необходимо.

Перспективы исследования социально-демографической политики лежат как в плоскости количественных оценок ее эффективности, так и в продолжении контент-анализа не только концептуальных документов, но и текстов по вопросам социально-демографической политики в парламентских слушаниях, документах о приоритетных мерах реализации политики, СМИ, социальных сетях, поскольку дискурсы могут отличаться, и, если это подтвердится, это также может быть одним из факторов риска слабой результативности социально-демографической политики на следующем этапе.

Библиографический список

- Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Теория и методология гендерных исследований. 2013. № 11. С. 12—20.
- Исупова О. Г.* Гендер и старость: теоретические подходы // Демоскоп. 2010. № 433—434. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0433/analit05.php> (дата обращения: 05.05.2019).
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Калабихина И. Е., Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.* Реализация программы содействия занятости через профессиональное переобучение женщин с маленькими детьми в городе Москве // Мир России: социология, этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 136—162.
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285.
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. 2018. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 25.05.2019).
- Сакевич В. А.* Что было после запрета аборта в 1936 году // Демоскоп. 2005. № 221—222. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php> (дата обращения: 25.05.2019).
- Смулянская Н. С.* Что влияет на принятие решения о рождении ребенка у женщин разных возрастных групп? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. Т. 5. С. 289—299.
- Темкина А. А.* Медикализация репродукции и деторождения: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (3). С. 321—336.
- Темкина А. А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—14.
- Фрейка Т., Захаров С. В.* Эволюция рождаемости за последние полвека в России: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 106—143.

- Шалак В. И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. М.: Омега-А, 2004. 272 с.
- Biryukova S., Makarentseva A. Estimates of the motherhood penalty in Russia // *Population and Economics*. 2017. № 1. P. 50—70.
- Chubarova T., Grigorieva N. Access to health care in health systems and policy in Central Asia: a case of gender // *Health and Social Care Journal*. 2016. № 1. P. 9—34.
- Gazizullina P. Socio-economic determinants of adolescent health in Russia // *Population and Economics*. 2018. № 2. P. 70—113.
- Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // *Labour Economics*. 2014. № 30. P. 265—281. URL: <http://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004> (дата обращения: 25.05.2019).
- Thévenon O. Family policies in developed countries: contrasting models // *Population and Societies*. 2008. № 448. P. 1—4.

References

- Biriukova, S., Makarentseva, A. (2017) Estimates of the motherhood penalty in Russia, *Population and Economics*, no. 1, pp. 50—70.
- Chubarova, T., Grigorieva, N. (2016) Access to health care in health systems and policy in Central Asia: A case of gender, *Health and Social Care Journal*, no. 1, pp. 9—34.
- Freika, T., Zakharov, S. V. (2014) Èvoliutsiia rozhdaiemosti za poslednie polveka v Rossii: optika uslovykh i real'nykh pokolenii [Birth rate evolution over the past half century in Russia: optics of conditional and real generations], *Demograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 106—143.
- Gazizullina, P. (2018) Socio-economic determinants of adolescent health in Russia, *Population and Economics*, no. 2, pp. 70—113.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razvitiu Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kalabikhina, I. E., Biriukova, S. S., Makarentseva, A. O. (2018) Realizatsiia programmy sodeistviia zaniatosti cherez professional'noe pereobuchenie zhenshchin s malen'kimi det'mi v gorode Moskve [Implementation of a program to promote employment through vocational retraining of women with young children in Moscow], *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, vol. 27, no. 2, pp. 136—162.
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Spending time on homework: determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.
- Shalak, V. I. (2004) *Sovremennyi kontent-analiz. Prilozheniia v oblasti: politologii, reklamy, sotsiologii, ekonomiki, psikhologii, kul'turologii* [Modern content analysis. Applications in the field of: political science, advertising, sociology, economics, psychology, culturology], Moscow: Omega-A.
- Slonimczyk, F., Yurko, A. (2014) Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia, *Labour Economics*, no. 30, pp. 265—281, available from <http://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004> (accessed 25.05.2019).
- Smulianskaia, N. S. (2017) Chto vliiaet na priniatie resheniia o rozhdenii rebënka u zhenshchin raznykh vozrastnykh grupp? [What affects the decision on the birth of a child in women of different age groups?], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, vol. 5, pp. 289—299.

- Temkina, A. A. (2014) Medikalizatsiia reproduksii i detorozhdeniia: bor'ba za kontrol' [The medicalization of reproduction and childbirth: the struggle for control], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noĭ politiki*, no. 12, pp. 321—336.
- Temkina, A. A., Rotkirkh, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoĭ Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 4—14.
- Thévenon, O. (2008) Family policies in developed countries: contrasting models, *Population and Societies*, no. 448, pp. 1—4.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoĭ Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Teoriia i metodologiia gendernykh issledovaniĭ*, no. 11, pp. 12—20.

Статья поступила 17.06.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 29—40
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.3

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 29—40
ББК 60.562.6
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.3

«COLD WARRIORS» ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН: РЕЦЕПЦИЯ КИНООБРАЗОВ МАСКУЛИННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Т. Б. Рябова^{a, b}, Е. В. Панкратова^{a, c}

^a Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

^b Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^c Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

На основании фокус-групповых интервью, проведенных в Санкт-Петербурге и Иваново в 2018 г., рассматривается восприятие современными россиянами тех образов американской военной маскулинности, которые были созданы в кинематографе СССР и США периода холодной войны. Сначала анализировались представления россиян о кинематографических образах американских военных, затем они сравнивались с оценками этих образов после просмотра стимульного материала — фрагментов советских и американских фильмов изучаемого периода («Юнга со шхуны “Колумб”», «713-й просит посадку», «Красный рассвет» и др.). Установлено, что информанты имеют устойчивые и разделяемые большинством представления о том, как кинематограф холодной войны изображал военных США. Выявлено, что в результате просмотра 1) возросла эмоциональность оценок кинообразов военных; 2) усилилась идентификация информантов с советским прошлым и образы американских военных стали интерпретироваться через призму противостояния «своих» и «чужих»; 3) оценка образов американских военных стала более нюансированной. При этом образ американского военного в советских фильмах российские респонденты воспринимали как более правдивый и чаще соглашались с его трактовкой. Представления информантов были достаточно гомогенными, они не зависели от их пола, образования, места проживания и даже от политических предпочтений. Фактором, дифференцирующим мнения информантов, в значительной мере выступил их возраст.

Ключевые слова: образ США, холодная война, маскулинность, образ военных, кинематограф СССР, кинематограф США, образ врага, российско-американские отношения.

© Рябова Т. Б., Панкратова Е. В., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

**THE “COLD WARRIORS” IN THE EYES
OF CONTEMPORARY RUSSIANS’:
TODAY’S RECEPTION OF COLD WAR CINEMATIC IMAGES
OF U. S. MILITARIES’ MASCULINITY**

T. B. Riabova^{a, b}, E. V. Pankratova^{a, c}

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russian Federation, riabova2001@inbox.ru

^c Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Based on focus-groups, conducted in Saint Petersburg and Ivanovo in November 2018, the paper examines the contemporary Russians’ reception on the images of U. S. militaries’ masculinity that were created by the Soviet and American films. The authors, at first, analyze the informants’ views on cinematic images of U. S. militaries, then, compare them with evaluations of these images after the screening the fragments of the Cold War movies (“Red Dawn”, “The Russians are Coming! The Russians are Coming!”, “713 Asks for Landing”, “A Cadet from the Schooner «Columbus»”, and others). The informants had stable and shared beliefs about how Soviet and American cinema represented U. S. militaries’ masculinity. After screening the fragments of movies the informants’ evaluations have changed: 1) they gave strong emotional response; 2) the informants started to identify themselves stronger with the Soviet past; 3) their evaluations became more nuanced. They considered the image of the American militaries created by Soviet movies more truthful that created by U. S. films. The informants’ attitudes varied depending on only their age (their gender, education, place of residence, and political preferences were not important).

Key words: the image of the USA, Cold War, masculinity, the image of militaries, Soviet cinema, American cinema, images of the enemy, Russian-American relations.

Маскулинность американских военных в дискурсе холодной войны

Термин «Cold warrior» — «воин холодной войны» — появился в 1950-х гг. Прежде всего он связан с армией и прочими, говоря современным языком, силовыми структурами, однако в число «воинов холодной войны» нередко помещают также политиков, дипломатов, деятелей культуры. Как правило, этим термином называют американских сторонников жесткой линии в отношении СССР, «ястребов» (хотя встречается использование этого термина по отношению к советской стороне, напр.: [Pechatnov, 2014]). При этом, как показано в ряде исследований, он служил для обозначения традиционной маскулинности, включая такие стереотипно мужские качества, как сила, агрессивность, жесткость, приоритет рационального над эмоциональным, решительность, храбрость [Clark, 2000; Baker, 2006; Kuklick, 2015; Starck, 2016] (об образе американского военного в современном американском кино см. также: [Щеголихина, 2003]). Этот образ был значимым элементом советско-американской конфронтации

как «борьбы за сердца и умы». Пропаганда США использовала его для демонстрации превосходства американской маскулинности над советской, а также преимуществ гендерного порядка «свободного мира», основанного на частной собственности и индивидуализме (см., напр.: [Belmonte, 2008]). В советской пропаганде в образах «американской военщины» акцентировались такие черты, как жестокость, безжалостность, бессовестность, культ доллара, убожество мировоззрения, в котором центральное место занимали антикоммунистические и расистские предрассудки. Образ американского супермена, в котором видели наследника сверхчеловека как составной части идеологии нацизма, расценивался в качестве идеологического оружия поджигателей новой войны. Заслуживает внимания тот факт, что термин «настоящий мужчина» в советской культуре, по крайней мере в первые два десятилетия холодной войны, рассматривался как идеологически чуждый; его использование было призвано показать ущербность создаваемой Голливудом американской маскулинности, которая находила выражение прежде всего в образах военных [Рябов, 2018].

Маскулинность военных в дискурсе любой конфронтации занимает особое место — по понятным причинам¹. Что касается холодной войны, то хорошо известна характеристика, которую С. Энлоэ дала данному конфликту: это — в том числе — поединок за определение, какой должна быть образцовая мужественность и женственность [Enloe, 1993: 18—19]. Исследования роли гендерных аспектов образа врага в культуре холодной войны выявили, что, с одной стороны, конфронтация двух сверхдержав в этот период выступала важным фактором установления гендерного порядка в советском и американском обществах, с другой — репрезентации маскулинности и фемининности играли роль оружия холодной войны, становясь весомым аргументом в пресловутой борьбе за сердца и умы. Особый интерес у ученых вызывают те образы маскулинности, которые создавались кинематографом (напр.: [Corkin, 2004; Starck, 2013; Riabov, 2017; Рябов, 2018; Рябова, 2018])². Однако вопрос о том, как эти образы воспринимаются сегодня, почти не исследовался. Между тем это актуально еще и потому, что мы видим попытки использования данных кинообразов в современной символической политике — в том числе в контексте нынешнего обострения отношений между Россией и странами Запада, когда говорят о «новой холодной войне» [Рябова, 2018].

Для решения задачи исследования рецепции кинообразов холодной войны в современной России было проведено фокус-групповое интервью. Метод был выбран по причине возможности использования стимульного материала, в качестве которого выступили фрагменты советских и американских фильмов периода холодной войны. В четырех фокус-групповых интервью, проводившихся

¹ Армия относится к тем социальным институтам, в рамках которых активно трансформируются гендерные нормы [Bourdieu, 2001: 83; MacKinnon, 2003: 11]. Исследователи полагают, что в эпоху модерности война играет важнейшую роль в определении того, что значит «быть мужчиной» на символическом, институциональном и телесном уровнях, а образ настоящего мужчины постоянно соотносится с образом воина [Goldstein, 2001; Hooper, 2001: 81].

² Напомним, Р. Коннелл отмечает, что роль икон гегемонной маскулинности часто играют киноактеры [Connell, 1995: 77].

в городах Санкт-Петербург³ и Иваново в ноябре 2018 г., приняли участие 29 информантов, которые были разделены по возрасту на старшее (от 45 лет) и младшее поколение (от 18 до 29 лет). Среди информантов были женщины и мужчины с разными уровнями образования и политическими предпочтениями.

В настоящей статье анализируются оценки сегодняшней аудиторией кинорепрезентаций маскулинности американских военных периода холодной войны. Стимульным материалом послужили фильмы холодной войны, в которых фигурировали образы военных — «своих» и «чужих». Среди американских картин был отобран, в частности, фильм «Красный рассвет» (реж. Дж. Милиус, 1984), в котором повествуется о вторжении Советской армии в США и сопротивлении захватчикам американских подростков. В США фильм с самого начала получил противоречивые рецензии, однако со сборами 38,4 млн долл. он занял довольно высокое 19-е место в кинопрокате 1985 г.; до сих пор фильм демонстрируется на американских телеканалах, что показывает его возможность влиять на политические представления современных американцев. Другой анализируемый американский фильм — комедия «Русские идут! Русские идут!» (реж. Н. Джуисон, 1966), действие которой также связано с внезапным появлением в маленьком американском городке на берегу океана советских моряков, чья подводная лодка села на мель. Фильм получил два «Золотых глобуса» и пять номинаций на «Оскар», в том числе за лучший сценарий.

Советскими фильмами, выступившими в качестве стимульного материала, стали «713-й просит посадку» (реж. Г. Никулин, 1962) и «Юнга со шхуны “Колумб”» (реж. Е. Шерстобитов, 1963). В картине Г. Никулина, считающейся первым советским фильмом-катастрофой (11-е место в кинопрокате 1962 г. со сборами 27,9 млн руб.), одна из сюжетных линий связана с поведением в критической ситуации американского морского пехотинца. Вторая картина, предназначенная детской и юношеской аудитории, представляет собой шпионский триллер, в котором показывается, как советские дети помогают пограничникам обезвредить заброшенных в страну иностранных диверсантов. Картина не вошла в рейтинг самых посещаемых в год выхода на экраны, однако до сих пор присутствует в сетках вещания телеканалов как популярный фильм для детей. Многие наши информанты из старшей возрастной группы смотрели его в детстве.

Обратимся теперь к мнениям о мужественности американских военных, высказанным в ходе фокус-группового интервью. Для того чтобы отделить свежие впечатления от устойчивых стереотипных представлений, до просмотра стимульного материала мы спрашивали, как, по мнению информантов, изображали военных США в кинематографе обеих стран.

До просмотра фрагментов фильмов представления о том, как выглядел военный США в советском кино, вполне соответствовали стереотипу американца, распространенному сегодня в российском обществе. По мнению информантов, он должен был изображаться черствым и равнодушным ко всему, что не связано с его личной финансовой выгодой.

³ Благодарим С. В. Смаль (РГПУ им. А. И. Герцена) за работу с информантами в Санкт-Петербурге.

Безразличие. Если не мой это соотечественник, я ему и помогать не буду. Там ребенок — не ребенок... Никакой помощи не окажет, мимо может пройти (Елена, 58 лет).

Они [американцы] немотивированные. Вернее, мотивированные исключительно с финансовой стороны. Но когда дело доходит до боя, то какая разница — есть у тебя деньги или нет (Ислам, 21 год).

Большое значение информанты придавали внешнему виду американских военных; по их мнению, как и все американцы, они должны выглядеть в этих фильмах прекрасно экипированными, подтянутыми, лощеными.

Оценки мужественности американских военных разделились. Большинство опрошенных из молодежных групп были уверены, что американский военный в советском кино не мог соответствовать стандарту «настоящей мужественности», скорее, он должен был изображаться «трусом» и «слабаком». Однако большая часть информантов из старших возрастных групп были другого мнения: образ слабого врага девальвировал бы победу советского воина в холодной войне, поэтому и те и другие в кино должны были быть представлены мужественными.

Если бы мы победили какого-то немужественного труса, идиота и так далее, то грош цена была бы нашим победам. Надо было изображать и тех и других мужественными (Александр, 48 лет).

«Американская военщина» в советском кино: взгляд участников фокус-групп

Мы хотели бы подчеркнуть, что при оценке образа американской военной маскулинности информанты противопоставляли ему кинорепрезентации мужественности советской, о которой они имели достаточно ясное представление: в советском кино военные изображались бескорыстными, стойкими, мужественными, преданными своей Родине... Информанты подчеркивали демонстрацию готовности советских военных жертвовать собой, их патриотизма и коллективизма.

Товарищ всегда важнее, чем ты (Дмитрий, 19 лет).

В советских фильмах герои более самоотверженные... готовы отдать жизнь, не сомневаясь. За Родину, за товарищей (Петр, 24 года).

Просмотр фрагментов советских фильмов, где фигурировали образы американских военных, в значительной степени изменил точку зрения информантов о позиции советского кино. Образ морского пехотинца (эталон мужественности в американской массовой культуре), сыгранный В. Высоцким в фильме «713-й просит посадку», был интерпретирован информантами как однозначно негативный. Они отметили, что авторы фильма, показывая героя в критической ситуации, наделили его трусостью, паникерством, глупостью, излишней эмоциональностью, ненадежностью, отсутствием самообладания и мужества.

Выставляет себя героем, но когда доходит до аварии самолета, то он трус (Герман, 65 лет).

Опрошенные, тем не менее, видели в образе морского пехотинца и черты традиционной мужественности, например уверенность в себе, решительность. Однако эта решительность оценивается ими как «наглость», «агрессивность», «самоуверенность», «стремление к превосходству над другими». Морпех пытается решить возникшую критическую ситуацию, но зрители, как считают информанты, видят прежде всего его эгоизм, жестокость, бессердечие по отношению к другим.

Просто ему хочется спастись любым способом. <...> ...Переступит через любого ради своих интересов (Александр, 65 лет).

Такая интерпретация становится возможной по причине амбивалентности стереотипа, позволяющей оценивать явление с разными знаками и использовать стереотип в соответствии с актуальными интересами субъекта стереотипизации (см. подробнее: [Рябова, Романова, 2012]). Поэтому образы военных США показывают другой вариант конструирования гендерной девиантности «чужих», и информанты это понимают, предлагая такие формулировки, как «неправильная мужественность», «излишняя мужественность». Отметим также важную характеристику образа морпеха, прозвучавшую во всех фокус-групповых интервью: он крайне неуважительно относится к девушке («негалантный», «хам», «охотник до женщин» и т. д.).

Оценивая взгляд советского кинематографа на американских военных, участники интервью подчеркнули, что столь негативный образ мужественности можно считать утрированным и потому неправдоподобным.

Еще одним советским фильмом, фрагменты которого просмотрели информанты, стала кинокартина «Юнга со шхуны “Колумб”». Среди его главных отрицательных персонажей — высокопоставленный представитель иностранных спецслужб, командующий операцией по спасению диверсантов из территориальных вод СССР. Его национальная принадлежность авторами картины не указывается, но, что примечательно, информанты уверенно маркируют его как американца, в частности по манерам — характерной привычке отдыхать, положив ноги на стол.

Оценивая личность офицера, приказывающего спасти своих разведчиков из советских территориальных вод, значительная часть информантов характеризовала его как мужественного и решительного, уверенного в себе, нарушающего нормы международного права, но «ради дела», «ради своей страны», «по военному приказу». Однако эти оценки резко изменились после просмотра сцены нападения огромного корабля на маленькую шхуну с советскими детьми и стариком, на помощь которым в итоге приходит советская подводная лодка. Подчеркнем, информанты были солидарны в негативных оценках поведения американца: он «беспринципен», нападая на детей, коварен, самоуверен, жаден настолько, что готов жертвовать своими людьми ради получения информации, за которую обещано крупное вознаграждение. При этом вся его храбрость оказывается показной: при столкновении с реальным противником в лице советских военных моряков и летчиков он отступает и пытается бежать, да еще перекладывая ответственность на других.

Пока американский офицер напал на шхуну с детьми, он был строгим, уверенным в себе и мужественным. А во время появления советских кораблей у него появились испуг и паника (Яна, 18 лет).

Сначала уверенный в себе и наглый, а потом — трусливый, слабый и беспомощный (Татьяна, 61 год).

«Cold warriors» в американском кино: взгляд участников фокус-групп

Теперь обратимся к вопросу о том, как информанты оценивали образы американской маскулинности в кинематографе США. До просмотра стимульного материала они высказали предположение, что в голливудских кинолентах американцы изображались отважными, мужественными, всемогущими, патриотами.

...Один целое войско может положить (Дмитрий, 19 лет).

Героические защитники своей родины (Герман, 65 лет).

В отличие от бедно одетых и даже неопрятных советских военных они выглядят прекрасно одетыми, экипированными.

Все обвешаны оружием (Сергей, 60 лет).

У них там черный блеск... пуговицы все застегнуты... (Тамара, 65 лет).

Однако этот образ вызывал негативную реакцию, поскольку такая мужественность характеризовалась, особенно представителями старшей группы, как ненастоящая, «внешняя» («гора мускулов» и т. д.). Отрицательную оценку у информантов, прежде всего молодых, вызывает даже патриотизм американских военных как слишком акцентированный. По их мнению, высказанному до просмотра фильмов, советские военные изображались как кровожадные и безжалостные и при этом неспособные одержать победу.

Интересно, что, оценивая образы советских военных в американском и советском кино (как до просмотра фрагментов фильмов, так и после него), информанты пытались «поместить» их в категорию мужественности, однако испытывали сложности, как и в случае с «решительностью» американского морпеха, обсуждаемом выше. В одной из групп (молодежь до 30 лет) возникла целая дискуссия, которая закончилась признанием того, что, хотя они изображались мужественными, эта мужественность, выражающаяся в жестокости и агрессивности, принципе «все дозволено», является специфичной.

...Американцев показывали мужественными, а русских... и вообще всех коммунистов показывали чрезмерно агрессивными (Ислам, 21 год).

Таким образом, представления об амбивалентности девиантности «чужой» маскулинности сработали и в этом случае.

Популярный американский фильм «Красный рассвет» посвящен борьбе американских школьников против вторгнувшихся в США советских и кубинских десантников. Американцы большинством информантов были охарактеризованы как смелые защитники своей родины, как герои, которые «стоят до конца» и «даже поют во время расстрела». Они поддерживают друг друга, готовые на все ради победы своей страны и при этом человечные, способные сочувствовать чужому

горю. Стоит подчеркнуть, информанты заметили, что образы американцев в этом фильме не являются схематичными, персонажи предстают с разными характерами и разными эмоциями, они могут себе позволить минутную слабость, которую, однако, потом непременно преодолеют, в отличие от советских военных, образы которых, как отмечали информанты, являются гомогенными («все одинаковые» и т. д.). Это полностью укладывается в теорию стереотипизации «чужого»: образ врага не только негативен, но и схематичен.

Обсуждение кинорепрезентаций советских военных в картине, которую большинство информантов увидели впервые, вызвало сильную эмоциональную реакцию. Информанты отмечали, что советских солдат и офицеров изображают как агрессивных, жестоких, нарушающих все мыслимые моральные нормы и каноны человечности. Особое возмущение вызвал эпизод фильма, где советские солдаты пытаются изнасиловать американских школьниц (приведем характеристику одного из информантов, не раз повторившуюся в других группах, — «окупанты, похожие на фашистов», что, конечно же, для аудитории является совершенно неприемлемым)⁴.

Советские — ведут себя как оккупанты, сравнивать их можно с фашистами, которые никого не жалеют (Герман, 65 лет).

Другим американским фильмом, который обсуждался, стала картина «Русские идут! Русские идут!», считающаяся одним из немногих фильмов холодной войны, где советско-американское противостояние показано более сбалансированно. Примечательно, что участники нашего интервью не согласились с тем, что кинорепрезентация советских военных является здесь позитивной.

Еще один вопрос, который интересовал нас в исследовании, — степень идентификации современных россиян с советскими образами: задевают ли их образы советского агрессора в американском кино. Одним из индикаторов идентификации выступало для нас постоянное употребление местоимения «наши» в отношении советских персонажей фильмов. Это делали даже те молодые информанты, которые в ответ на прямой вопрос о том, обижает ли их такой образ советского солдата, смеялись и указывали, что советские и российские граждане — это разные вещи. Одна группа молодежи сама попросила модератора для краткости употреблять вместо слова «советские» слово «наши». Информанты из старших групп не только проецировали все вопросы на свой жизненный опыт, но давали четкую оценку (такие фильмы, как «Красный рассвет», «нас задевают», «нас оскорбляют»). Высокий уровень идентификации у старших информантов проявлялся и в том, что вместо описания содержания образов они эмоционально обсуждали, сможет или нет советский корабль защитить детей от американского агрессора (реакция участников фокус-групп: «Корабль сейчас раздавит их...», «беззащитных детей...», «А потом — раз и наши!», «Красота!!!»).

Наконец, отметим, что, сравнивая советский и американский кинематографы, большинство интервьюируемых высказали убежденность, что первый был гораздо более гуманен в изображении врага, чем второй.

⁴ Американская пропаганда холодной войны активно использовала образы советских мужчин как насильников. О функциях образа врага-насильника в политической риторике см.: [Riabova, Riabov, 2019].

В советских фильмах американские военные хотят украсть какую-то информацию, а не захватить и убить людей, они, в общем-то, враги, но нет такой кровожадности, такого образа врага, с ненавистью нарисованного (Анна, 21 год).

Советские режиссеры американского врага изображают помягче. Американцы русских выставляли какими-то животными, зверьми, бесчеловечными (Дима, 19 лет).

Заключение

Подводя итоги, отметим, что участники фокус-групп имели устойчивые и разделяемые большинством представления об американских военных и об их репрезентациях в кино обеих стран; фильмы, фрагменты которых были показаны, видели далеко не все. Основные изменения во мнениях и оценках информантов после просмотра стимульного материала были следующими.

Во-первых, резко возросла эмоциональность оценок кинообразов как американских, так и советских военных. Образ советского военного в американском фильме вызывал резкое неприятие, что соответствует принципу ингруппового фаворитизма, предпочтению «своих» перед «чужими»; при этом самоидентификация с советскими солдатами и офицерами была заметной. Во-вторых, можно говорить об идентификации современных россиян с советским прошлым: образы американских военных они интерпретируют через призму противостояния «своих» и «чужих». В-третьих, после просмотра фильмов оценка образов американских военных стала более нюансированной; информанты отмечали карикатурность, одномерность образов врага не только в американских, но и в советских фильмах. При этом образ американского военного в советских фильмах российские респонденты воспринимали как более правдивый и чаще соглашались с его трактовкой.

В ходе исследования было установлено, что представления информантов были достаточно гомогенными, они почти не зависели от их пола, образования, места проживания и политических предпочтений; фактором, в значительной мере дифференцирующим мнения информантов, выступил их возраст.

Кроме того, важную роль в восприятии информантами американских киногероев холодной войны играла оценка маскулинности военных США, которая, что хотелось бы подчеркнуть особо, связана с противопоставлением ее мужественности советских солдат и офицеров. Можно также предположить, что представления россиян о маскулинности американских военных в кинофильмах той эпохи являются частью современного антиамериканизма. Она оценивается в негативных категориях стереотипа американца (и в целом — Запада), распространенного сегодня в российском обществе. При этом данные качества противопоставляются тем, которые составляют содержание автостереотипа россияна⁵.

⁵ Об образе современной западной маскулинности в публичном дискурсе и социальных представлениях россиян см.: [Riabova, Riabov, 2019; Рябова, Романова, 2012].

Библиографический список

- Рябов О. В.* «Как хорошо, что наяву я не в Америке живу!» Образ США в гендерном дискурсе советской мультипликации (1946—1963) // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2. С. 89—103.
- Рябова Т. Б.* «Белое солнце Пальмиры»: маскулинность киногероев холодной войны в современной символической политике // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 4. С. 36—48.
- Рябова Т. Б., Романова А. А.* Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: (к постановке проблемы) // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 21—35.
- Щеголихина С. Н.* Образ американского военного в художественных фильмах Голливуда // *Метаморфозы истории*. 2013. № 4. С. 332—351.
- Baker B.* *Masculinity in Fiction and Film: Representing Men in Popular Genres, 1945—2000*. London: Continuum International Publishing Group, 2006. 176 p.
- Belmonte L. A.* *Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
- Bourdieu P.* *Masculine Domination*. Stanford (CA): Stanford University Press, 2001. 133 p.
- Clark S.* *Cold Warriors: Manliness on Trial in the Rhetoric of the West*. Illinois: Southern Illinois University Press, 2000. 239 p.
- Connell R. W.* *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995. 295 p.
- Corkin S.* *Cowboys as Cold Warriors: the Western and U. S. History*. Philadelphia: Temple University Press, 2004. 273 p.
- Enloe C. H.* *The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley: University of California Press, 1993. 326 p.
- Goldstein J. S.* *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 523 p.
- Hooper C.* *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*. New York: Columbia University Press, 2001. 298 p.
- Kuklick B.* Tradition and diplomatic talent: the case of the cold warriors // *Recycling the Past: Popular Uses of American History* / ed. by L. Zenderland. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 116—132.
- MacKinnon K.* *Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media*. London: Arnold, 2003. 134 p.
- Pechatnov V.* How Soviet Cold Warriors viewed World War II: the inside story of the 1957 edition of the Big Three correspondence // *Cold War History*. 2014. Vol. 14, № 1. P. 109—125.
- Riabov O.* Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953) // *Journal of Cold War Studies*. 2017. Vol. 1, № 1. P. 193—219.
- Riabova T., Riabov O.* The «Rape of Europe»: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media // *Communist and Post-Communist Studies*. 2019. Vol. 52, № 2. P. 145—154.
- Starck K.* The early cold warrior on screen: an all-purpose signifier? // *Post-World War II Masculinities in British and American Literature and Culture: Towards Comparative Masculinity Studies* / ed. by S. Horlacher, K. Floyd. Routledge, 2013. P. 15—34.
- Starck K.* *Of Treason, God and Testicles: Political Masculinities in British and American Films of the Early Cold War*. Newcastle upon Tyne (UK): Cambridge Scholars Publishing, 2016. 240 p.

References

- Baker, B. (2006) *Masculinity in Fiction and Film: Representing Men in Popular Genres, 1945—2000*, London: Continuum International Publishing Group.
- Belmonte, L. A. (2008) *Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Bourdieu, P. (2001) *Masculine Domination*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Clark, S. (2000) *Cold Warriors: Manliness on Trial in the Rhetoric of the West*, Carbondale, Illinois: Southern Illinois University Press.
- Connell, R. W. (1995) *Masculinities*, Cambridge: Polity Press.
- Corkin, S. (2004) *Cowboys as Cold Warriors: The Western and U. S. History*, Philadelphia: Temple University Press.
- Enloe, C. H. (1993) *The Morning After: Sexual Politics at the End of the Cold War*, Berkeley: University of California Press.
- Goldstein, J. S. (2001) *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hooper, C. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.
- Kuklick, B. (2015) Tradition and diplomatic talent: The case of the cold warriors, in: Zenderland, L. (ed.), *Recycling the Past: Popular Uses of American History*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 116—132.
- MacKinnon, K. (2003) *Representing Men: Maleness and Masculinity in the Media*, London: Arnold.
- Pechatnov, V. (2014) How Soviet Cold Warriors viewed World War II: The inside story of the 1957 edition of the Big Three correspondence, *Cold War History*, vol. 14, no. 1, pp. 109—125.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in Early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O. V. (2018) “Kak khorosho, chto naiavu ia ne v Amerike zhivu!” Obraz SShA v gendernom diskurse sovetskoĭ mul'tiplikatsii (1946—1963) [“I am so glad I don't live in America in real life!” The image of the USA in gender discourse of Soviet animation (1946—1963)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 89—103.
- Riabova, T., Riabov, O. (2019) The “Rape of Europe”: 2016 New Year's Eve sexual assaults in Cologne in hegemonic discourse of Russian media, *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 52, no. 2, pp. 145—154.
- Riabova, T. B. (2018) “Beloe solntse Pal'miry”: Maskulinnost' kinogeroev Kholodnoĭ voĭny v sovremennoĭ simvolicheskoi politike [“The white sun of Palmira”: The Cold War cinematic masculinities in contemporary symbolic politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 36—48.
- Riabova, T. B., Romanova, A. A. (2012) Gendernoe izmerenie sovremennogo rossiiskogo antiamerikanizma: (K postanovke problemy) [Gender dimension of modern Russian Anti-Americanism: (To the statement of the problem)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 21—35.
- Shchegolikhina, S. N. (2013) Obraz amerikanskogo voennogo v khudozhestvennykh fil'makh Gollivuda [The image of the American military in feature films of Hollywood], *Metamorfozy istorii*, no. 4, pp. 332—351.
- Starck, K. (2013) The early cold warrior on screen: an all-purpose signifier?, in: Horlacher, S., Floyd, K. (eds), *Post-World War II Masculinities in British and American Literature and Culture: Towards Comparative Masculinity Studies*, Routledge, pp. 15—34.
- Starck, K. (2016) *Of Treason, God and Testicles: Political Masculinities in British and American Films of the Early Cold War*, Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Dr. Sc. (Sociology), Senior Researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Панкратова Екатерина Владимировна — исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия (Grant Contractor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation); кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, e_v_pankratova@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 41—52
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.4

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 41—52
ББК 60.524.252
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.4

СОВРЕМЕННЫЕ МОТИВЫ СЕЛЬСКОГО ЖЕНСКОГО СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА В ЗОНЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Е. А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru

Рассматриваются характеристические признаки женского сельского социального активизма, результатом которого являются практики предпринимательства. Вызовы эпохи, ознаменовавшиеся сменой политического курса страны в конце 1990-х гг., дали мотивационный идейно-психологический импульс сельским социальным активисткам не только в области организации производственных практик, но и в сфере совершенствования духовной и культурной жизни умирающих сел Нечерноземья. Социальный активизм как форма жизнедеятельности социальных субъектов более характерен для людей, живущих в сельской местности, в отличие от гражданского активизма, свойственного урбанизированным, мобильным, образованным группам молодого и трудоспособного населения городов. Сельские социальные активисты, по сравнению с городскими, осуществляют более продолжительные по времени проекты. Позитивный, ориентированный на будущее вклад в социальное, духовное и экономическое развитие депрессивных сельских территорий вносят в особенности женщины. Мотивами женского активизма, обуславливающего предпринимательскую деятельность в сельской местности Русского Севера (Вологодская и Ленинградская области), стали 1) традиционно позитивное отношение к феномену женской внесемейной производственной активности у населения отдаленных районов Вологодской земли, не знавшего крепостного права; 2) стремление выйти из сложного экономического положения, в котором оказались женщины в постперестроечной России; 3) реалии административно-правовых отношений современного либерально-демократического общества, в которых продолжает существовать «стеклянный» и «серебряный потолок» для социально активных женщин, а также психологически мотивированное желание женщин-предпринимательниц их преодолеть; 4) духовные установки на совмещение производственно-материальной деятельности и работы в области сохранения и развития историко-культурного наследия Нечерноземья, основанных на ясном понимании значения духовной культуры сокращающегося сельского населения.

Ключевые слова: социальный активизм, гражданский активизм, села Нечерноземья, мотивы женского предпринимательства, женское предпринимательство как социально-экономический и духовный феномен, характеристические особенности и повседневные практики сельских активистов, проекты развития сельских территорий.

MODERN MOTIVES OF RURAL WOMEN SOCIAL ACTIVISM IN THE AREA OF NECHERNOZEMIE

E. A. Okladnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, okladnikova-ea@yandex.ru

The article deals with the characteristic features of women's rural social activism, the result of which is the practice of entrepreneurship. Challenges of the era, marked by a change in the political course of the country in the late 1990's, gave ideological and psychological impetus to the motivation of rural social activists not only in the organization of production practices, but also in the improvement of the spiritual and cultural life of dying villages in Nechernozemie. Social activism as a form of life activity of social actors is more typical for people living in rural areas, in contrast to civil activism, characteristic of urbanized, mobile educated groups of young and able-bodied population of cities. Rural social activists carry out projects that are more time-consuming and far-reaching in terms of time prospects than urban activists. Rural social activists, especially women, make a positive, future-oriented contribution to the social, spiritual and economic development of depressed rural areas. The motives of women's activism resulting in entrepreneurial activity in the rural areas of the Russian North (Vologda and Leningrad regions) were: 1) traditionally positive attitude to the phenomenon of women's extra-family production activity in the population who did not know the serfdom (remote areas of the Vologda region); 2) the difficult economic situation in which women found themselves in post-perestroika Russia; 3) the realities of administrative and legal relations of modern liberal democratic society, in which there continue to be "glass" and "silver ceilings" for socially active women, as well as psychologically motivated desire of women entrepreneurs to overcome these barriers; 4) spiritual guidelines for the combination of production and material activities and work in the field of preservation and development of historical and cultural heritage of rural regions of the North of Russia, based on the clear understanding of the importance of spiritual culture for the reducing rural population.

Key words: social activism, civil activism, rural territories of Nechernozemie, motives of women's entrepreneurship, women's entrepreneurship as a socio-economic and spiritual phenomenon, characteristic features and daily practices of rural activists, rural development projects.

Введение

Немногим более 100 лет назад Россия была аграрной страной. Общий закон развития социальных систем в XX в., с его трендами на ускорение темпов индустриализации и урбанизации, для России имел последствием запустение и деградацию русской деревни. Особенно сильно пострадали Русский Север и Нечерноземье. Тысячи деревень Вологодской, Новгородской, Ленинградской и других областей северо-запада России прекратили свое существование. Обезлюдели крупные еще недавно, в 1950-х гг., села Нечерноземья, а многочисленные агрогорода Ленинградской области превратились в «гибрид» городских спальных районов и рекреационных зон для пенсионеров.

В ходе социально-антропологических исследований (2014—2019 гг.), проводимых нами в Ленинградской и Вологодской областях, довелось отметить

любопытный факт. Жизнь теплилась в тех сельских населенных пунктах, где работали женщины-предпринимательницы, при местной администрации действовали женсоветы, отмечалась активность женщин — знатоков традиционной русской культуры (создательницы частных этнокультурных музеев). Это наблюдение побудило нас приступить к сбору материалов о женском сельском социальном активизме как движущей основе развития сельских сообществ.

Целью нашего исследования стало выявление мотивов женского сельского социального активизма в зоне Нечерноземья.

Последние 5 лет мы проводили систематические историко-культурные и социально-антропологические исследования на северо-западе России [Окладникова, 2018, 2019]. Предметами нашего научного интереса были 1) представления сельских жителей Ленинградской и Вологодской областей об образе их малой родины (агродорог, село, деревня); 2) способы картографирования ими социокультурных ландшафтов обжитых территорий; 3) проекты будущего сельских жителей Ленинградской и Вологодской областей. В результате к началу 2019 г. в нашем распоряжении оказался обширный объем материалов (297 транскриптов глубинных интервью), анализ которых позволил поставить новую для нас проблему исследования, которую в общих чертах можно обозначить как гендерный аспект сельского социального активизма.

В ходе проведенных в 2018—2019 гг. культурно-социологических исследований в Вологодской и Ленинградской областях мы получили еще 51 новое глубинное интервью, что дало возможность выявить и проанализировать мотивы именно женского предпринимательства на северо-западе РФ, актуальные в современных условиях. Социологические портреты многих наших респондентов — сельских жительниц зоны Нечерноземья, особенно живущих в Вологодской области, не вписываются в узкие рамки классических портретов урбанизированных бизнес-леди, работа которых полностью вписана в рынок, а повседневная жизнь разделена на работу в офисе по организации бизнес-процессов, досуг с семьей и хобби. Сельские активистки-предпринимательницы, с которыми мы общались, представляют вполне самостоятельную, во многом особенную социальную группу современного российского общества. Их базовой характеристической чертой, отличной от черт городских бизнес-леди, является сохраненная именно сельским образом жизни особенность, которую мы можем обозначить как духовно (более, чем материально) мотивированный на созидательную работу социальный активизм. Эта черта, заметим, проявлялась в наших беседах со всеми респондентами — представителями предпринимательского сельского сообщества, как мужчинами, так и женщинами. Это были люди разного возраста, уровня образования и профессиональной специализации, но они были объединены общей установкой на реализацию не только своей, личной активности, но, главное, — коллективной социальной активности.

Остановимся на социологических портретах и описании мотивов социальной активности нескольких выдающихся женщин-предпринимательниц Ленинградской и Вологодской областей, которые мы выбрали в качестве модельных. В современной социологической теории понятия «социальная активность граждан», «социальный активизм» и «гражданский активизм», хотя и имеют точки соприкосновения в поле операционализации, разводятся в пространствах

широкого и узкого толкования смыслов [Трофимова, 2015; Коробова, 2019; Granovetter, 1983]. Наши исследования в Вологодской и Ленинградской областях показали, что сегодня в жизни российского общества имеет смысл выделять два типа социальной активности. Первый — *гражданский активизм*, т. е. гражданское протестное активное/латентное поведение. Активный вариант гражданского поведения в городской среде, особенно в мегаполисах, проявляется в акциях массовых протестов. Это протестные движения, лозунгами которых являются требования обманутых дольщиков, защитников окружающей среды, политически ориентированной молодежи, в том числе и флэшмобы. Латентные проявления гражданского активизма в городах реализуют практики общественных движений — веганство, дауншифтинг и др. Второй тип — *социальный активизм*, т. е. социально активное поведение групп людей, практики которого не предполагают проведения сплоченных мобильных акций (пикеты, демонстрации, флэшмобы).

Первый тип социальной активности — гражданский активизм — можно назвать *«социально-спринтерский»* (в социальной жизни общества активизм такого рода проявляется спонтанно, ярко, а достигнув поставленной политической или экономической цели, исчезает, исчерпав себя). Второй же тип социальной активности — в нашем случае женский сельский социальный активизм — обладает *«социально-стайерской»* формой (выражается в проявлении активной жизненной позиции социальных активистов в повседневных практиках сельских сообществ, членами которых являются активисты в течение всей их жизни, начиная с рождения и кончая глубоким пенсионным возрастом).

Фокус наших культурно-социологических исследований в Вологодской и Ленинградской областях (2018—2019 гг.) был сосредоточен именно на втором типе социального активизма — сельском, женском, «социально-стайерском».

Наиболее распространенными формами сельского социального активизма являются различного вида волонтерские движения, индивидуальная предпринимательская деятельность, женсоветы, движения по сохранению истории и культуры родного края (создание частных этнографических музеев, работа сельских фольклорных коллективов, проведение деревенских «хэппенингов» — фестивалей народного творчества).

Методика исследования

Методика нашего исследования — нарративное интервью. В полевой работе мы опирались на метод насыщенного описания К. Гирца. Этот метод сбора полевой информации, конечно, весьма затратен с точки зрения времени (каждое интервью длилось 2 часа и более) и сил информантов и исследователей. Психологическая перегрузка информантов была вызвана неизбежными яркими эмоциональными переживаниями, которые испытывали респонденты, рассказывавшие историю своей не всегда радужной жизни. Женщины вспоминали о любимых, но давно умерших родственниках, жизненных неудачах, испытанных по вине властей несправедливостях и потерях. Чем больше мы разговаривали как с женщинами, так и мужчинами предпринимателями, тем более ясным становилось, что их представления о социальном активизме обладают немалой символической нагрузкой. Обработывая собранные полевые материалы, мы

использовали не только общесоциологические классификационные и типологические методики. Так, анализируя транскрипты интервью, мы применяли контент-анализ, а при формулировке выводов опирались на узкий спектр структурно-семиотических методов. Мы осознавали, что работали со смыслами, которые мотивировали наших респондентов к предпринимательской деятельности в современных условиях сельской жизни. К сожалению, эти условия отличаются неопределенностью, противодействием местных властей, а в отношении женщин-предпринимательниц часто сопровождаются непониманием со стороны мужской части деревенского сообщества.

Характеристика выборки

В силу обстоятельств в период полевого исследования выборка строилась методами доступных случаев и снежного кома. В итоге она выглядела следующим образом: 20 женщин и 7 мужчин (Ленинградская область), 15 женщин и 9 мужчин (Вологодская область) трудоспособного возраста (38—60 лет), всего 51 человек. Мы собирали материал в беседах с двумя группами респондентов: 1) экспертами пенсионного возраста (60—80 лет); 2) трудоспособными информированными людьми, которые сегодня активно участвуют в жизни своего муниципального образования и Нечерноземья в целом. Первая группа респондентов охотно предоставляла в наше распоряжение материалы личных архивов, непосредственно связанные с их личной историей, трудовой деятельностью, а также раскрывающие смысловые константы их жизненных установок.

Полевые исследования проводились посредством гайда, где вопросы были распределены по 3 смысловым блокам, целью которых было выявление социально активного поведения респондентов и его выражения в их трудовой деятельности: позитивные воспоминания о трудовой жизни, негативные воспоминания, воспоминания респондентов о самых ярких событиях в их трудовой жизни. Вопросы касались 1) методов управления своими жизненными стратегиями; 2) способов реализации ими своего творческого и активистского потенциала, которые предоставляла им окружающая социальная среда; 3) перестройки социальной и экономической жизни в стране в 1990-х гг., ситуаций, связанных с торможением и затуханием социального активизма в 2000-х гг.; 4) оценки их трудового предпринимательского вклада в социально-экономическое развитие страны.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что качественные методы социологического исследования (глубинное и биографическое интервью) позволили осмыслить собранный эмпирический материал, например связанный с технологиями создания нового типа личности — строителя социалистического общества в СССР (большинство наших респондентов живут в сельской местности Ленинградской области и были людьми советской эпохи). Анализируя рассказы респондентов Вологодской и Ленинградской областей, мы сделали попытку рассмотреть полученный материал в системе научных теорий, описывающих социальные технологии изменения человека.

В качестве модельных объектов, на которых был сосредоточен исследовательский фокус, мы выбрали трех социальных активисток — наших респонденток на протяжении 4 лет. Это женщины среднего и пожилого возраста

(38—55 лет), с разным уровнем образования, проживающие в Ленинградской области (Р. Н. Петрова и В. Ф. Бабкина) и Вологодской (В. Н. Погожева). Всех их объединяет участие в предпринимательской деятельности, интерес к истории родного края, участие в организации и поддержке краеведческого движения.

Результаты исследования

Валентина Николаевна Погожева — президент благотворительного фонда «Тарнога» и лидер историко-патриотического движения «Деревня — душа России». Она также член общественной палаты Вологодской области, лауреат премии Общественной палаты РФ «Я — гражданин». В. Н. Погожева входит в состав президиума женсовета Тарногского муниципального района. Она разработала общественный проект «Деревня — душа России», представила его на грант и получила многолетнюю финансовую поддержку. Цель проекта — пропаганда здорового, экологически ориентированного образа жизни сельского населения Вологодчины. Реализация проекта заключается в проведении долгосрочной серии мер, способствующих развитию деревенских сообществ как социальных пространств, сохраняющих и воспроизводящих традиции и моральные устои русского народа. Проект направлен на упрочение и совершенствование базиса национальной русской идентичности, контроль территории и целостности государства. Одной из субцелей проекта является формирование и поддержка продовольственной независимости россиян за счет вовлечения сельских жителей в общественную деятельность по развитию сельских территорий России и реализации ими социально полезных и важных инициатив. Проект «Деревня — душа России», инициированный и разрабатываемый В. Н. Погожевой, вошел в состав приоритетных направлений «Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года». В. Н. Погожева на личном опыте реализует задачи проекта, налаживая отношения бизнеса и власти (при этом ей приходится постоянно преодолевать непонимание и алчные интересы как местной власти, так и соседей по деревне); прилагает повседневные усилия для создания и поддержки практики малых дел (организовала собственный этнографический музей у себя в старинном сельском доме); поддерживает личным участием тарногские ресурсные центры, работающие на базе муниципальных учреждений (выставки изделий деревенских мастериц, фестивали народного творчества, выступления самодеятельных песенных и танцевальных коллективов).

Аналогичную работу по сохранению культурного наследия вепского народа долгие годы ведет *Валентина Фёдоровна Бабкина* в деревне Монастырьки Кингисеппского района Ленинградской области. С 1997 по 2005 г. В. Ф. Бабкина была известным в районе частным предпринимателем и активно вела овощеводческое хозяйство. Параллельно она постоянно занималась сбором этнографических артефактов в окрестных деревнях. Собранные предметы старинного быта (домашняя утварь, мебель, ткани, одежда) она разместила в старом вепском доме своих родителей в деревне Монастырьки. Ее частный этнографический музей открыт для туристов. Сегодня в качестве базы его используют социальные антропологи и этнографы исторического факультета СПбГУ, с которыми Валентина Фёдоровна тесно сотрудничает. Недавно

В. Ф. Бабкина открыла в соседней деревне Котлы еще один частный музей — военно-исторический. Основой его собрания стали исторические артефакты времен Великой Отечественной войны, сохраненные местными жителями и найденные непосредственно на Ижорской возвышенности. В. Ф. Бабкина в свои 86 лет мобильна и очень деятельна. Она управляет личным автомобилем, поддерживает отношения с органами муниципальной власти, но их финансовой помощью не пользуется. Взаимоотношения В. Ф. Бабиной с ними в последние годы не строятся на принципах инициативного бюджетирования. По ее словам, дела пока идут неплохо, так как никакой зависимости (ни финансовой, ни бюрократической) от властей она не испытывает.

Ярким представителем когорты социальных активистов Ленинградской области является *Римма Николаевна Петрова*. Уже не один год она занимается выращиванием африканского клариевого сома на собственной ферме в деревне Беседа. В 1990-х гг. совместно с голландцами она организовала рыбоводческое фермерское хозяйство. Сегодня Р. Н. Петрова успешно ведет дела силами небольшого коллектива из 4 местных сотрудников. Несмотря на далеко не промышленные размеры производства, бизнес Риммы Николаевны известен не только в деревне Беседа, но и во всем Волосовском районе. Как депутат Волосовского Совета депутатов Р. Н. Петрова постоянно выступает с проектами совершенствования культурной и духовной жизни Волосовского района. Она приняла самое непосредственное участие в финансировании проекта возрождения храма в деревне Ястребино, сохранении дома-музея антифашиста Б. Вильде — участника французского Сопротивления. Р. Н. Петрова является инициатором возрождения знаменитого сельскохозяйственного училища в деревне Беседа, построенного еще баронами Веймарнами и активно функционировавшего в советский период. Она поддерживает ресурсные центры региона, занятые развитием культуры территории (организует фестивали и праздники народного творчества). В личных беседах Р. Н. Петрова много рассказывала нам о сложностях и перипетиях своих отношений с муниципальными и районными властями, тормозившими ее предпринимательскую деятельность и ограничивавшими поддержку мероприятий по духовному и культурному возрождению края.

На фоне современного общего запустения и развала бывшего советского пищевого сектора, краха проекта агрогородов, запустения, а в лучшем случае превращения сельскохозяйственных угодий в дачные поселки или зоны коттеджных застроек, разрозненная деятельность социальных сельских активистов может быть описана как позитивно ориентированное на сохранение и развитие территорий российского северо-запада социальное движение. Финансовой основой их активности в материальной и нематериальной сферах является инициативное бюджетирование. Предпринимательская деятельность В. Н. Погожевой, Р. Н. Петровой, В. Ф. Бабиной в разное время в рамках инициативного бюджетирования поддерживалась либо государством (В. Н. Погожева), либо иностранными и российскими фондами (Р. Н. Петрова). Сложности взаимоотношений, которые в результате осуществления такого рода финансовой поддержки работы сельских социальных активистов возникали и возникают ежедневно, — отдельная тема. В качестве составляющих проблемы такого научного исследования можно обозначить следующие моменты: 1) недостаток или отсутствие доверия

между социальными активистами и властью разного уровня, включая местную власть; 2) постоянное давление на социальных активистов со стороны местной власти, явно или тайно требующей «откатов» разного размера; 3) недостаточное влияние позитивных идей, продвигаемых социальными активистами, в среде местного населения, с чем часто бывает связано тайное завистливое отношение к их успешной работе; 4) апатия и патерналистские настроения социальной среды, в которой работают сельские социальные активисты; 5) негативное отношение к ценности труда в современном российском обществе, установка общественного сознания на бездумный консьюмеризм; б) отсутствие у современного сельского молодого поколения ясного понимания проекта национального будущего.

Основные результаты проведенных исследований могут быть представлены следующим образом:

— позитивные идеи, определяющие смысл жизни и мотивы работы социальных активисток Вологодской и Ленинградской областей, были сформированы в системе крестьянских ценностей (крепкая семья; установка на достижение жизненных благ упорным повседневным трудом; материалистическое мировоззрение, у женщин легко уживавшееся с элементарными мистико-религиозными идеями и народными суевериями). Позитивные установки поддерживаются особенностями ориентированного на оптимистический взгляд в будущее, жизнестойкого психотипа респондентов, чувством юмора и стремлением к здоровому образу жизни. Абсолютное большинство респондентов, как женщин, так и мужчин, не имели вредных привычек (алкоголизм, курение и др.), на протяжении всей жизни следили за своим здоровьем (совмещали народную и аллопатическую медицину), отличались склонностью к «работоголизму», имели среднее или высшее образование, обладали развитым социальным интеллектом и хорошими природными коммуникативными навыками. Как правило, они большое внимание уделяли обустройству дома и личного хозяйства, своему сельскому бизнесу (лесопилка, овощеводческое хозяйство, ферма по промышленному выращиванию рыбы, коров, птицы), заботились о процветании поселения, в котором жили и вели бизнес (создавали частные этнографические музеи, восстанавливали храмы, улучшали дороги, открывали торговые сети, занимались благотворительной деятельностью и организовывали волонтерские движения (например, проводили субботники);

— наибольшую сложность для наших респондентов — социальных активистов представлял ответ на вопрос о негативных моментах их личной истории и производственной деятельности. На наш вопрос, почему они испытывают такое затруднение, они отвечали, что у них «как и в молодости, все хорошо». Но потом, поразмыслив, начинали вспоминать негативные моменты, связанные с трагическими событиями, которые выстраивались в следующую иерархию: 1) драматические случаи в производственной или организационно-деловой практике (смерть сотрудника на работе, несчастный случай, болезнь, пожар на производственных площадях, падеж скота, эпизоотии и др.); 2) сложные коллизии и бюрократические препоны, возникавшие в отношениях с властями, как в советское время, так и сегодня. Притом большинство респондентов советское время вспоминали с теплотой и удовольствием, в отличие от современного этапа

своей жизни. По их мнению, жизнь на селе в советское время, несмотря на тяжелые условия труда, дефицит обеспечения в сфере торговли, была значительно лучше, чем сегодня, а власть была ориентирована на поддержку их социальных инициатив. Сегодня государственная власть устранилась от решения проблем, которые возникают в их производственной деятельности на селе, а экономические условия и разительно изменившийся социальный ландшафт постоянно создают угрозу разрушения их инициатив; 3) трагические события в семье, связанные с болезнью или смертью близких;

— самыми яркими впечатлениями для женщин — сельских активисток, важными моментами личной истории были детские и юношеские воспоминания, в которых красной нитью просматривалась установка на повышение образовательного уровня, получение конкретной, связанной с работой на селе специальности (учитель, агроном, зоотехник, экономист, культработник). Большинство респонденток рассказывали нам о ярких позитивных переживаниях, которые они испытали в моменты общения с природой (во время походов в лес, работы в поле, на сенокосах), в общении друг с другом (работа в сельских женсоветах, организация праздничных мероприятий в сельских клубах). Наиболее яркие позитивные воспоминания у них связаны с теми моментами, когда они занимались творческой созидательной деятельностью (работа по обустройству поселений, создание сценариев деревенских праздников, сохранение культурного наследия и памятников местной старины, общение со старшими родственниками — матерями, бабушками).

Заключение

Думается, на основе анализа интервью даже 3 выбранных модельных объектов можно сделать несколько выводов обобщающего характера. Сельский социальный активизм («стайерский») ориентирован на длительную созидательную работу в зоне Нечерноземья. Основными направлениями этой работы являются: 1) поддержание и по возможности подъем экономической жизни села; 2) сохранение культурного наследия (материального — памятники, исторические ландшафты и нематериального — традиции, фольклор); 3) создание музейного фонда традиционной как русской, так и финно-угорской культуры посредством образования частных этнографических музеев; 4) широкая пропагандистская деятельность путем организации общественных историко-культурных движений и создания просветительных организаций (например, культурно-просветительное движение «Деревня — душа России» в Вологодской области, поддержанное на государственном уровне).

Базовыми мотивами женского социального активизма и связанными с ним мотивами предпринимательства являются: 1) стремление выйти из сложного положения, связанного с сильным социально-экономическим потрясением, обусловленным сменой политического курса страны в конце 1990-х. Многие женщины потеряли работу, столкнулись с нищетой, пережили кризис (распад) семей, оказались перед необходимостью в одиночку поднимать детей; 2) желание женщины — сельской предпринимательницы преодолеть «стеклянный потолок», который предполагает понижение статуса женщин-руководителей в пространстве обыденной управленческой среды, с частым

возникновением ситуаций, когда формальным руководителем производства выступает мужчина, а по факту всю работу выполняет женщина; 3) стремление преодолеть «серебряный потолок»: многие предпринимательницы рассматривались односельчанами как мамы и бабушки, место которых — у печки с внуками; 4) желание женщин-предпринимательниц, организовавших собственное производство, принять участие в обустройстве духовной и культурной жизни своей малой родины (реализация собственными силами проектов восстановления и строительства храмов в своих деревнях, проведение этнических фестивалей и праздников народного творчества, становление и распространение практик здорового образа жизни, создание частных этнографических музеев и др.).

В силу того что деревни в вологодской глубинке вымирают, значительно повысился возраст сельских социальных активисток — женщин-предпринимательниц. Если в Российской Федерации средний возраст женщин-предпринимательниц колеблется между 25 и 45 годами [Гильманова, 2008], то в селах Вологодской и Ленинградской областей он составляет 38—60 лет. Уровень дохода от их предпринимательской деятельности невысок, но позволяет поддерживать средний достаток семьи. Распространенной поговоркой в их среде является старый русский купеческий афоризм «Копейка рубль бережет», а прибыль от реализации относительно небольших партий продукции исчисляется 5—30 %. Причем реализация продукции, договоры с поставщиками, отчетность осуществляются самими предпринимательницами. Для организации выставочных и музейных помещений они часто приспособливают личные придомовые территории в своих селах.

Инициаторы социальной активности на селе ведут повседневную кропотливую работу по изменению окружающего их социального и природного ландшафта с установкой на совершенствование социальной, экономической, а главное, духовной среды обитания. Они используют для продвижения и реализации своих начинаний в сельской местности иные методики, чем гражданские активисты в городской среде. Основное отличие их рабочей методологии от методологии осуществления социальных перемен, проводимой активистами в городских условиях, является установка не на акциональность (организовали и провели акцию, устроили демонстрацию или пикет), а на повседневную монотонную работу (часто в одиночку) в выбранном направлении. Если работа городских активистов бывает символически маркирована и спонтанно проявлена, то работа сельских социальных активистов тесно сопряжена с повседневностью, укоренена в ней. Она как бы сливается с социально-экономическим ландшафтом Нечерноземья. Эта работа может быть и не так заметна на фоне пустеющих деревень, заброшенных промышленных зон и стареющих агрогородов, но она существует и, как нам представляется, востребована обществом.

Женское предпринимательство в зоне Нечерноземья воспринимается общественным сознанием как норма жизни. Женский бизнес наравне с мужским вносит свой вклад в поддержание социальных, духовных и экономических основ села. Для сравнения: мужское предпринимательство развивается в лесной промышленности, машинно-тракторной отрасли, полеводстве (картофель), молочной отрасли; женское предпринимательство — в звероводстве, рыбоводстве, полеводстве и молочной отрасли. Объемы сельского мужского

предпринимательства несколько больше, чем женского. Как мужское, так и женское предпринимательство испытывает равное давление со стороны финансовых и налоговых органов, а также местных структур власти. В преодолении этого вида барьеров в производственной активности большим подспорьем являются навыки женского коммуникативного взаимодействия.

Библиографический список

- Гильманова Г. Х. Развитие женского предпринимательства в условиях трансформации российского общества: социологический анализ. 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva-v-usloviyakh-transformatsii-rossiiskogo-obshchestva-so> (дата обращения: 12.07.2019).
- Коробова О. О. Социально-экономические факторы предпринимательской деятельности женщин // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. С. 161—167.
- Окладникова Е. А. Образ агрогорода в представлениях его жителей // Социальная антропология города: культурное, социальное и хозяйственное пространство. СПб.: Л-Принт, 2018. С. 89—107.
- Окладникова Е. А. Социальная история птицефабрики «Лаголово» глазами местных жителей. СПб.: Л-Принт, 2019. 421 с.
- Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72—77.
- Granovetter M. The strength of weak ties: a network theory revisited // *Sociological Theory*. 1983. № 1. P. 56—83.

References

- Gil'manova, G. Kh. (2008) *Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: Sotsiologicheskii analiz* [The development of women's entrepreneurship in the transformation of Russian society: A sociological analysis], available from <http://www.dissercat.com/content/razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva-v-usloviyakh-transformatsii-rossiiskogo-obshchestva-so> (accessed 12.07.2019).
- Granovetter, M. (1983) The strength of weak ties: a network theory revisited, *Sociological Theory*, no. 1, pp. 56—83.
- Korobova, O. O. (2019) *Sotsial'no-ekonomicheskie faktory predprinimatel'skoĭ deiatel'nosti zhenshchin* [Socio-economic factors of women's entrepreneurship], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naia politika*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 161—167.
- Okladnikova, E. A. (2018) *Obraz agrogoroda v predstavleniakh ego zhitelei* [The image of the agricultural city in the views of its inhabitants], in: *Sotsial'naia antropologiya goroda: kul'turnoe, sotsial'noe i khoziaistvennoe prostranstvo*, St. Petersburg: L-Print, pp. 89—107.
- Okladnikova, E. A. (2019) *Sotsial'naia istoriia ptitsefabriki "Lagolovo" glazami mestnykh zhitelei* [The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents], St. Petersburg: L-Print.

Trofimova, I. N. (2015) Grazhdanskiĭ aktivizm v sovremennom rossiĭskom obshchestve: osobennosti lokalizatsii [Civil activism in modern Russian society: features of localization], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 72—77.

Статья поступила 12.08.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Окладникова Елена Алексеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 53—65
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 53—65
ББК 65.240.7
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ: ТРЕНДЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, РЕГУЛИРОВАНИЕ

С. В. Рязанцев^а, Т. К. Ростовская^а, С. Н. Перемышлин^б

^а Институт социально-политических исследований,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru

^б Международный общественный фонд «Российский фонд мира»,
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Рассматривается явление феминизации миграции на глобальном и региональном уровнях. Обосновываются причины роста численности женщин в миграционных потоках и доли трудящихся-мигранток в различных регионах мира. Выявлены особенности трудовой миграции женщин в евразийском пространстве, в том числе в России и странах Центральной Азии. Дана характеристика ситуации с трудовой миграцией женщин в России как принимающей стране, а также в странах — ее основных партнерах: Кыргызстане и Таджикистане. Выявлены ключевые проблемы положения женщин — трудящихся-мигранток в России. Предложены рекомендации по учету гендерного фактора в регулировании трудовой миграции в интересах мигрантов и государств.

Ключевые слова: гендер, трудовая миграция, женщины, трудящиеся-мигранты, принимающие и отправляющие страны, регулирование трудовой миграции.

GENDER ASPECTS OF LABOR MIGRATION IN RUSSIA: TRENDS, IMPLICATIONS, REGULATION

S. V. Ryazantsev^а, T. K. Rostovskaya^а, S. N. Peremyshlin^б

^а Institute for Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, riazan@mail.ru

^б International Public Fund “Russian Peace Fund”, Bishkek, Kyrgyz Republic

The article discusses the features of the feminization of migration at the global and regional levels. The reasons and regional features of the increase in the number and share of women in migration flows in various regions of the world are substantiated. Features of labor migration of women in the Eurasian region, including Russia and the countries of Central Asia, are revealed. The situation with the labor migration of women in Russia as a host country,

© Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н., 2019

Публикация подготовлена при содействии Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ (грант № НШ-3781.2018.6).

as well as in the countries of its key partners — Kyrgyzstan and Tajikistan — is analyzed. The key problems of the situation of women migrant workers in Russia are identified. Recommendations are offered on improving the regulation of labor migration in the interests of migrants and states.

Key words: gender, labor migration, women, migrant workers, receiving and sending countries, regulation of labor migration.

Актуальность исследования

Феминизация миграционных потоков в целом и трудовой миграции в частности представляет собой сравнительно новое глобальное явление. Все больше женщин в различных регионах и странах мира вынужденно или добровольно становятся мигрантками. Они включились во все формы миграции: трудовую, образовательную, миграцию с целью воссоединения семьи и т. д. [Рязанцев и др., 2018; Байков и др., 2018].

По данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2017 г. численность женщин — международных мигранток составила 124,8 млн человек, или 48 %, доля трудящихся-мигранток — 42 % [Migration Data Portal, 2019]. Феминизация миграции на сегодняшний день, с одной стороны, обусловлена открытием новых ниш на рынке труда, что связано с социально-экономическими и демографическими изменениями в мире. Например, старение населения в развитых странах делает востребованным труд именно женщин в сфере ухода за пожилыми людьми. С другой стороны, в странах, отправляющих мигранток, активное вовлечение женщин в миграционные процессы происходит по причине изменения социально-экономических ролей женщин в обществе. В развивающихся странах они становятся более активными, мобильными и претендуют на новые роли в семье и обществе. Например, растет доля женщин в численности эмигрантов из таких стран — доноров трудовых ресурсов за границу, как Филиппины и Таиланд. Данные изменения коснулись евразийского и постсоветского пространств, где трудовая миграция имеет существенное значение для жизни общества как на национальном, так и на локальном уровне. Все больше женщин вовлечено в трудовую миграцию не только в славянских странах бывшего СССР, но и в странах Центральной Азии с преобладанием ислама, где роль женщины традиционно была более локальной и ограниченной.

Новые социальные отношения существенно изменили положение женщин в традиционных обществах. В результате происходит увеличение численности женщин в миграционных потоках в целом и потоках трудовой миграции в частности и на глобальном, и на региональном уровнях. Так, в трудовую миграцию активно включаются женщины из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, выезжая на заработки в Россию, Казахстан, страны Ближнего Востока. Женщины — трудовые эмигрантки из Молдовы, Украины и Беларуси ориентированы на страны Европы, преимущественно на Италию, Португалию, Испанию. Следует отметить, что на постсоветском пространстве получила широкое распространение брачная эмиграция. Особенно активно в нее вовлечены женщины славянского фенотипа из России, Украины и Беларуси. Есть основания говорить

о появлении в последние десятилетия на мировом брачном рынке нового социокультурного феномена — феномена «русских жен».

Данная статья посвящена исследованию явления феминизации миграции и гендерных особенностей миграционных процессов в России в контексте глобальных трендов. Рассматриваются подходы к изучению гендерных аспектов миграции в целом и трудовой миграции в частности, а также тенденции и последствия феминизации миграции в евразийском пространстве. Источниками информации стала немногочисленная научная литература по проблемам миграции женщин, изданная международными организациями и агентствами ООН (Отдел по народонаселению ООН, МОМ, МОТ), а также международная, российская и зарубежная национальная статистика по миграции и трудовой миграции в разрезе регионов, стран, посылающих и принимающих мигрантов. В российских условиях данные по трудовой миграции собирались ранее Федеральной миграционной службой (ФМС), в настоящее время — Главным управлением по делам миграции МВД. Они обрабатываются и систематизируются Федеральной службой государственной статистики. Однако представленность данных по полу крайне ограничена. В статье использованы интервью с экспертами в миграционной сфере и материалы предыдущих социологических исследований коллектива.

Глобальные и региональные тенденции феминизации миграции

Международная статистика показывает, что за последние полвека доля женщин-мигранток существенно не изменилась. Вместе с тем в этом процессе произошли качественные социокультурные трансформации: больше женщин-мигранток стали активно перемещаться в целях поиска работы, получения образования, а также брать на себя роль глав домохозяйств. При этом они чаще сталкиваются с дискриминацией как мигрантки и как женщины, более уязвимы на рынке труда, чаще подвергаются насилию и жестокому обращению, становятся жертвами обмана организаторов миграции и работодателей.

По данным Отдела народонаселения ООН, в 2019 г. в глобальном масштабе в миграции участвовали 130 млн женщин, что составляло 48 % численности мигрантов в мире. Можно выделить три вида регионов мира с точки зрения роли женской миграции. Во-первых, это регионы с преобладанием среди мигрантов мужчин — Азия и Африка. Например, в Азии в 2000—2019 гг. на 84 % увеличилась накопленная численность трудящихся-мигрантов (до 49 млн человек) [UN DESA, 2019]. Этот процесс был вызван растущим спросом на мигрантов в нефтедобывающих странах Западной Азии. Несмотря на то что в арабских государствах находится всего 5,3 % трудящихся-мигрантов мира, они составляют около 40 % рабочей силы в регионах Азии [ILO Global Estimates... , 2018]. В то же самое время в странах Западной Азии оказался востребованным и труд женщин-мигранток с Филиппин, из Бангладеш и Индии, которые заняты в домашних хозяйствах. По мере роста доходов и благосостояния арабских домохозяйств в Саудовской Аравии, Катаре, Кувейте, ОАЭ требуется большая численность прислуги. Женщины-мигрантки освобождают местных арабских женщин в богатых странах Персидского залива от домашней работы. Доля женщин-мигранток в Азии составляет в настоящее время 42 % [UN DESA, 2019]. В африканских

странах женская миграция распространена в меньшей степени, но постепенно она набирает обороты, женщины мигрируют как внутри континента, так и за его пределы. Африканки стали активнее эмигрировать в Европу, особенно в период так называемого миграционного кризиса 2014—2016 гг. В настоящее время доля женщин-мигранток в Африке составляет 47 % [ibid.].

Второй вид регионов — это регионы мира с равной степенью участия мужчин и женщин в миграционных потоках. В Латинской Америке, Океании и Карибском бассейне в 2019 г. доля женщин — международных мигранток была почти равна доле мужчин и составляла 49,9 %. Интересно, что в 2000—2019 гг. в этих регионах численность женщин среди мигрантов росла быстрее, чем численность мужчин [ibid.]. В настоящее время доля мужчин — трудящихся-мигрантов (2,9 %) почти равна доле женщин — трудящихся-мигранток (2,5 %) в их общей численности [ILO Global Estimates... , 2018].

Третий вид образуют регионы мира, в которых среди мигрантов преобладают женщины. Феминизация миграции наглядно проявляется в экономически развитых странах мира. Например, женщины составляют более половины международных мигрантов в Европе и Северной Америке — 51,4 и 51,8 % соответственно [UN DESA, 2019]. Европейские страны, США и Канада являются основными странами, принимающими трудящихся-мигрантов: в этих странах работают соответственно 40 и 26 % всех женщин — трудящихся-мигранток мира [ILO Global Estimates... , 2018]. Их повышенная численность в обозначенных регионах связана с востребованностью женского труда в экономиках развитых стран по причине старения населения.

Тенденции и социально-демографическая структура потоков трудовых мигрантов в России и посылающих странах

В последние годы трудовая миграция играет значительную роль в обеспечении ресурсами российского рынка труда. Трудящиеся-мигранты работают практически во всех регионах и отраслях российской экономики. Количество разрешительных документов на работу в России стабилизировалось в 2016—2018 гг. на отметке 1,5—1,7 млн патентов и 120—150 тыс. разрешений на работу (табл. 1). Кроме того, 800—900 тыс. трудящихся-мигрантов происходят из стран ЕАЭС и им не требуется разрешительных документов на работу в России. В некоторых случаях граждане из стран ЕАЭС и стран с «патентной системой» вынуждены получать разрешение на работу в России, что запутывает и без того несовершенную статистику трудовой миграции в стране.

Основными странами — поставщиками рабочей силы в Россию в 2016 г., согласно данным МВД и Росстата, были такие страны постсоветского пространства, как Узбекистан (894,3 тыс. патентов и 7,8 тыс. разрешений на работу), Таджикистан (403,7 и 8,3 тыс. соответственно), Украина (167,8 и 2,7 тыс.) и Молдова (65,3 тыс. патентов). Также была ощутима роль азиатских государств в притоке иностранной рабочей силы в Россию — Китая (40,5 тыс. разрешений), КНДР (29,1 тыс.), Турции (19,3 тыс.), Вьетнама (12,5 тыс.) (ср.: гражданам из стран Евросоюза выдано 8,4 тыс. разрешений на работу) [Труд и занятость... , 2018: 156].

Таблица 1

**Число разрешительных документов, выданных трудящимся-мигрантам
 в Российской Федерации в 2016—2018 гг.¹**

Категория документов	2016	2017	2018
Патенты (Азербайджан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина)	1 510 378	1 682 622	1 544 313
Разрешения на работу (остальные страны, кроме стран ЕАЭС)	149 013	148 326	116 538

Сведения о женщинах в составе трудовых мигрантов в России весьма ограничены. Доступны только официальные данные по половозрастному составу иностранных граждан, имевших разрешение на работу (табл. 2). В 2016 г. женщины среди них составляли около 17 %. Однако мигранты, имеющие разрешение на работу, — это лишь десятая часть общего потока трудящихся-мигрантов в Россию.

Таблица 2

**Численность иностранцев, имевших разрешение
 на работу в России в 2016 г. [Труд и занятость... , 2018: 158]**

Возрастная группа, лет	Общая численность, тыс. человек	Численность женщин, тыс. человек	Доля женщин, %
18—29	27,6	6,3	26,0
30—39	40,7	7,3	30,3
40—49	46,9	7,2	29,8
50—54	17,0	2,1	8,6
55—59	8,4	0,8	3,5
60 и старше	3,3	0,4	1,8
<i>Всего</i>	143,9	24,1	100,0

Выделить долю женщин среди трудовых мигрантов достаточно сложно в силу отсутствия открытой статистики в необходимом разрезе. Но по экспертным оценкам, есть потоки трудовых мигрантов с четко выраженным преобладанием женщин. Например, среди выходцев из Таиланда и Филиппин явно преобладают женщины (76 и 65 % соответственно) в силу особенностей занятости на российском рынке труда (из Филиппин приезжает домашняя прислуга и женщины, работающие с детьми, а из Таиланда — массажистки в салонах).

Третья часть (32 %) трудовых мигрантов из Кыргызстана — женщины, которые востребованы в секторе общественного питания, в кафе и ресторанах [Чудиновских и др., 2013]. Женщины из Кыргызстана заняты уборкой помещений в офисах компаний и учреждений, работают в качестве обслуживающего персонала, разнорабочими, официантками в ресторанах. Хорошо знающие русский язык трудоустраиваются на более квалифицированные и высокооплачиваемые

¹ Данные Главного управления по делам миграции МВД России (<https://мвд.рф/Dejatelnost/statistics/migracionnaya/1/>).

работы — в домашних хозяйствах в качестве нянь, сиделками у престарелых и больных людей, мастерами маникюра и парикмахерами в салонах красоты, массажистками в салонах, кассирами в супермаркетах, продавцами в магазинах, медицинскими работниками в лечебных учреждениях. Нередко трудящиеся-мигрантки все-таки вынуждены работать не по своей специальности. Некоторые в России получают дополнительные навыки и квалификацию, причем часто это делается после начала работы. Наиболее востребованными за рубежом оказываются трудящиеся-мигранты со средним уровнем образования: на них приходилось 70 % работавших за границей граждан Кыргызстана, судя по данным национального выборочного обследования бюджетов домохозяйств в 2016 г. (табл. 3).

Таблица 3

**Уровень образования трудящихся-мигрантов,
работавших за пределами Кыргызской Республики в 2016 г.²**

Образование	Всего		Мужчины, тыс. человек	Женщины, тыс. человек
	тыс. человек	%		
Высшее профессиональное	19,5	8,3	14,3	5,2
Незаконченное высшее профессиональное	6,0	2,6	5,1	0,9
Среднее профессиональное	9,4	4,0	5,8	3,6
Начальное профессиональное	9,7	4,1	8,3	1,4
Среднее (полное) общее	164,5	70,0	122,0	42,5
Основное общее	24,5	10,4	21,3	3,2
Начальное общее, отсутствие начального общего и неграмотные	1,5	0,6	1,0	0,5
<i>Всего</i>	235,1	100,0	177,8 (75,6 %)	57,3 (24,4 %)

На российском рынке труда мигранты из Кыргызстана имеют значительные преимущества в сравнении с представителями других стран из-за более высокого уровня владения русским языком. Это преимущество сложилось в связи с тем, что русский язык остается официальным языком Кыргызстана и широко распространен в бытовой сфере. Данный фактор позволяет получать серьезные конкурентные преимущества гражданам Кыргызстана при трудоустройстве в различных отраслях российской экономики, в том числе занимать ниши, ориентированные на социальное обслуживание российского населения. Особенно наглядно это проявляется среди женщин — трудящихся-мигранток. Многие гражданки Кыргызстана трудоустраиваются в семьях на более высокооплачиваемую работу, требующую большей квалификации и знания русского языка. Например, исследование Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, выполненное в 2012 г., показало, что женщины

² Данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики по результатам интегрированного выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и рабочей силы (<http://www.stat.kg/media/publicationarchive/427e9cca-f5b6-4375-a751-80e63af69efe.pdf>).

из Кыргызстана достаточно часто работают гувернантками, сиделками, нянечками, поскольку хорошо владеют русским языком. Имеющие среднее медицинское образование ухаживают за пожилыми людьми. Это достаточно специфический труд, требующий определенных навыков и медицинских знаний (см.: [Рязанцев и др., 2019]).

Усиливаются и изменяется роль женщин в миграционных потоках из Таджикистана. Первоначально в таджикском обществе было сильно убеждение, что содержание семьи — это исключительная обязанность мужчин. Во время расцвета челночной торговли и коммерческой миграции во второй половине 1990-х гг. женщина также стала добытчиком в семье, а некоторые мужчины, напротив, перешли в разряд маргиналов. Традиционные стереотипы были подорваны, и в настоящее время трудовая миграция вовлекает в свой водоворот женщин из Таджикистана, которые теперь едут не только в Россию, но и осваивают новые рынки труда на Ближнем Востоке, в Корею и Японию, Восточной Европе.

Они все чаще участвуют в трудовой миграции как самостоятельные мигрантки, а не как члены семьи основного мигранта (мужа). Некоторые выезжают на заработки в Россию с детьми, другие оставляют детей дома на попечение родственников, в основном родителей [Олимова, Куддусов, 2007]. Сфера занятости женщин-мигранток из Таджикистана в России значительно отличается от сферы занятости мужчин. Многие работают продавщицами, уборщицами, дворниками, официантками, поварами. Некоторые заняли более престижные ниши в медицине и образовании. Часть женщин являются предпринимательницами, имеют свой торговый бизнес (магазин, контейнер, киоск, торговое место). В сравнении с кыргызскими трудовыми мигрантами выходцы из Таджикистана проигрывают в конкуренции на рынке труда, поскольку, как правило, хуже знают русский язык.

Ключевые проблемы положения женщин — трудоустройственной-мигранток в России

Следует обозначить несколько наиболее актуальных проблем, с которыми сталкиваются женщины — трудоустройственной-мигрантки в России.

Во-первых, это отсутствие возможности зарегистрировать значительную часть трудовых мигранток по месту реального проживания в России. Российские собственники жилья во избежание уплаты налоговых сборов зачастую отказываются регистрировать трудоустройственной-мигрантов по месту фактического пребывания (проживания). Согласно законодательству РФ, собственники жилого помещения считаются частными предпринимателями, в связи с этим доход, полученный от аренды такого помещения, облагается государственной пошлиной. Собственники жилья, отказываясь регистрировать иностранного гражданина по месту проживания, тем самым нарушают порядок, установленный федеральным законодательством, и усложняют положение трудоустройственной-мигрантов [Рязанцев и др., 2019]. Многие мигранты вынуждены снимать жилье на несколько человек, чтобы сэкономить на расходах. При этом их регистрация собственниками не предоставляется. В результате многие мигранты попадают в незаконное положение, если не делают регистрацию в других помещениях.

Во-вторых, въезд на территорию РФ мигрантов, совершивших правонарушения, ограничен. Следует отметить, что хотя количество запретов и сокращается, но масштабы проблемы остаются весьма существенными. Ограничения на въезд могут устанавливаться в России различные государственные структуры за разные правонарушения, порой очень незначительные (например, не оплачен штраф и пр.). Но чаще всего запреты связаны с отсутствием или незаконностью регистрации по месту пребывания [там же]. В 2018 г., по данным МВД РФ, было принято 253,6 тыс. решений о запрете на въезд в Россию (по сравнению с 210,7 тыс. в 2017 г. и 229 тыс. в 2016 г.). В целом, по оценке президента Федерации мигрантов России В. Коженова, сейчас запрещен въезд 1 млн иностранцев [Мусина, 2019].

В-третьих, заработная плата трудящимся-мигранткам не всегда выплачивается российскими работодателями. Основной причиной является несоблюдение ими условий трудового договора, а также отсутствие между работодателем и работником документально закрепленных правовых отношений, наличие лишь устных договоренностей. Особенно это распространено в частном секторе экономики. В судебном порядке, как правило, разрешение подобных вопросов практически невозможно.

В-четвертых, сохраняются высокие риски вовлечения женщин — трудящихся-мигранток в трудовую эксплуатацию и торговлю людьми в России. Имеется множество случаев, когда работодатели отбирали паспорта, принуждали к сверхурочному труду, подвергали мигранток насилию и трудовой эксплуатации, продавали их в рабство. Фактически многие женщины-мигрантки испытывают на рынке труда двойную дискриминацию — и как мигрантки, и как женщины.

В-пятых, несмотря на существование формального доступа к получению медицинских услуг трудящимися-мигрантами в России, остается открытым вопрос доступа к получению медицинской помощи членами их семей. До 1 января 2017 г. доступ к получению медицинской помощи в России гражданами государств — членом ЕАЭС был ограничен в связи с невозможностью оформить полис ОМС. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 27 октября 2016 г. № 803н, теперь временно пребывающие на территории РФ иностранные граждане имеют право на получение полиса (см.: [Рязанцев и др., 2019]). Однако фактически полисы покрывают лишь самые необходимые расходы для мигрантов. Остаются большие сложности с предоставлением специальной помощи женщинам-мигранткам (например, наблюдение у врача в связи с беременностью).

В-шестых, в России отсутствует система пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов. Долгое время данная проблема оставалась нерешенной. Получить пенсию даже после многих лет работы в России трудящимся-мигрантам практически невозможно. Только 19 декабря 2016 г. на заседании коллегии Евразийской экономической комиссии одобрен проект Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членом ЕАЭС. Проект Договора предусматривает зачет трудового стажа, полученного в государствах ЕАЭС. Вступление в силу Договора обеспечит гражданам государств-членов возможность формировать, сохранять и реализовывать пенсионные права, приобретенные ими во время работы в странах ЕАЭС [там же]. Однако для граждан

других стран данный вопрос остается нерешенным. В пенсионном стаже также не учитывается период рождения и воспитания детей, даже если они родились в России и стали ее гражданами. Не решены и вопросы установления стажа мигрантам, работавшим у частных лиц и в домохозяйствах. Большинство из этих работников — женщины.

Рекомендации по совершенствованию системы управления трудоустройственной миграцией в интересах мигрантов и стран

Данные рекомендации разработаны для двух сторон — участников процессов трудоустройственной миграции: отправляющих и принимающих стран. Они затрагивают интересы мигрантов независимо от половой принадлежности, в то же время при их разработке учитывалась специфика, связанная с репродуктивной функцией женщин-мигранток, их интересами, касающимися воспитания и обучения детей, предотвращения нарушений трудового законодательства и двойной эксплуатации.

В странах, отправляющих трудовых мигрантов в Россию, целесообразно реализовать следующие направления и меры в области регулирования трудоустройственной миграции и учета гендерных аспектов этого социального процесса.

Для развития инфраструктуры управления трудоустройственной миграцией следует: подписать соглашения с регионами РФ, принимающими трудящихся-мигрантов; открыть центры предвыездной подготовки в регионах и населенных пунктах страны происхождения трудящихся-мигрантов; организовать при этих центрах курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, а также курсы русского языка.

Для информационной поддержки трудящихся-мигрантов необходимо разрабатывать и распространять среди потенциальных мигрантов справочные материалы о миграционных зонах в принимающих странах, процедурах регистрации, получения разрешительных документов на работу и заключения трудовых договоров. Женщинам, планирующим работать за рубежом, следует предоставить информацию о возможностях получения медицинской помощи в связи с беременностью и уходом за ребенком, а также образования детьми, о гендерных стереотипах, характерных для культуры принимающей страны, о системе правовой защиты женщин от насилия и сексуальных домогательств в конкретной стране.

В Российской Федерации как стране, принимающей трудящихся-мигрантов, целесообразно реализовать следующие направления и меры в сфере совершенствования системы регулирования трудоустройственной миграции с учетом гендерного аспекта:

— на государственном уровне выделить приоритетные страны для найма рабочей силы исходя из геополитических и экономических интересов Российской Федерации; подписать двусторонние соглашения с заинтересованными странами об организованных поставках трудящихся-мигрантов, которые пройдут предварительную подготовку в миграционных центрах за пределами России;

— содействовать развитию инфраструктуры найма трудящихся-мигрантов, мужчин и женщин, в странах происхождения для работы на российских предприятиях (миграционные центры, центры изучения русского языка,

центры профессиональной подготовки потенциальных трудящихся-мигрантов, агентства занятости); отработать механизм лицензирования и создать единый реестр частных агентств занятости, работающих в России и основных странах — поставщиках трудящихся-мигрантов;

— разработать единую методику оценки потребности российских регионов в трудовых ресурсах с учетом возможных источников замещения и рассчитать на ее основе реальные потребности страны в трудящихся-мигрантах, мужчинах и женщинах;

— выдавать рабочую визу для работников из стран с визовым режимом на основе персонифицированных квот на привлечение иностранных работников, закрепленных за конкретным работодателем (предприятие, организация, фирма, частный предприниматель), который обосновал необходимость данного привлечения перед трехсторонней комиссией соответствующего региона;

— ввести регистрацию пребывания трудящихся-мигрантов по адресу работодателя, а не по месту проживания;

— отменить требование указания в патентах отрасли занятости, вида деятельности, физического или юридического лица.

В сфере обеспечения условий работы и быта трудовых мигрантов целесообразно:

— снизить ставку налога с дохода физических лиц для трудящихся-мигрантов (иностранцы, граждане, нерезиденты) с 30 до 13 %; развивать систему внутрикорпоративного добровольного медицинского страхования мигрантов независимо от пола и специфики трудовой деятельности;

— расширять спектр услуг, доступных женщинам — трудящимся мигранткам и связанных с их репродуктивной функцией;

— обеспечить детей трудящихся-мигрантов необходимыми образовательными и медицинскими услугами. С этой целью следует снижать размеры социальных начислений на фонд оплаты труда работодателям, которые вкладывают средства в программы корпоративного страхования жизни и здоровья трудящихся-мигрантов и их детей;

— ужесточить наказание работодателей (вплоть до уголовного преследования), задерживающих или не выплачивающих заработную плату, отбирающих документы или ограничивающих свободу передвижения трудящихся-мигрантов, допускающих сексуальные домогательства и двойную эксплуатацию в отношении женщин-мигранток.

В сфере адаптации трудящихся-мигрантов целесообразно обязать работодателей предоставлять им временное жилье, оборудованное минимальными удобствами (например, городки временного размещения); необходимо также стимулировать деятельность работодателей по организации для трудящихся-мигрантов курсов обучения русскому языку и основам российского законодательства, в том числе с использованием дистанционных методов.

Особое внимание следует обратить на реализацию программ интеграции в российское общество мигрантов, женщин и мужчин, легально находящихся на территории страны. Проекты различных образовательных, культурных учреждений, женских организаций, некоммерческих объединений должны осуществляться при государственной поддержке (бесплатное обучение русскому

языку, правовая поддержка мигрантов, дошкольные учреждения для детей мигрантов, кризисные центры для женщин-мигранток, подвергшихся насилию). Необходимо обеспечить бесплатное обучение детей трудящихся-мигрантов, находящихся в стране, в общеобразовательных школах Российской Федерации.

Для совершенствования учета производственных, правовых, культурных и гендерных факторов функционирования трудовой миграции в России целесообразно создать единый для всех регионов страны регистр иностранных граждан, который будет аккумулировать информацию о правовых основах пребывания, наличии разрешений на работу и патентов, месте работы и условиях проживания, социально-демографическом составе трудящихся-мигрантов и их семей. Основой для создания регистра могла бы быть Центральная база данных по учету иностранных граждан, разрабатываемая ФМС на протяжении нескольких лет. Публичная доступность статистических данных о трудовой миграции в Российской Федерации в сети Интернет в разрезе отраслей экономики, регионов, социально-демографических и гендерных характеристик трудящихся-мигрантов может стать важным этапом в обеспечении баланса между вовлечением в сферу занятости иностранной рабочей силы и учетом ее гендерной специфики.

Библиографический список

- Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75—84.
- Мусина А. Россия: отток мигрантов ставит под угрозу экономическое развитие. 2019. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-отток-мигрантов-ставит-под-угрозу-экономическое-развитие> (дата обращения: 15.08.2019).
- Олимова С., Куддусов Д. Семья мигрантов в Таджикистане: проблемы и способы их решения: аналитический отчет по исследованию. Душанбе: Ирфон, 2007. 124 с.
- Пашукова Т. И., Тер-Акопова А. С. Теоретический анализ становления понятий гендера и гендерной идентичности в психологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета: образование и педагогические науки. 2012. № 640. С. 122—132.
- Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Теоретические подходы к изучению гендерного насилия // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер.: Демография. Социология. Экономика. М.: Экон-Информ, 2019. С. 306—311.
- Рязанцев С. В., Байков А. А., Морозов В. М. Социально-экономическое положение и правовой статус кыргызских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС // Миграционное право. 2019. № 1. С. 3—8.
- Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю., Ростовская Т. К., Бушкова Л. А. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 85—99.
- Труд и занятость в России, 2017 / Росстат. 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (дата обращения: 15.08.2019).
- Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. Временные трудовые мигранты в России // Демоскоп Weekly. 2013. № 579—580. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema03.php> (дата обращения: 15.08.2019).

- ILO Global Estimates on International Migrant Workers: Results and Methodology. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf (дата обращения: 15.08.2019).
- Migration Data Portal / ИОМ. 2019. URL: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=1 (дата обращения: 15.08.2019).
- UN DESA. 2019. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения: 15.08.2019).

References

- Baïkov, A. A., Luk'ianets, A. S., Pis'mennaia, E. E., Rostovskaia, T. K., Riazantsev, S. V. (2018) Èmigratsiia molodëzhi iz Rossii: masshtaby, kanaly, posledstviia [Youth emigration from Russia: scale, channels, consequences], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 75—84.
- Chudinovskikh, O., Denisenko, M., Mkrтчian, N. (2013) Vremennye trudovye migranty v Rossii [Temporary labor migrants in Russia], *Demoskop Weekly*, no. 579—580, available from <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema03.php> (accessed 15.08.2019).
- ILO Global Estimates on International Migrant Workers: Results and Methodology (2018), available from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_652001.pdf (accessed 15.08.2019).
- Migration Data Portal (2019), IOM, available from https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=1 (accessed 15.08.2019).
- Olimova, S., Kuddusov, D. (2007) *Sem'ia migrantov v Tadjikistane: problemy i sposoby ikh resheniia*: Analiticheskii otchët po issledovaniiu [Migrant family in Tajikistan: problems and solutions: Research report], Dushanbe: Irfon.
- Pashukova, T. I., Ter-Akopova, A. S. (2012) Teoreticheskii analiz stanovleniia poniatiï genera i gendernoi identichnosti v psikhologii [Theoretical analysis of the formation of the concepts of gender and gender identity in psychology], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta: Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, no. 640, pp. 122—132.
- Rostovskaia, T. K., Bezverbnaia, N. A. (2019) Teoreticheskie podkhody k izucheniiu gender-nogo nasiliia [Theoretical approaches to the study of gender-based violence], in: *Natsional'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii, seriia Demografiia*. Sotsiologiia. Èkonomika, Moscow: Èkon-Inform, pp. 306—311.
- Riazantsev, S. V., Baïkov, A. A., Morozov, V. M. (2019) Sotsial'no-èkonomicheskoe polozhenie i pravovoi status kyrgyzskikh trudovykh migrantov v Rossii v kontekste integratsii Kyrgyzstana v EAES [Socio-economic situation and legal status of Kyrgyz labor migrants in Russia in the context of Kyrgyzstan's integration into the EAEU], *Migratsionnoe pravo*, no. 1, pp. 3—8.
- Riazantsev, S. V., Sivopliasova, S. Iu., Rostovskaia, T. K., Bushkova, L. A. (2018) Brachnaia èmigratsiia zhenshchin iz Rossii: masshtaby, prichiny, osobennosti [Marital emigration of women from Russia: the extent, causes, features], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 85—9.
- UN DESA (2019), available from <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed 15.08.2019).

Информация об авторах / Information about the authors

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Director, Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Перемышлин Сергей Николаевич — представитель в Кыргызской Республике, Международный общественный фонд «Российский фонд мира», г. Бишкек, Кыргызская Республика, rus-fondmira@bk.ru (Representative in Kyrgyz Republic, International Public Fund “Russian Peace Fund”, Bishkek, Kyrgyz Republic).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 66—79
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.6

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 66—79
ББК 60.55
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.6

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НКО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГЕНДЕРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Ю. Милованова

Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru

Реальное гражданское участие, желание солидарных общественных действий и способность к ним являются индикаторами состояния гендера в целом. Анализируется гражданская активность женщин — лидеров социально ориентированных НКО, их отношение к приоритетным общественным задачам и главным социальным ресурсам СОНКО. В контексте статьи принципиальным является то, что некоммерческий сектор феминизирован, репрезентируется в общественном мнении как женский. На основе классической модели теории социального капитала подтверждается авторская гипотеза о том, что СОНКО становятся реальным агентом (ресурсом) для решения социально значимых задач лишь при достижении достаточного уровня доверительных множественных субъектно-объектных отношений, как институциональных (донор — реципиент — ресурс, общество — власть — бизнес), так и межличностных. Делается вывод о том, что изменения в структуре занятости, разгосударствление социальных услуг привели в гражданский сектор образованных, предприимчивых, ответственных женщин-лидеров, для которых третий сектор стал основой самосохранения и человеческого достоинства, самореализации и выработки альтернативных инновационных подходов в решении актуальных социальных задач.

Ключевые слова: гражданское общество, социальный капитал, коммуникативное действие, социально ориентированные некоммерческие организации, гражданская активность, женщины, гендер.

SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS THROUGH THE PRISM OF GENDER: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

M. Yu. Milovanova

Russian State Humanitarian University
Moscow, Russian Federation, m_milovanova@mail.ru

True civic engagement, desire, and the ability for solidary community actions are the indicators of the general condition of gender. The article analyses the civic activity of women-leaders of the socially oriented non-profit organizations (SONPOs), their attitude to the high-priority social tasks, and the major social resources of the SONPOs. In the context of the article, it is essential that the non-profit sector is feminized, represented in public opinion as female. Scientific novelty is determined by the use of qualitative research methods-cases with the use of the biographical approach to women leaders of SONPOs, data comparison of the author's expert survey in 2012 and 2018, conclusions of the case study "Non-governmental organizations in the public sphere". Based on the classical model of the social capital theory, the author confirms the hypothesis that SONPOs have become a significant agent (resource) for solving socially significant tasks only when a sufficient level of trust-based multiple subject-object relationships both institutional (donor — recipient — resource, society — government — business) and interpersonal relationships is achieved. It is concluded that changes in employment structures and the privatization of social services brought into the civilian sector educated, enterprising and charismatic women-leaders for whom the third sector has become the basis of self-preservation and human dignity, of self-realization and the development of alternative, innovative ways of solving current social tasks.

Key words: civil society, social capital, communicative action, socially oriented non-profit organizations, civic engagement, women, gender.

Введение

Социальная политика выступает регулятором всех социальных отношений, посредством ее происходит удовлетворение потребностей социального, материального и духовного характера, достигается «равновесие, стабильность, целостность и динамизм в функционировании социальной системы» [Социальная политика... , 2000: 44].

В современном мире социальная политика невозможна без развитого некоммерческого сектора, без возрастания значения общественных организаций в ее реализации, их мобильности, открытости социальным проблемам, выполнения роли альтернативы государственным услугам в гражданском обществе с развитыми демократическими институтами. Социально ориентированные НКО (СОНКО) сегодня своего рода первопроходцы «в обнаружении назревших социальных проблем, которые государственные структуры в силу своей отдаленности от населения или еще не выявили, или, выявив, не осознали их значимости» [Гражданские инициативы... , 1997:18].

В контексте данной статьи принципиально то, что некоммерческий сектор остается феминизированным, репрезентируется в общественном мнении как женский¹, отражает глубинные процессы гражданского участия, активности и самореализации. Именно в гражданском секторе человек и социальные группы проявляют свое личностное начало, конструктивную социальную активность, выступают агентами необходимых общественных и экономических изменений, взаимодействуют друг с другом, обучаются друг у друга, создают новые практики, сообщества, т. е. накапливают социальный капитал. Кроме того, в третьем секторе формируются установки, ценности, стили поведения и управления в плане решения общественных задач и социального развития. Деятельность СОНКО как самостоятельного субъекта социальной политики, в условиях их активного включения в рынок социальных услуг, требует глубокого социологического анализа сквозь призму гендера.

Вышеобозначенное актуально и соответствует решению основных задач «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»².

Постановка задачи, методы и гипотеза исследования

В статье ставится задача проанализировать гражданскую активность женщин — лидеров СОНКО. Новизна решения задачи определяется применением качественных методов исследования — кейсов, с использованием биографического метода в отношении женщин — лидеров СОНКО, сравнительного анализа данных анкетного опроса на тему «Социально ориентированные общественные организации и социальная политика в современной России», проведенного автором в 2012 и 2018 гг. Нахождение женщин на политической периферии, вне сфер принятия политических решений, в силу действующего стереотипа «больше власти, меньше женщин», коммерциализация социальной сферы, большее затрагивающая женщин, также обуславливают рассмотрение СОНКО сквозь призму гендера.

Безусловно, исследовать состояние гражданской активности женщин помогает опора на богатую теоретическую базу российской науки по изучению состояния социальных отношений между полами, по истории, социологии и политическим исследованиям гендера, женского движения (см., напр., труды С. Г. Айвазовой [Айвазова, 2011, 2017], Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева, 2007], Г. Г. Силласте [Силласте, 2016], О. А. Хасбулатовой [Хасбулатова, 2015], Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной [Здравомыслова, Темкина, 2015], Н. Н. Козловой [Козлова, 2013], О. Г. Овчаровой [Овчарова, 2012], Т. Б. Рябовой [Рябова, 2008], З. А. Хоткиной [Хоткина, 2018], Н. А. Шведовой [Шведова, 2012], И. И. Юкиной [Юкина, 2003]). Справедливости ради отметим, что количество гендерных экспертов, регулярно проводящих новые исследования в России, ограничено; практически все центры гендерных исследований, работающие

¹ Женский сектор. АСИ. URL: <https://www.asi.org.ru/article/2017/03/10/zhenshhiny-v-nko-blog/11> (дата обращения: 19.12.2018).

² Портал «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://sntr-rf.ru/materials/strategiya-nauchno-tekhnologicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-na-dolgosrochnyy-period> (дата обращения: 30.11.2018).

в стране с конца 90-х гг., в 2000-х остались без финансовой поддержки и ограничили деятельность. Однако коммуникативные возможности сетевого общества эпохи Интернета позволяют запускать новые проекты гендерного просвещения (к примеру, инициатива «Гендерные страницы» Фонда им. Генриха Бёлля [Гендерные страницы, 2015]). Дискурс о диспаритете в состоянии гендера в России, о новых социокультурных рисках, политической периферии для женщин продолжается³. Озадаченность вопросом ученых Исследовательского комитета по гендерной политологии РАПН соответствует позиции автора данной статьи [Милованова, 2013: 102].

К развитию гендерных ресурсов НКО методологически применим институциональный подход, в рамках которого государство призвано создавать условия и инфраструктуру поддержки гражданского и делового участия. Мы исходим из рассмотрения гражданского общества как жизненного мира человека [Хабермас, 2000], его изучения с позиций «социологии жизни» [Тощенко, 2016]. Для оценки лидерского женского потенциала СОНКО, их проектной деятельности применена коммуникативная модель Ю. Хабермаса, дающая возможность выявить универалистский рационалистический потенциал структур сознания, формирование новых гендерных конструкторов. Глобальные трансформации информационного общества все более притягивают внимание исследователей к сетевым возможностям для формирования социального сознания и образа посткапиталистического будущего на основе общечеловеческих ценностей путем информационного влияния культурного сетевого ядра [Сазанов, 2017].

Социальный капитал — неотъемлемая часть жизненного мира современного человека, главнейший ресурс развития гражданского общества, ресурс нематериальный, своего рода «социальный клей», явный дефицит которого мы сегодня испытываем. Для оценки взаимодействия СОНКО и государства принципиальным становится положение Ю. Хабермаса о системе, колонизирующей жизненный мир, действующей разрушительно, когда человек вынужденно выстраивает новую сеть взаимоотношений, ищет баланс личных и общественных интересов, выстраивает равноправное взаимодействие лидеров со своими группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан), накапливает социальный капитал.

Термин «социальный капитал» как способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе введен в оборот Дж. Коулманом [Коулман, 2001], получил развитие в трудах П. Бурдье [Бурдье, 2002], Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2004: 30] и других. Исходной для анализа стала классическая модель социального капитала, состоящая из таких звеньев, как:

— донор — человек, институт, предоставляющие реципиенту свой социальный капитал (знакомит его со своим окружением как ресурсом, консультирует по тактике и стратегии эффективных коммуникаций, усиливает имиджевую составляющую и репутацию) как залог получения в том числе финансовой поддержки и материальных благ;

³ См., напр., программу VIII Всероссийского конгресса политологов «Политика развития, государство и мировой порядок», прошедшего 6—8 декабря 2018 г. в Москве.

— реципиент — человек, институт, получающие социальный капитал от другого, что делает их значимыми, создает основу для самореализации и укрепления субъектности реципиента и авторитета, репутации донора;

— ресурс — полезные связи, опыт, репутация, успешные социальные практики, которые донор передает реципиенту как залог получения финансовой поддержки и материальных благ.

По данным всероссийского исследования «Как живешь, интеллигенция?» [Как живешь, интеллигенция?, 2018], 52,4 % опрошенных полагают, что человека в современной России делают значимым «связи с нужными людьми». В сравнении с 57,1 % опрошенных, считающих, что это прежде всего «владение деньгами, материальными и другими ценностями», и 56,3 % высказавшихся за «обладание властью или доступ к ней», позиция «связи решают все» входит в первую тройку.

Предполагаем следующее:

— политика в отношении СОНКО атрибутирует их как агента не столько гражданского общества, сколько социального государства, оптимизирующего финансовые расходы на социальные нужды;

— СОНКО становятся реальным агентом (ресурсом) для решения социально значимых задач лишь при достижении достаточного уровня доверительных множественных субъектно-объектных отношений, как институциональных (донор — реципиент — ресурс, общество — власть — бизнес), так и личностных, однако степень социального и гражданского участия остается невысокой;

— характер взаимодействия НКО с властными структурами вариативен и гибок — от сотрудничества, взаимодействия до проявления конфронтации, противостояния, а иногда и конфликта, что не всегда оптимально и соответствует рационализации в стратегиях коммуникативного действия (по Ю. Хабермасу).

Результаты

Обозначим произошедшие институциональные изменения в механизмах и инструментах развития СОНКО⁴. Со стороны государства стали предоставляться субсидии НКО и НПО из федерального бюджета по результатам конкурсного отбора и при наличии соглашения между социально ориентированной НКО и Министерством экономического развития⁵. На портале «Единая автоматизированная информационная система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», который разработан специально для обеспечения открытости и прозрачности системы государственной поддержки НКО, значатся около 226 тыс. НКО с достаточно разветвленной географией⁶. С 2012 по 2018 г.

⁴ См.: Федеральный закон РФ от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания».

⁵ Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/SocOrientNoncom> (дата обращения: 12.12.2018).

⁶ URL: <http://nko.economy.gov.ru/Organization> (дата обращения: 29.12.2018).

укрепились позиции Фонда президентских грантов как следствие принятия Госдумой закона № 121-ФЗ об «иностранных агентах» (2012 г.), ограничившего для НКО возможность получать деньги из-за рубежа. Финансовая поддержка СОНКО со стороны данной ресурсной организации ежегодно возрастает. Так, в 2013 г. на проведение конкурса и грантовую поддержку его победителей выделено 2,3 млрд рублей; в 2017 г. 3213 победителей получили поддержку на общую сумму 6,6 млрд рублей; по итогам 2018 г. 3573 проекта профинансированы на 7,8 млрд рублей⁷. С 1 января 2017 г. НКО получили право на статус «исполнителя общественно полезных услуг», утверждены правила ведения соответствующего реестра и определены органы власти, которые будут оценивать качество оказания общественно полезных услуг. Власть позаботилась о критериях для вхождения в вышеупомянутый реестр: общественно полезная услуга должна быть строго из перечня, утвержденного правительством, она оказывается СОНКО на протяжении определенного периода времени и должна быть надлежащего качества. Критерии отбора настолько высоки, что спустя два года (по состоянию на январь 2019 г.) в реестре значатся лишь 197 НКО⁸.

Отметим, что отношение населения в целом к НКО скептическое и это отражается на вовлеченности в их работу, которая остается низкой. Численность сотрудников СОНКО в 2016 г. составила 672 тыс. человек, в 2017 г. — 630 тысяч. Если на конец 2015 г. Росстат насчитал около 2,5 млн добровольцев СОНКО, то на конец 2016 г. — уже 3,8 млн, а в 2017 г. средняя численность добровольцев вновь упала до 2,7 млн человек. При этом причины столь резких колебаний остаются неясными⁹. К числу регуляторов коммуникационной среды гендера отнесем принятие 8 марта 2017 г. «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 годы», для ее реализации создан Координационный совет, в который вошли в том числе представители женских организаций. Контроль за реализацией возложен на консультативный орган — Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Расширяются возможности репрезентации интересов СОНКО посредством информационных технологий — от перевода гражданской инициативы в плоскость законодательных практик¹⁰ до запуска масштабных краудфандинговых платформ¹¹.

Отметим, что государство инвестирует в активистское ядро СОНКО — как агент изменений — на фоне общего низкого уровня гражданского участия. По данным социологического исследования «О насущных вопросах нашей жизни», проведенного Институтом социологии РАН в 2016 г., подавляющее

⁷ Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 15.01.2019).

⁸ Гайдаровский форум «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды». Выступление начальника Управления Президента РФ по общественным проектам С. Новикова, 15 января 2019 г. URL: <http://gaidarforum.ru> (дата обращения: 16.01.2019).

⁹ Доклад о состоянии гражданского общества за 2018 г. URL: <http://report2018.oprf.ru/ru/3.php> (дата обращения: 28.01.2019).

¹⁰ Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 16.01.2019).

¹¹ Planeta.ru — крупнейшая российская краудфандинговая платформа. URL: <https://planeta.ru> (дата обращения: 16.01.2019).

большинство, или 75,7 % от числа опрошенных, вообще не принимают участия в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ, 7,0 % принимают участие в сообществах соседей по благоустройству окружающей территории, товариществах собственников жилья (ТСЖ), 6,4 % — в деятельности профсоюзов, 5,4 % — в Интернет-сообществах по интересам (ЖЖ, Facebook-группы), 5,1 % — помогают благотворительным организациям (помощь инвалидам, больным детям), 4,2 % состоят в молодежных и студенческих объединениях [Гражданский активизм...].

Сравним расстановку приоритетов в решении государством и самими лидерами СОНКО социальных проблем, на которые должна направляться гражданская активность. Подход государства обозначен прежде всего в обширном перечне общественно полезных услуг как перспективных для ресурсного обеспечения¹².

Сравнивая ответы женщин-лидеров о приоритетах социальных проблем (позиция СОНКО) и перечень общественно полезных услуг (позиция государства), можно отметить совпадение позиций по следующим направлениям: реабилитация и социальная адаптация инвалидов и детей-инвалидов; социальная помощь и социальное сопровождение детей, инвалидов, граждан пожилого возраста, лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; дошкольное и общее образование, дополнительное образование детей; дополнительное образование граждан пожилого возраста и инвалидов, в том числе услуги обучения навыкам компьютерной грамотности; медико-социальное сопровождение лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, и лиц, нуждающихся в медицинской паллиативной помощи. Среди приоритетов СОНКО не значатся такие направления, как предоставление социального обслуживания на дому, а также в стационарной и полустационарной форме; содействие в вопросах трудоустройства; профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; профилактики социального сиротства и социального сопровождения семей для предотвращения отказа от новорожденного ребенка, сокращения случаев лишения родительских прав и отказа родителей от воспитания своих детей; социальная адаптация и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей; организация отдыха и оздоровления детей; профилактика социально значимых заболеваний, курения, алкоголизма, наркомании; медико-социальная реабилитация лиц с алкогольной, наркотической или иной токсической зависимостью; физическая культура и массовый спорт. Между тем государство включает их в перечень общественно полезных услуг как перспективные для ресурсного обеспечения.

Любопытна динамика мнений женщин — лидеров СОНКО о приоритетах в решении актуальных социальных проблем (по данным авторских экспертных опросов, проведенных в 2012 и в 2018 гг.)¹³ (табл. 1).

¹² Памятка для НКО о получении статуса исполнителя общественно полезных услуг (ИОПУ). URL: <https://www.asi.org.ru/news/2017/02/27/pamyatka-nko-iopu/> (дата обращения: 20.03.2018).

¹³ Архив автора.

Таблица 1

**Приоритеты в решении социальных проблем
лидеров женских общественных объединений**

Место	2012 г.	2018 г.
1	Доступность образования и профессионального обучения	Сохранение окружающей среды и экологии региона, микрорайона, двора и др.
2	Решение проблемы с детскими садами	Доступность образования и профессионального обучения
3	Жилищные инициативы (ТСЖ, контроль за тарифами ЖКХ, борьба с точечной и уплотнительной застройкой и др.)	Качественное и доступное здравоохранение
4	Содействие продвижению женщин в политику и ГМУ	Адаптация социально уязвимых групп
5	Борьба за достойную и безопасную окружающую среду и экологию региона, микрорайона, двора и др.	Благотворительность
6	Отстаивание трудовых прав коллективными действиями, в том числе с привлечением профсоюзов	Состояние ЖКХ, тарифы и качество обслуживания
7	Самоорганизация для реализации здорового образа жизни	Реализация локальных конкретных дел по месту жительства, так называемые малые дела
8	Взаимодействие с органами государственной и местной власти, подготовка обращений и петиций в их адрес	Проблема мигрантов, межкультурное взаимодействие
9	Благотворительные акции	Отстаивание трудовых прав коллективными действиями, в том числе с привлечением профсоюзов

Сравним также ответы женщин — лидеров СОНКО, полученные нами в ходе опросов 2012 и 2018 гг., по поводу выбора социальных ресурсов, привлечение которых позволяет достигать поставленных целей в решении актуальных социальных задач и проявлении гражданской активности (респонденты отмечали не более 5 ресурсов)¹⁴ (табл. 2).

Таблица 2

Оценка социальных ресурсов женщинами — лидерами СОНКО, %

Социальные ресурсы	2012 г.	2018 г.
Люди, объединенные одной идеей	87,3	88,9
Социальные сети	–	74,1
СМИ	52,7	66,7
Волонтеры и НКО	27,3	55,6
Муниципальные органы власти	27,3	37,0
Государственные органы власти	23,6	29,6
Бизнес-организации	10,9	25,9
Зарубежные фонды	5,5	3,7
Другое	2,2	3,7

¹⁴ Там же.

Данные показывают, что актив гражданского общества — руководители и представители НКО — в первую очередь надеются на себя, ближний круг людей, объединенных общей идеей. Вторые и третьи ресурсы — социальные сети и СМИ. Весомый показатель ресурсности имеют волонтеры и НКО, муниципальная власть, опережающие государственную власть, что закономерно и позитивно. Далее — бизнес-организации, что говорит о невысокой степени отзывчивости и социальной ориентированности деловых кругов. Зарубежные фонды в связи с приобретением статуса «иностранный агент» теряют и без того невысокий приоритет как ресурс. По-прежнему мы видим, что налицо перекосы межсекторного взаимодействия (общество — власть — бизнес), ведь 4 ресурса (5 — для 2018 г.) из представленных относятся к «общественности», один показатель — к бизнесу и один — к власти. Полученные данные соотносимы с данными Института социологии РАН (2014, 2016 гг.), в соответствии с которыми население при возникновении серьезных жизненных трудностей обращается прежде всего к родственникам — 63,7 % от числа опрошенных, к друзьям, знакомым, коллегам по работе — 45,6 %, ни к кому обращаться не будут, постараются решить свои проблемы самостоятельно — 25,1 %; лишь 7,1 % обратятся в местные органы власти и 4,8 % — в правозащитную организацию [Гражданский активизм...].

Автором проанализированы истории жизни женщин-лидеров с применением биографического метода и кейс-стади «Общественные объединения в публичной сфере», предложенного Е. Р. Ярской-Смирновой для изучения общественных объединений. Среди них Е. Глинка («Справедливая помощь») ¹⁵, Ч. Хаматова и Д. Корзун («Подари жизнь») ¹⁶, Н. Водянова («Обнаженные сердца») ¹⁷, Н. Федермессер (фонд «Вера») ¹⁸, О. Дубинина («Не просто собаки») ¹⁹, Н. Белоголовцева («Лыжи мечты») ²⁰, А. Лазибная («Баба-Деда») ²¹, Е. Гыштемурте («Объединение и социальная поддержка женщин-мигрантов») ²², А. Попова (Фонд открытых проектов против насилия над женщинами) ²³, Г. Санджапова («Cocco bello») ²⁴, О. Вострикова («Международный союз пациентов») ²⁵, Р. Галлиуллина («Мамы Астрахани») ²⁶, Е. Степанова («Солнечный круг») ²⁷, Е. Савина («Зебра») ²⁸, О. Ягодина («Возрождение старинных промыслов Кемской волости») ²⁹, О. Косец («Деловые люди») ³⁰.

¹⁵ <https://www.doctorliza.ru>

¹⁶ <https://podari-zhizn.ru/main>

¹⁷ <https://обнаженныесердца.рф>

¹⁸ <http://www.hospicefund.ru>

¹⁹ <https://www.petfund.ru>

²⁰ <http://dreamski.ru>

²¹ <http://baba-deda.ru>

²² <https://www.vestnik-migranta.ru/2017/12/interview-rosia.html>

²³ <http://alenaPopova.ru>

²⁴ <http://www.cocco-bello.com>

²⁵ <http://союзпациентов.рф>

²⁶ <https://www.facebook.com/profile.php?id=100014587849026>

²⁷ <http://sunkrug.su>

²⁸ <https://zebra-center.ru>

²⁹ <https://www.facebook.com/profile.php?id=100000971682414>

³⁰ <http://delovie-ludi.ru>

Анализ позволяет прийти к выводам:

— СОНКО, возглавляемые женщинами-лидерами, охватывают весь спектр актуальных социальных программ и проектов, который шире, чем то, что предлагает государство как направление для оказания общественно полезных услуг;

— личные истории жизни женщин-лидеров становятся мотивами для реализации социальных программ и проектов;

— слагаемые успеха СОНКО зависят от личности и сформированной команды, людей, объединенных одной идеей, доверяющих друг другу (иные просто не приживаются);

— вырос набор требований к профессионализму и компетенции кадров гражданского сектора, большинство руководителей СОНКО (около 78 %) имеют опыт прохождения обучающих семинаров, тренингов, курсов для повышения компетенции;

— эволюция профессионализации кадров СОНКО отражается в эффективности PR, появлении узнаваемых медийных персон «женского сектора» как лиц СОНКО;

— у женщин-лидеров и их СОНКО чаще нейтральное или умеренное отношение к политике, гораздо важнее для них последовательная концентрация на решении проблем своей целевой аудитории;

— налицо инновационность программ СОНКО;

— возрастает динамика сетевого взаимодействия как основного канала коммуникации, создания доверительных площадок общения («Instagram», «YouTube» и «Telegram»), их представительство есть в основных социальных сетях);

— используются все четыре идеальных типа социального действия (по Ю. Хабермасу): стратегическое, которым руководит эгоистичная цель; нормативное, целью которого является достижение взаимной выгоды в условиях подчинения своего поведения ценностям и нормам, господствующим в обществе; драматургическое, направленное на создание публичного имиджа самого себя; коммуникативное, цель которого — свободная договоренность участников для достижения общих результатов;

— умелое коммуникативное действие обеспечивает результативный фандрайзинг, способствует наращиванию социального капитала СОНКО.

Заключение

Исследование гражданского сектора на примере СОНКО, лидеров и активистское ядро которых представляют женщины, использование теоретических подходов в изучении социального капитала и накопленный автором опыт социальной практики позволяют сделать следующие выводы.

В условиях либеральной экономики и неконкурентной политической системы, хронического дефицита бюджетных средств на образование, здравоохранение, культуру, растущего уровня бедности государство не столько выступает ресурсом, сколько само использует социально активных граждан — членов СОНКО для реализации проблемных направлений социальной политики. Гражданский сектор принимает минимизированную ресурсную (финансовую и инфраструктурную) поддержку государства, но уже с меньшим упованием на государство как донора, рассчитывая на собственные силы при соблюдении

единых для всех «правил игры», привлекая частные инвестиции. Финансирование общественных организаций происходит в большинстве своем через президентские гранты и благотворительность, существуют и такие варианты, как региональные гранты и субсидии. В 2019 г. финансирование составило 7,8 млрд рублей, что в 4 раза больше, чем пять лет назад. Государственное субсидирование и гранты для общественных организаций, с одной стороны, — финансовая поддержка. Но с другой стороны, это делает третий сектор зависимым, лишает самостоятельности. Таким образом, соблюдается тенденция рассмотрения общественных организаций как атрибута не столько гражданского общества, сколько социального государства. При этом финансовый ресурс остается ограниченным, а степень социального и гражданского участия в деятельности общественных организаций остается низкой.

Изменения в структурах занятости, разгосударствление социальных услуг закономерно привели в гражданский сектор образованных, предприимчивых и харизматичных женщин-лидеров, для которых третий сектор стал основой самосохранения и человеческого достоинства, самореализации и выработки альтернативных инновационных подходов в решении актуальных социальных задач.

Кадровый ресурс общественных организаций испытывает дефицит, в публичном пространстве идет дискуссия о возникновении новых профессий, в том числе феминизированных, например «менеджер НКО». Получают развитие различные общественные и государственные образовательные проекты для повышения квалификации общественников, работающих в сфере рынка социальных услуг.

Соблюдение баланса интересов полов как равноправных имеет огромный социальный ресурс для экономического развития России, что в условиях изменчивого непредсказуемого мира определяет поиск реальных механизмов и инструментов приоритетности этических и социальных ценностей, устойчивого развития в противовес действующей парадигме экономического роста и безудержной погони за прибылью.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерное гражданство, активность и изменение гендерного порядка // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.: РАПН: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. С. 230—243.
- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 4. С. 3—13.
- Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология.* 2002. Т. 3, № 5. С. 60—74.
- Гендерные страницы: сборник статей / сост. Ж. Караганова. М.: Дызарт Тим, 2015. 192 с. URL: <https://ru.boell.org/ru/2015/08/19/gendernye-stranicy> (дата обращения: 20.01.2019).
- Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия: всероссийский опрос населения / Ин-т социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

- Гражданские инициативы и будущее России / под ред. М. И. Либоракиной, В. Н. Якимца. М.: Шк. культ. политики, 1997. 151 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Как живешь, интеллигенция?: социологические очерки / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. URL: http://www.socioprognoz.ru/files/File/2018/Toschenko_Intelligenza_2018_001_360_ispr2.pdf (дата обращения: 20.01.2019).
- Козлова Н. Н.* «Женский вопрос» в контексте «борьбы с Западом»: гендерный анализ социальной философии Н. Н. Страхова // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2013. № 1. С. 65—75.
- Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.
- Милованова М. Ю.* Гражданские инициативы женских общественных объединений: основные ресурсы для достижения результативности // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 102—106.
- Овчарова О. Г.* Биографический метод в гендерной политологии // Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия: материалы VI Всероссийского конгресса политологов, Москва, 22—24 ноября 2012 г. М.: РАПН, 2012. С. 356—357.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 495 с.
- Рябова Т. Б.* Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
- Сазанов В. М.* Гипотеза социального культурного ядра и его формирование. 2017. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2017/tezisi_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2019).
- Силласте Г. Г.* Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016. 640 с.
- Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В. И. Жукова. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2000. 312 с.
- Тощенко Ж. Т.* Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
- Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004. 730 с.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
- Хасбулатова О. А.* Российская государственная политика по развитию человеческого капитала: гендерный аспект // Инновационное развитие регионов в условиях глобализации. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 351—356.
- Хоткина З. А.* На пути к цифровому гендерному равенству // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 5—14.
- Шведова Н. А.* Статус женщин в США: что препятствует гендерному равенству // США и Канада: экономика — политика — культура. 2012. № 6. URL: <http://naukarus.com/status-zhenschin-v-ssha-chto-prepyatstvuet-gendernomu-ravenstvu> (дата обращения: 12.02.2019).
- Юкина И. И.* История женщин России: женское движение и феминизм, 1850—1920-е гг. СПб.: Алетейя, 2003. 232 с.

References

- Aĭvazova, S. G. (2011) Gendernoe grazhdanstvo, aktivnost' i izmenenie gendernogo poriadka [Gender citizenship, activity and gender change], in: *Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoĭ Rossii: vosproizvodstvo i transformatsiia institutsional'nogo poriadka*, Moscow: RAPN, Rossiĭskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPĖN).
- Aĭvazova, S. G. (2017) Gendernyĭ diskurs v pole konservativnoĭ politiki [Gender discourse in the field of conservative politics], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Burd'e, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital], *Ėkonomicheskaiia sotsiologiia*, no. 5, pp. 60—74.
- Fukuiama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniuu* [Trust: social virtues and the path to prosperity], Moscow: AST.
- Gendernye stranitsy: Sbornik stateĭ* (2015) [Gender pages: Article's collection], Moscow: Dizart Tim.
- Grazhdanskiĭ aktivizm: novye sub"ekty obshchestvenno-politicheskogo deĭstviia: Vserossiĭskĭiĭ opros naseleniia* [Civic activism: new actors in socio-political action: All-Russian poll], available from http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiia_24_06_2014.pdf (accessed 15.11.2018).
- Iukina, I. I. (2003) *Istoriia zhenshchin Rossii: zhenskoe dvizhenie i feminizm, 1850—1920-e gg.* [History of Russian women: women's movement and feminism, 1850—1920], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Khabermas, Iu. (2000) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deĭstvie* [Moral consciousness and communicative action], St. Petersburg: Nauka.
- Khasbulatova, O. A. (2015) Rossiĭskaia gosudarstvennaia politika po razvitiuu chelovecheskogo kapitala: gendernyĭ aspekt [Russian state policy on the development of human capital: a gender aspect], in: *Innovatsionnoe razvitie regionov v usloviakh globalizatsii*, Ivanovo: Ivanovskiĭ gosudarstvennyiĭ universitet, pp. 351—356.
- Khotkina, Z. A. (2018) Na puti k tsifrovomu gendernomu ravenstvu [Towards digital gender equality], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 5—14.
- Koulman, D. (2001) Kapital sotsial'nyiĭ i chelovecheskiĭ [Social and human capital], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 122—139.
- Kozlova, N. N. (2013) "Zhenskiĭ vopros" v kontekste «bor'by s Zapadom»: gendernyĭ analiz sotsial'noi filosofii N. N. Strakhova ["Women's issue" in the context of the "struggle with the West": a gender analysis of N. N. Strakhov's social philosophy], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Filosofii, no. 1, pp. 65—75.
- Liborakina, M. I., Iakimets, V. N. (eds) (1997) *Grazhdanskiie initsiativy i budushchee Rossii* [Civil initiatives and the future of Russia], Moscow: Shkola kul'turnoi politiki.
- Milovanova, M. Iu. (2013) Grazhdanskiie initsiativy zhenskikh obshchestvennykh ob"edinenii: osnovnye resursy dlia dostizheniia rezul'tativnosti [Civic initiatives of women's public associations: key resources for achieving effectiveness], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 102—106.
- Ovcharova, O. G. (2012) Biograficheskiĭ metod v gendernoĭ politologii [Biographical method in gender political science], in: *Rossia v global'nom mire: Instituty i strategii politicheskogo vzaimodeĭstviia*: Materialy VI Vserossiĭskogo kongressa politologov, Moskva, 22—24 noiabria 2012 g., Moscow: RAPN, pp. 356—357.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteĭia.

- Riabova, T. B. (2008) *Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoĭ rossiĭskoĭ politike* [Gender of power: gender stereotypes in modern Russian politics], Ivanovo: Ivanovskĭ gosudarstvennyi universitet.
- Sazanov, V. M. (2017) *Gipoteza sotsial'nogo kul'turnogo iadra i ego formirovanie* [The hypothesis of the social cultural core and its formation], available from https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2017/tezisi_2017.pdf (accessed 25.01.2019).
- Shvedova, N. A. (2012) Status zhenshchin v SShA: chto prepiatstvuet gendernomu ravenstvu [US women's status: what prevents gender equality], *SShA i Kanada: ėkonomika — politika — kul'tura*, no. 6, available from <http://naukarus.com/status-zhenschin-v-ssha-chto-prepyatstvuet-gendernomu-ravenstvu> (accessed 12.02.2019).
- Sillaste, G. G. (2016) *Gendermaia sotsiologiia i rossiĭskaia real'nost'* [Gender sociology and Russian reality], Moscow: Al'fa-M.
- Toshchenko, Zh. T. (2016) *Sotsiologiia zhizni* [Sociology of life], Moscow: IuNITI-DANA.
- Toshchenko, Zh. T. (ed.) (2018) *Kak zhivĕsh', intelligentsiia?: Sotsiologicheskie ocherki* [How are you, intelligentsia?: Sociological essays], Moscow: Tsentri sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015) *12 leksiĭ po gendernoĭ sotsiologii* [12 lectures on gender sociology], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeĭskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zhukov, V. I. (ed.) (2000) *Sotsial'naia politika: paradigmy i priority* [Social policy: paradigms and priorities], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo stroitel'nogo universiteta "Soiuz".

Статья поступила 14.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Милованова Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Political Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 80—87
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.7

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 80—87
ББК 60.832.1
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.7

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГЕНДЕРНАЯ
ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ В РАБОТЕ РУКОВОДИТЕЛЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ**

Е. А. Смирнов, М. В. Рослякова

Ивановский филиал, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, maros.70@mail.ru

Статья посвящена проблеме повышения управленческого ресурса руководителя в условиях постиндустриального общества. Рассматриваются существенные характеристики эмоционального интеллекта, его роль в управлении высококвалифицированным профессиональным коллективом. Обосновывается целесообразность расширения уровней эмоционального интеллекта путем добавления такого компонента, как гендерная чувствительность. Дается характеристика индикаторов гендерной чувствительности руководителя, которые позволяют прогнозировать влияние принимаемых решений на производительность труда и социальное настроение коллектива. Авторы приходят к выводу, что соединение рационального стиля управления с эмоциональным интеллектом и гендерной чувствительностью руководителя способно сформировать эффективную модель управления человеческим капиталом.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, гендерная чувствительность руководителя как компонент управленческого ресурса, гендерный подход в управлении, гуманистический подход к управлению коллективом.

**EMOTIONAL INTELLIGENCE AND GENDER SENSITIVITY
AS PART OF LEADER'S WORK: MODERN APPROACHES**

E. A. Smirnov, M. V. Roslyakova

Ivanovo Branch, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation, maros.70@mail.ru

The article deals with a problem of utilizing the leader's managerial resource in the most effective way in the post-industrial society. Here the authors review the essential features of emotional intelligence that is considered a method to effectively manage a high-quality professional team. The authors are also giving proof to the practicability of expanding emotional intelligence levels by means of adding a "gender sensitivity" component. A definition is given to the leader's gender sensitivity indicators that allow forecasting the impact of decisions

made by the leader on work performance and social sentiment within the team. The authors of the article eventually come to the conclusion that rational leadership combined with emotional intelligence and gender sensitivity might form an effective model for human capital management.

Key words: emotional intelligence, leader's gender sensitivity as a managerial resource component, gender-based leadership approach, humanistic approach to managing a team.

Время экономических и технологических перемен, цифровизация профессий, повышение роли человеческого капитала в экономических и социальных преобразованиях требуют новых форм взаимодействия между руководителями и подчиненными. На смену административным методам управления и принципу «Ничего личного — только бизнес» приходят бихевиористские подходы к управлению. В отчете Всемирного экономического форума (Давос, Швейцария, 2016 г.) «Будущее рабочих мест» прогнозируется, что к 2020 г. одним из основных навыков, желательных для большинства профессий, будет эмоциональный интеллект. Потребуется обязательное дополнение технических навыков — программирования, эксплуатации оборудования, контроля — навыками социальными [The Future of Jobs, 2016].

В современном управлении человеческий капитал рассматривается в качестве главного ресурса организации, соответственно возрастает внимание к уровню управленческого ресурса руководителя. Под управленческим ресурсом понимается способность воздействовать на организацию с целью изменения ее состояния, показателей функционирования, результатов деятельности. Источником управленческого ресурса выступает руководитель, обладающий определенными знаниями, навыками и опытом в управлении производственными процессами и человеческими ресурсами. В современной научной литературе, центрах обучения и развития крупных компаний все активнее обсуждается концепция развития у руководителей и ведущих менеджеров эмоционального интеллекта как способности налаживать эффективные социальные связи в коллективе.

Под эмоциональным интеллектом понимается совокупность некогнитивных способностей, знаний и компетентностей, дающих человеку возможность успешно справляться с жизненными ситуациями.

Р. Бар-Он выделяет пять сфер эмоционального интеллекта, в каждой из которых отмечает специфические навыки. Они включают (см.: [Савенков, 2018]):

- самопознание (осознание собственных эмоций, самоуважение, самореализация, независимость);
- навыки межличностного общения (способность устанавливать конструктивные взаимоотношения, социальная ответственность, сопереживание);
- способность к адаптации (решение проблем, оценка реальности, приспособляемость);
- умение управлять стрессовыми ситуациями (устойчивость к стрессу, контроль эмоций);
- преобладающее настроение, оптимизм.

Первые работы, посвященные эмоциональному интеллекту, появились в последней четверти XX в. П. Сэловей и Дж. Мэйер рассматривали изучаемый феномен как способность контролировать собственные эмоции, идентифицировать свои эмоции и эмоции других людей, использовать полученную информацию для определения дальнейших действий (см.: [Сергиенко, Ветрова, 2009]). Значительный вклад в изучение и популяризацию понятия эмоционального интеллекта внес Д. Гоулман [Гоулман, 2018]. Отечественные ученые в области психологии и управления человеческими ресурсами изучают развитие эмоциональной компетентности руководителя в различных профессиональных сферах: образовании, технологической сфере, политике, управлении.

Становятся популярными исследования различий в проявлении эмоционального интеллекта у руководителей-мужчин и руководителей-женщин [Щелкунова, 2001; Силиенко, Семеновских, 2018; Давыдова, 2010; Юрьева, 2018; Болдырева, 2012]. Знакомство с выводами ученых показывает, что большинство из них при анализе проявлений эмоционального интеллекта у мужчин и женщин придерживаются полоролевого подхода, заранее приписывая руководителям тот или иной стиль управления в соответствии со сложившимися в обществе гендерными стереотипами. Так, в работе Н. В. Болдыревой «Особенности управления персоналом на основе гендерных различий» отмечается, что для женщин-руководителей характерна высокая эмоциональность, мужчин-руководителей отличает применение административных мер. По мнению автора, женщины негативно воспринимают любые перемены, а в мужском коллективе наблюдается соперничество и т. д. [Болдырева, 2012]. В исследовании Н. И. Даниловой прямо указывается, что женский подход к управлению характеризуется как гуманный менеджмент, что женщины чаще мужчин включают в суждения другие точки зрения и мысли. У мужчин-руководителей эти качества не отмечаются [Данилова, 2009: 283]. В монографии М. В. Щелкуновой «Управление женским персоналом» подчеркивается, что в третьем тысячелетии следует придерживаться концепции гендерного равноправия. Однако, рассматривая специфические особенности трудовой адаптации женщин в коллективе, автор приписывает им такие психофизиологические характеристики, как эмоциональность, тревожность, обидчивость, ссылаясь на труд сторонника концепции мизогинии О. Вейнингера «Пол и характер» [Щелкунова, 2001: 76]. Известный специалист в области управления персоналом В. Р. Веснин, характеризуя специфику деловых качеств у женщин-руководителей, отмечает, что они хуже мужчин адаптируются на руководящих должностях, менее психически устойчивы, не могут приспособиться к стереотипу управления, скроенному по мужской модели, поэтому им приходится или ломать себя, или пытаться утвердить женский стиль управления [Веснин, 2013: 459—460].

Имеют ли данные рассуждения какое-либо отношение к концепции эмоционального интеллекта? Полагаем, что имеют, однако не в том ракурсе, в каком были сформулированы авторами.

Обозначим свою позицию. Подчеркивая специфические психологические качества женщин, не имеющие объективного обоснования, ученые оказываются в плену устоявшихся представлений о предназначении полов, которые оправдывают гендерную асимметрию в сфере управления. На современном рынке труда

женщины составляют 49 % профессионально занятых граждан, уровень их профессионального образования равноценен данному уровню у мужчин [Женщины и мужчины России... , 2018: 71, 97]. Вместе с тем количество женщин-руководителей распределено неравномерно по отраслям промышленности и социальной сферы. Так, среди директоров школ женщины составляют 74 % [Женщины и мужчины России... , 2014: 72], среди руководителей IT-компаний их единицы. Сложившаяся в России гендерная асимметрия в сфере управления имеет не биологические, а глубокие социальные корни, идущие из XX в.: женщины сосредоточены в менее престижных и менее оплачиваемых отраслях; общество продолжает следовать стереотипу «Действуешь как руководитель — действуй как мужчина»; государство не предпринимает эффективных мер по снятию с женщин хотя бы части семейных обязанностей, что затрудняет их карьерное продвижение. Полагаем, что противопоставление работающих мужчин и женщин по уровню эмоциональности и профессиональным качествам означает применение руководителем полоролевого подхода, основанного на гендерных стереотипах. В то же время отказ от такого противопоставления дает возможность сосредоточиться на развитии деловых и профессиональных качеств сотрудников, которые необходимы руководителю любого пола для эффективного управления.

Поскольку эмоциональный интеллект рассматривается как технология повышения эффективности управления, полагаем целесообразным добавить к компонентам, составляющим данный интеллект, гендерную чувствительность, под которой понимается способность руководителя замечать ситуации гендерного неравенства в коллективе, умение противостоять дискриминационным действиям сотрудников по признаку пола, не допускать гендерного неравенства в отношениях с подчиненными. Гендерная чувствительность руководителя и его социальные навыки общения могут способствовать эффективному управлению взаимоотношениями, развитию умения понимать состояние работающих мужчин и женщин и мотивы их поведения.

Необходимость отказа от полоролевого подхода и распространения гендерно-ориентированного стиля управления обосновывается зарубежными и отечественными учеными и практиками. Американский психолог Ш. Берн пишет, что воспитание и существующие социальные нормы поощряют проявление эмоциональности, эмпатийного поведения у женщин и подавляют эмпатийную отзывчивость у мужчин. Общество уверовало в особые качества мужчин и женщин, качества, которые обосновывают их определенные социальные роли [Берн, 2001: 102]. Известный социолог М. Киммел, анализируя процессы гендерной дискриминации на рынке труда, отмечает: «Быть компетентным, агрессивным и честолюбивым на рабочем месте значит подтверждать определенный гендер, который сообразуется с мужским гендером. А успешные женщины гендерно-несообразны и тем самым разрушают свою женскую идентичность» [Киммел, 2006: 280].

Ученых поддерживают женщины-предпринимательницы, испытавшие на себе действие гендерных стереотипов. Так, операционный директор Facebook Ш. Сэндберг пишет, что стереотипы отпугивают девушек от технических специальностей, в результате женщины редко решаются изучать дисциплины, связанные с компьютерами. Она отмечает: «Страх лежит в основе множества преград, с которыми сталкиваются женщины. Страх не понравиться. Страх сделать

неправильный выбор. Страх переоценить собственные силы. Страх критики. Страх не справиться» [Сэндберг, Сковелл, 2014: 34]. Не менее убедительно рассуждает о проблемах самореализации женщин в сфере занятости М. Гейтс, супруга известного предпринимателя Б. Гейтса, в своей книге «Момент подъема». Она отмечает, что «на рынках труда по всему миру женщин заставляют чувствовать, что они недостаточно способны или умны», а сложившиеся стереотипы не дают им понять, что «несоответствие нормам рабочей культуры — это не их вина, а культурный факт». Именно по причине гендерных предрассудков, считает М. Гейтс, женщины могут быть менее целеустремленными и неуверенными в себе. Страх столкнуться с негативной реакцией на «неспособность приспособиться к существующим гендерным нормам» отталкивает женщин от самореализации [Gates, 2019: 221—222, 231].

Известный ученый в области психологии И. С. Клецина одна из первых сформулировала определение понятия «гендерная компетентность» и обосновала его актуальность для преодоления неравенства в сфере управления. По ее мнению, понятие «гендерная компетентность» выступает характеристикой, позволяющей личности не быть субъектом и объектом ситуаций гендерного неравенства. Гендерно-компетентный руководитель владеет базовыми идеями гендерного подхода, способен анализировать и выделять ситуации гендерного неравенства и формировать партнерскую модель отношений между сотрудниками, мужчинами и женщинами [Клецина, 2007]. В учебном пособии «Гендерный подход в деятельности государственных и муниципальных служащих» под редакцией О. А. Хасбулатовой отмечается, что гендерная чувствительность должна стать неотъемлемой чертой эффективного руководителя, его способностью действовать на основе эгалитарных ценностей, уважения прав личности независимо от пола [Гендерный подход..., 2007: 90]. В монографии В. Г. Зазыкина, Е. А. Смирнова и Ю. В. Синягина все методы психологической оценки персонала, определения его личностного потенциала, мотивации деятельности рассматриваются без деления работников по половому признаку [Зазыкин и др., 2014].

Было бы неправомерно утверждать, что профессионально занятые мужчины и женщины имеют идентичные гендерные характеристики. Поскольку женщины выполняют репродуктивную функцию, нередко совмещают трудовую деятельность с семейными обязанностями, речь должна идти об учете этой специфики работающих женщин и обеспечении равных возможностей для самореализации в оплате труда, карьерном продвижении, повышении квалификации. Среди технологий решения проблемы можно выделить сохранение рабочего места женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, обеспечение при необходимости гибкого графика работы, предоставление возможности получить услуги коуча или продолжить профессиональное обучение, содействие в трудоустройстве ребенка в дошкольное учреждение и т. д.

Безусловно, изложенные соображения об использовании эмоционального интеллекта в сфере управления с позиции гендерного подхода требуют дальнейшего обоснования, поскольку проблемное поле исследований находится в стадии формирования. Обобщая сказанное, следует отметить, что результаты исследований могут быть востребованы в управленческой деятельности, а также при подготовке кадров руководителей.

Библиографический список

- Берн Ш.* Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 320 с.
- Болдырева Н. В.* Особенности управления персоналом на основе гендерных различий // Актуальные вопросы экономических наук. 2012. № 25. С. 219—223.
- Веснин В. Р.* Управление человеческими ресурсами: теория и практика: учебник. М.: Проспект, 2013. 688 с.
- Гендерный подход в деятельности государственных и муниципальных служащих: учебное пособие / под ред. О. А. Хасбулатовой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 150 с.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект: почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 535 с.
- Давыдова Ю. В.* Гендерный аспект изучения эмоционального интеллекта подростков // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 113—118.
- Данилова Н. И.* Содержание и принципы гендерного управления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 281—286.
- Женщины и мужчины России, 2014: статистический сборник / Росстат. М., 2014. 217 с.
- Женщины и мужчины России, 2018: статистический сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.
- Зазыкин В. Г., Смирнов Е. А., Синягин Ю. В.* Оценка персонала современной организации. Иваново: Иваново, 2014. 224 с.
- Киммел М.* Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
- Клецина И. С.* Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. С. 60—65.
- Савенков А. И.* Структура социального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 2. С. 7—15.
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера — Сэловея — Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования. 2009. № 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.10.2019).
- Силиенко А. В., Семеновских Т. В.* Гендерные особенности эмоционального интеллекта в юношеском возрасте // Актуальные проблемы психолого-педагогического образования. Сургут, 2018. С. 37—41.
- Сэндберг Ш., Сквелл Н.* Не бойся действовать: женщина, работа и воля к лидерству: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2014. 284 с.
- Щелкунова М. В.* Управление женским персоналом. М.: МЗ-Пресс, 2001. 224 с.
- Юрьева О. В.* Гендерные различия в проявлении эмоционального интеллекта // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии: компетентностный подход. 2018. Т. 1. С. 277—281.
- Gates M.* The Moment of Lift. New York: Flatiron Books, 2019. 273 p.
- The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution: Report / WEF. 2016. January. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (дата обращения: 30.02.2019).

References

- Bern, Sh. (2001) *Gendernaia psikhologiya* [Gender psychology], St. Petersburg: Praïm-Evroznak.
- Boldyreva, N. V. (2012) Osobennosti upravleniia personalom na osnove gendernykh razlichii [Features of personnel management based on gender differences], *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*, no. 25, pp. 219—223.
- Danilova, N. I. (2009) Soderzhanie i printsipy gendernogo upravleniia [Content and principles of gender management], *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 99, pp. 281—286.
- Davydova, Iu. V. (2010) Gendernyi aspekt izucheniia emotsional'nogo intellekta podrostkov [The gender aspect of the study of emotional intelligence of adolescents], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriia Psikhologiya i pedagogika*, no. 4, pp. 113—118.
- Gates, M. (2019) *The Moment of Lift*, New York: Flatiron Books.
- Goulman, D. (2018) *Emotsional'nyi intellekt: Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intellect: Why can it mean more than IQ], Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Iur'eva, O. V. (2018) Gendernye razlichii v proiavlennii emotsional'nogo intellekta [Gender differences in the manifestation of emotional intelligence], *Formirovanie gumanitarnoi sredi v vuze: Innovatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii: kompetentnostnyi podkhod*, no. 1, pp. 277—281.
- Khasbulatova, O. A. (ed.) (2007) *Gendernyi podkhod v deiatel'nosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh: Uchebnoe posobie* [Gender approach in the activities of state and municipal employees: Manual], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kimmel, M. (2006) *Gendernoe obshchestvo* [Gender society], Moscow: ROSSPĖN.
- Kletsina, I. S. (2007) Razvitie gendernoï kompetentnosti gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh v protsesse gendernogo obrazovaniia [Development of gender competence of state and municipal employees in the process of gender education], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 60—65.
- Savenkov, A. I. (2018) Struktura sotsial'nogo intellekta [The structure of social intelligence], *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya*, vol. 7, no. 2, pp. 7—15.
- Sëndberg, Sh. (2014) *Ne boisia deïstvovat': Zhenshchina, rabota i volia k liderstvu* [Do not be afraid to act: Woman, work and the will to lead], Moscow: Al'pina Publisher.
- Shchelkunova, M. V. (2001) *Upravlenie zhenskimi personalom* [Female staff management], Moscow: MZ-Press.
- Silienko, A. V., Semenovskikh, T. V. (2018) Gendernye osobennosti emotsional'nogo intellekta v iunosheskom vozraste [Gender characteristics of emotional intelligence in adolescence], in: *Aktual'nye problemy psikhologo-pedagogicheskogo obrazovaniia*, Surgut, pp. 37—41.
- The Future of Jobs: Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution: Report*, WEF, January 2016, available from http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (accessed 30.02.2019).
- Vesnina, V. R. (2013) *Upravlenie chelovecheskimi resursami: Teoriia i praktika: Uchebnik* [Human Resource Management: Theory and Practice: Textbook], Moscow: Prospekt.
- Zazykin, V. G., Smirnov, E. A., Siniagin, Iu. V. (2014) *Otsenka personala sovremennoi organizatsii* [Assessment of the staff of a modern organization], Ivanovo: Ivanovo.

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2014: Statisticheskii sbornik (2014) [Women and men of Russia, 2014: Statistical digest], Moscow: Rosstat.

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2018: Statisticheskii sbornik (2018) [Women and men of Russia, 2018: Statistical digest], Moscow: Rosstat.

Статья поступила 02.08.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнов Евгений Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории управления, директор, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, smirnov@ranepa.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Management Theory, Director, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation).

Рослякова Марина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново, Россия, maros.70@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Management Theory, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 88—99
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.8

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 88—99
ББК 60.561.8
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.8

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

В. А. Малахов^{a, b}

^a Российский научно-исследовательский институт экономики, политики
и права в научно-технической сфере,
г. Москва, Россия, malahov@tiep.ru

^b Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

Рассматривается гендерный аспект международной академической мобильности российских ученых. На основе анализа библиометрических данных системы Web of Science за 2008—2017 гг. выявлено более 3 тыс. российских ученых, участвующих в международной циркуляции научных кадров. Полученная база данных анализируется на предмет соотношения мужчин и женщин среди российских исследователей, работающих за рубежом. Проведен компаративный анализ по различным отраслям науки и странам. Результаты анализа показали слабое участие женщин в международной академической мобильности по сравнению с мужчинами. Это объясняется повышенными семейными обязательствами женщин, а также недостаточным количеством женщин-ученых в STEM-дисциплинах, российские представители которых наиболее востребованы на международном рынке труда. Сделан вывод о необходимости совершенствования программ поддержки международной академической мобильности, а также создания механизмов поощрения женщин-ученых.

Ключевые слова: международная академическая мобильность, циркуляция научных кадров, миграция, библиометрический анализ, гендерное неравенство.

© Малахов В. А., 2019

Публикация подготовлена в рамках государственного задания РИЭПП «Исследование численности российской научной диаспоры и оценка результатов использования ее потенциала для развития российской науки и ее международной коммуникации» (проект № 26.13341.2019/13.1).

GENDER ASPECT OF INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY OF RUSSIAN SCIENTISTS

V. A. Malakhov^{a, b}

^a Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology,
Moscow, Russian Federation, malahov@riep.ru

^b S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

This paper examines to what extent the participation of Russian researchers in international academic mobility vary by gender. Based on the analysis of bibliometric data of the Web of Science system (2008—2017) we identified more than 3000 Russian researchers participating in the international scientific migration. This includes both researchers permanently working abroad and scientists working outside of Russia temporarily. All scientists were sorted by their science research focus and the country of residence (permanent or temporal). A gender analysis was carried out for the resulting database. The results of the analysis showed that academic world of female scientists is less international than that of their male colleagues. Women are especially underrepresented in STEM disciplines, but even in the social sciences and humanities the share of women among researchers working abroad is less than among scientists who have stayed in Russia. The low level of participation of women in international academic mobility is due to the asymmetric distribution of family obligations at later career stages, as well as the low representation of women researchers in STEM disciplines, and it is Russian STEM-researchers (especially physics and mathematics) who are most in demand on the international labor market. The paper argues that it is necessary to improve support programs for international academic mobility, as well as create mechanisms aimed at encouraging women to pursue academic careers.

Key words: international academic mobility, circulation of academics, migration, bibliometric analysis, gender inequality.

Постановка проблемы и анализ литературы

В последние годы проблема гендерного неравенства в академической среде привлекает все большее внимание исследователей. Не секрет, что женщины меньше мужчин представлены в научных и технологических профессиях. Особенно значительный гендерный дисбаланс традиционно наблюдается в STEM-дисциплинах [Beede et al., 2011; Савостина и др., 2017]. Развитие неравенства начинается со школьного возраста, на каждом последующем жизненном этапе (вуз, научная работа) разрыв только растет [Савинская, Мхитарян, 2018]. Несмотря на желание в прошлом некоторых ученых объяснить данное явление биологическими особенностями и лучшей предрасположенностью мужского мозга к математике и точным наукам [Stanley, Benbow, 1980], современные исследования опровергают подобную точку зрения. Так, например, анализ результатов образовательного мониторинга TIMSS показывает, что гендерные различия в успеваемости по математике и точным наукам имеют случайный характер, не являются постоянными и разнятся от страны к стране. Более того, в отдельные временные периоды они могут отсутствовать или изменяться на противоположные

[Дрозд, 2008]. На появление гендерного дисбаланса в науке влияет не столько биология, сколько целый комплекс культурных и социальных факторов: устоявшиеся в обществе стереотипы, образовательная система, содержание учебников и дидактических материалов, методы обучения и т. д. Именно существование различных социальных и культурных барьеров ограничивает женщин в выборе научных профессий. Подобная ситуация не только является социально несправедливой, но и оказывает негативное влияние на науки в целом. Искусственные барьеры, создаваемые перед женской половиной нашего общества, препятствуют реализации их творческого и научного потенциала и тем самым тормозят развитие всего социума.

Российские реалии преподавания точных наук женщинам и факторы, влияющие на выбор девушками технических профессий, были проанализированы в последние годы в ряде работ отечественных исследователей [Хасбулатова, 2016; Савинская, Мхитарян, 2018; Штылева, 2018]. За рубежом проблема гендерного неравенства в науке также активно разрабатывается. Как правило, исследователей интересуют вопросы, связанные с представленностью женщин в STEM-профессиях в разных странах [Stoet, Geary, 2018], с разницей в карьерных траекториях ученых — мужчин и женщин, в их зарплатах [Ginther, Kahn, 2006; Aanerud et al., 2007], в публикационной активности [Loeb, 2006], с участием мужчин и женщин в международных научных коллаборациях [Abramo et al., 2013; Fox et al., 2017], с влиянием семьи и наличия детей на карьеру женщин-ученых [Ward, Wolf-Wendel, 2004].

Намного меньше внимания уделялось проблемам, связанным с транснациональной академической мобильностью женщин. Во второй половине XX в. международная циркуляция научных кадров интенсифицировалась настолько, что сейчас для многих отраслей науки опыт работы за рубежом становится чуть ли не обязательным требованием для успешной академической карьеры [Ackers, Gill, 2009]. О позитивном влиянии международной академической мобильности на публикационную активность ученых, их цитируемость и участие в международных научных коллаборациях свидетельствует целый ряд исследований [Jonkers, Tijssen, 2008; Fernandez-Zubieta et al., 2015; Petersen, 2018]. Сама циркуляция научных кадров в современной науке все чаще рассматривается не как безусловно вредная для страны-донора «утечка мозгов», а как взаимовыгодный процесс для страны-реципиента и страны, откуда ученые выезжают: диаспора способствует установлению международных научных связей, созданию коллабораций и транснациональному трансферу знаний [Jons, 2009; Wang, 2015]. Поэтому особенно странно, что гендерный аспект этой проблемы остался в значительной степени незамеченным. В определенной мере участие женщин в международной академической мобильности было исследовано на примере ученых, работавших в Германии в 1980—2000-х гг. на временной основе [Jons, 2011]. Рассматривалось влияние наличия семьи у ученых-женщин на их международную мобильность — на примере Швейцарии [Leemann, 2010]. Вызывало также интерес влияние государственной политики тех или иных стран на степень участия женщин в международной циркуляции научных кадров [Zippel, 2011].

В России подобных исследований до сих пор не проводилось. Очевидно, что для динамичного научно-технологического развития страны необходимо

использование потенциала всего населения России, как мужчин, так и женщин. Для лучшего же понимания ситуации с гендерным неравенством в российской науке просто необходимо знать не только степень представленности женщин-исследователей среди российских ученых, но и уровень их международной академической мобильности, который является косвенным показателем успешности их академической карьеры и интегрированности их исследований в международную науку. Эти данные могут быть полезны в том числе для формулирования предложений по совершенствованию государственных программ поощрения женщин-ученых и инноваторов. Между тем на сегодня в России нет объективных и своевременных источников статистической информации, дающих полную картину о миграционных потоках ученых. К сожалению, такие источники, как Росстат и Федеральная система мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (ФСМНО), не могут считаться достоверными: Росстат — из-за особенностей миграционного учета, ФСМНО — из-за несовершенного механизма верификации отчетных форм [Юревич и др., 2017]. Кроме того, ни один из этих источников не дает информации о гендерной принадлежности мигрировавших ученых.

Зарубежные механизмы учета научной миграции также нельзя назвать достаточно надежными, поэтому в последние годы популярным становится библиометрический анализ передвижений научных кадров. Этот метод позволяет отследить перемещения ученого на основе информации таких баз данных, как Scopus или Web of Science (WoS). Среди исследований, основанных на библиометрическом анализе, выделяются ежегодные доклады Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о науке, технологиях и промышленности, в которых с недавних пор отслеживается движение научных кадров между странами по данным Scopus [OECD, 2017]. В России этот метод также применялся для определения наиболее востребованных среди российских исследователей стран для работы за рубежом [Markova et al., 2016].

В нашей статье впервые соединены гендерный и библиометрический подходы для выявления российских ученых, мигрировавших за рубеж, и анализа — по различным странам и научным дисциплинам — уровня международной академической мобильности российских женщин-ученых.

Методы исследования и описание исходной выборки

В исследовании применялся комплексный подход, анализировалось несколько массивов данных, дополняющих друг друга. Информация о соотношении мужчин и женщин в российской науке была почерпнута из статистики Росстата [Женщины и мужчины России, 2016: 2016].

Для выявления российских ученых, мигрировавших за рубеж, использовался библиометрический анализ. Сначала с помощью базы данных WoS была составлена исходная выборка статей за 2008—2017 гг., в которых указано не более одного автора. Публикации за более ранний период не вошли в выборку, так как в подавляющем большинстве случаев WoS не отображает индивидуальные аффилиации для публикаций до 2008 г. Затем были отобраны авторы, указавшие

за названный период хотя бы две аффилиации: одну — российскую, другую — с иностранным университетом или научной организацией. Кроме того, отбирались статьи с двумя авторами, опубликованные в соавторстве с российскими исследователями. Как правило, мигрировавшие за рубеж ученые сохраняют рабочие связи с оставшимися в России коллегами и продолжают издавать с ними совместные научные работы. Предполагалось, что соавтор, имеющий русскую фамилию (с окончанием на *-ин*, *-ов* и др.) и аффилиацию с зарубежной организацией, — представитель российской научной диаспоры. Таким образом, были выявлены российские исследователи, участвующие в международной циркуляции научных кадров (как эмигрировавшие за рубеж навсегда, так и работавшие за границей на временной основе). Стоит оговориться, что, несмотря на удаление из получившегося списка большинства авторов с иностранными фамилиями, в выборку могло попасть некоторое количество иностранцев, имевших в указанный период аффилиацию с российскими вузами и научными учреждениями (в основном представители стран постсоветского пространства), которых мы также относим к категории «российские ученые».

Основным недостатком такого подхода является ограниченность, а иногда и неточность библиографической информации, представленной в базах данных. Например, не всегда имеется возможность достоверно разделить публикации авторов, имеющих идентичные фамилии, имена и отчества. Различные варианты транслитерации фамилий также создают условия для не вполне точного подсчета авторов. Эту проблему призван решить уникальный внутренний идентификационный номер исследователя, но не все российские авторы в системе WoS имеют подобный признак. В то же время, по сравнению с другими способами выявления представителей научной диаспоры (поиск в открытых источниках, например в базах данных ассоциаций мигрировавших соотечественников), библиометрический анализ позволяет охватить максимально большую выборку российских ученых, участвующих в международной академической мобильности.

В сформированную по итогам библиометрического поиска базу данных попало более 3 тыс. ученых. Среди них как исследователи, давно уехавшие из России и практически не поддерживающие связи с родиной, так и ученые, работавшие за рубежом лишь на временной основе. Мы употребляем термины «международная академическая мобильность», «международная циркуляция научных кадров» и «международная миграция ученых» как взаимозаменяемые и применяем их ко всем исследователям, независимо от того, уехали ли они навсегда или работали за рубежом временно.

Все выявленные ученые были разделены по гендерному признаку; в случае, если определение пола автора по фамилии и имени было затруднительно, информация искалась в открытых источниках. После этого список был рассмотрен на предмет сортировки научных дисциплин и стран, в которых работали ученые, затем был проведен компаративный анализ полученных групп. В ситуациях, когда информация о статьях содержала несколько дисциплинарных классификаторов WoS, учитывался лишь первый из них; в ситуациях, когда аффилиация автора менялась (указывались разные иностранные учреждения), выбиралась последняя аффилиация. Все научные дисциплины были сгруппированы по предложенной на сайте WoS методологии [GIPP Mapping Table, 2018],

которая содержит 6 широких областей науки, при этом область «Клинические, доклинические и науки о здоровье» («Clinical, Pre-Clinical & Health Sciences») была объединена с областью «Науки о жизни» («Life Sciences»), а области «Физические науки» («Physical Sciences») и «Инженерные науки и технологии» («Engineering & Technology») объединены в более широкую — «STEM-дисциплины». В итоге все дисциплины были сгруппированы в 4 научные области: науки о жизни, гуманитарные науки, социальные науки, STEM-дисциплины. Отметим, что медицинские и биологические науки по данной классификации рассматривались отдельно от STEM-дисциплин и вошли в область «Науки о жизни».

Результаты исследования

По итогам анализа библиометрической информации базы данных WoS было выявлено 3030 российских ученых, участвующих в международной мобильности, из них 2591 мужчина и только 439 женщин. Таким образом, женщины составляют всего 14 % от российских ученых, работающих за рубежом. В то же время, по данным Росстата за 2016 г., удельный вес женщин в численности исследователей, работающих в России, составлял около 40 % [Женщины и мужчины России, 2016: 2016], что выше, чем в большинстве стран ОЭСР [Индикаторы науки, 2018: 2018]. Эти результаты в целом подтверждают выводы предыдущих исследований, основанных на данных из других стран, о низком уровне международной мобильности женщин-исследователей по сравнению с их коллегами мужчинами [Jons, 2011].

Чем можно объяснить столь значительный гендерный дисбаланс среди российских ученых, работающих за рубежом? Одно из возможных объяснений — большая зависимость женщин по сравнению с мужчинами от таких затрудняющих международную мобильность обстоятельств, как наличие семьи и детей. Данные о различном влиянии брака на ученых — мужчин и женщин — свидетельствуют о том, что брак чаще препятствует развитию карьеры женщин, в то же время оказывая положительное влияние на академическую карьеру мужчин [Ginther, Kahn, 2006]. Это связано с асимметрично распределенными семейными обязательствами и существующим общественным стереотипом: быть хранительницами домашнего очага и воспитывать детей — это в первую очередь обязанность женщин. Негативные последствия для их карьерного роста, связанные с семейными обстоятельствами, подчеркивают необходимость предоставления женщинам дополнительных возможностей для международной академической мобильности, несмотря на существующие барьеры.

Другим объяснением большей международной мобильности российских исследователей-мужчин могут быть культурные особенности некоторых стран, куда уезжают работать российские ученые. Например, существование определенных стереотипов и предубеждений против женщин-ученых, более высокий по сравнению с Россией уровень гендерной дискриминации в академической среде (скажем, в некоторых восточных странах). Подобные обстоятельства могут сузить поле для выбора места работы за рубежом для женщины. Существование социальных и культурных барьеров, препятствующих трудоустройству женщин в зарубежных научных учреждениях, может быть характерно не только

для определенных стран, но также и для конкретных научных дисциплин или сложившихся научных школ [Jons, 2011].

Наконец, объяснением гендерного дисбаланса в международной циркуляции научных кадров из России может быть тот факт, что на международном рынке труда традиционно наиболее востребованы российские ученые — представители точных наук (в первую очередь физики и математики). В полученном в результате библиометрического анализа списке российских ученых, работавших за рубежом, представители STEM-дисциплин составили 81 %, а именно в этих научных дисциплинах доля женщин самая низкая. Так, по данным Росстата, в 2015 г. среди выпускников российских вузов (бакалавры, специалисты и магистры), прошедших обучение по физико-математическим специальностям, женщины составляли только 40 %, в то время как среди выпускников всех специальностей — 57 %; доля женщин — выпускниц программ обучения по инженерным специальностям была еще ниже [Женщины и мужчины России, 2016: 2016]. На последующих ступенях образования доля женщин, занимающихся точными науками, только падает; так, среди аспирантов физико-математических специальностей женщин лишь 26 % [Женщины и мужчины России, 2014: 2014] (цифры за 2013 г., более поздних данных по гендерному распределению аспирантов различных отраслей науки Росстат не публиковал).

Если говорить о распределении мигрировавших российских ученых по научным дисциплинам, то, как уже было отмечено, абсолютное их большинство является представителями STEM-дисциплин (2456 человек из 3030, или 81 %), в первую очередь это авторы статей по математике и физике. Далее идут науки о жизни (12 % ученых), социальные (5 %) и гуманитарные науки (2 %). Наибольший гендерный дисбаланс наблюдается именно в самой крупной группе российских ученых — среди представителей STEM-дисциплин. Удельный вес женщин в этой категории исследователей составляет всего 12 %. Чуть лучше обстоят дела с гендерным равенством в науках о жизни (22 % женщин), социальных (30 %) и особенно гуманитарных науках (40 %). Практически во всех отраслях науки доля женщин среди мигрировавших ученых ниже, чем доля женщин среди всех работающих в России ученых. Исключение составляют эмигрировавшие представители гуманитарных наук, среди которых доля женщин равняется 40 %, что соответствует их удельному весу среди всех российских исследователей, но эта цифра все равно уступает удельному весу женщин среди представителей гуманитарных наук, оставшихся в России. Эти данные свидетельствуют о барьерах, с которыми сталкиваются женщины-исследователи, участвующие в международной академической мобильности, и эти барьеры связаны не только с асимметрично распределенными семейными обязательствами между мужчинами и женщинами, но и с трудностями, которые испытывают женщины, занимающиеся естественными науками, где преобладают мужчины.

Российские ученые выезжают, как правило, в США и развитые страны Западной Европы (табл.). Первые четыре страны в списке стран — реципиентов научной миграции из России для мужчин и женщин совпадают: США, Германия, Франция и Англия. Более 60 % эмигрировавших российских ученых работают в научных учреждениях этих стран. Затем в списке имеются некоторые

отличия для мужчин и женщин, наиболее заметное из которых — крайне низкая доля женщин среди российских исследователей, уехавших в Израиль (около 7 %). В Польше и Швеции доля женщин, наоборот, выше среднего (почти 20 %). Азиатские страны, даже такие развитые, как Япония или Южная Корея, в качестве места работы выбирает сравнительно небольшое число российских исследователей: в Японию переехало 47 ученых, в Китай — 34, в Южную Корею — 19. Это можно объяснить культурными барьерами и трудностями интеграции в восточном обществе для многих россиян. При этом, если говорить о Китае, доля женщин среди переехавших туда российских ученых крайне мала — 2 из 34 человек, что также можно объяснить определенными культурными особенностями страны.

**Распределение российских ученых,
участвующих в международной циркуляции научных кадров,
по гендеру и странам, в которые они эмигрировали, чел.**

Страна	Женщины	Мужчины	Всего
США	93	619	712
Германия	80	499	579
Франция	43	239	282
Англия	34	219	253
Швейцария	11	67	79
Италия	8	70	78
Финляндия	12	64	76
Израиль	5	65	70
Швеция	13	55	68
Польша	12	52	64
Другие страны	128	643	771

Говоря о дисциплинарной «специализации» стран, в которые переезжали российские ученые, стоит отметить, что во всех странах преобладают представители STEM-дисциплин, однако в Финляндии также относительно высока доля представителей гуманитарных и социальных наук (более 20 % работавших в этой стране). В США — высокий уровень представленности российских ученых, занимающихся науками о жизни (более 16 % имевших американскую аффилиацию).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование наглядно показало гендерный дисбаланс в уровне международной академической мобильности российских исследователей. Женщины значительно в меньшей степени по сравнению с мужчинами задействованы в международной циркуляции научных кадров и реже выезжают для работы за рубеж. Данный дисбаланс существует во всех отраслях

науки, но особенно очевиден в STEM-дисциплинах, где доля женщин составляет всего 12 % среди российских ученых, уехавших работать за границу. Этому может быть несколько объяснений:

1) асимметрично распределяемые семейные обязательства, являющиеся более существенным барьером для развития научной карьеры женщин и их участия в академической мобильности;

2) большая востребованность на международном рынке труда российских физиков и математиков, среди которых традиционно преобладают мужчины;

3) культурные особенности некоторых стран, которые могут стать препятствием для переезда в них российских ученых-женщин (например, в страны, где проблема гендерного неравенства стоит острее, чем в России).

Для преодоления отмеченного неравенства необходимо создание механизмов поощрения и мотивации женщин заниматься академической карьерой, а также усовершенствование программ поддержки международной академической мобильности. Один из возможных путей решения проблемы — более продуманная политика поддержки исследователей с семьями и детьми. Более комфортные условия для женщин, участвующих в международной академической мобильности, могут создаваться как принимающей стороной (предоставление жилья, помощь с устройством детей в детский сад, школу и пр.), так и страной, откуда ученый уезжает. Например, в Финляндии родители, работающие за рубежом, получают повышенные пособия для детей, так как за границей они не всегда могут воспользоваться бесплатными услугами, предоставляемыми всем финским детям (бесплатный детский сад, школьное образование и др.) [Zippel, 2011]. Поддержка академической мобильности должна также дополняться мерами, направленными на борьбу с устоявшимся в обществе стереотипом о том, что наука (особенно STEM) — это не женское занятие. Сегодня в данном направлении движутся многие государства мира. Так, например, в США и Евросоюзе на государственном уровне принимаются законы, поощряющие женщин заниматься техническими науками и инженерными разработками в промышленности.

К результатам исследования можно также отнести то, что использованный нами библиометрический анализ доказал свою эффективность и может быть применен для дальнейших гендерных исследований, посвященных участию женщин в научной деятельности. В частности, метод может быть использован для сравнения степени вовлеченности женщин и мужчин в международные научные коллаборации.

Библиографический список

- Дрозд В. Л. Гендерные различия в усвоении математики: реальность или иллюзия? // Дидактика математики: проблемы и исследования. 2008. № 29. С. 116—125.
- Женщины и мужчины России, 2014: статистический сборник. М.: Росстат, 2014. 217 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_50/Main.htm (дата обращения: 10.10.2018).
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник. М.: Росстат, 2016. 208 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/wo-man16.pdf (дата обращения: 10.10.2018).
- Индикаторы науки, 2018: статистический сборник / под ред. Л. М. Гохберга и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 320 с.

- Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 34—48.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. STEM: профессиональные траектории молодежи: (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 33—44.
- Штылева Л. В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 49—66.
- Юревич М. А., Малахов В. А., Аушкан Д. С. Плюрализм оценок миграционных потоков научных кадров в России // *Наука. Инновации. Образование*. 2017. № 4. С. 116—124.
- Aanerud R. et al. Widening the lens on gender and tenure: looking beyond the academic labor market // *NWSA Journal*. 2007. Vol. 19, № 3. P. 105—123.
- Abramo G., D'Angelo C. A., Murgia G. Gender differences in research collaboration // *Journal of Informetrics*. 2013. Vol. 7, № 4. P. 811—822.
- Ackers L., Gill B. *Moving People and Knowledge: Scientific Mobility in an Enlarging European Union*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. 288 p.
- Beede D. N. et al. Women in STEM: a gender gap to innovation // *Economics and Statistics Administration. Issue Brief Ser.* 2011. № 04-11. URL: <https://ssrn.com/abstract=1964782> (дата обращения: 10.10.2018).
- Fernandez-Zubieta A., Geuna A., Lawson C. *Mobility and productivity of research scientists // Global Mobility of Research Scientists: the Economics of Who Goes Where and Why*. London: Academic Press, 2015. P. 105—131.
- Fox M. F. et al. International research collaboration among women engineers: frequency and perceived barriers, by regions // *The Journal of Technology Transfer*. 2017. Vol. 42, № 6. P. 1292—1306.
- Ginther D. K., Kahn S. Does science promote women? Evidence from academia 1973—2001 // *NBER Working Paper*. 2006. № 12 691. URL: <http://www.nber.org/papers/w12691> (дата обращения: 10.10.2018).
- GIIP Mapping Table. 2018. URL: <http://ipscience-help.thomsonreuters.com/inCites2Live/indicatorsGroup/aboutHandbook/appendix/mappingTable.html> (дата обращения: 01.06.2018).
- Jonkers K., Tijssen R. Chinese researchers returning home: impacts of international mobility on research collaboration and scientific productivity // *Scientometrics*. 2008. Vol. 77, № 2. P. 309—333.
- Jons H. «Brain circulation» and transnational knowledge networks: studying long-term effects of academic mobility to Germany, 1954—2000 // *Global Networks*. 2009. Vol. 9, № 3. P. 315—338.
- Jons H. Transnational academic mobility and gender // *Globalisation, Societies and Education*. 2011. Vol. 9, № 2. P. 183—209.
- Leemann R. J. Gender inequalities in transnational academic mobility and the ideal type of academic entrepreneur // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 2010. Vol. 31, № 5. P. 605—625.
- Loeb J. W. The status of female faculty in the U. S.: thirty-five years with equal opportunity legislation // *Management Revue*. 2006. Vol. 17, № 2. P. 157—180.
- Markova Y. V., Shmatko N. A., Katchanov Y. L. Synchronous international scientific mobility in the space of affiliations: evidence from Russia // *SpringerPlus*. 2016. № 5. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40064-016-2127-3> (дата обращения: 10.10.2018).

- OECD. Science Technology and Industry Scoreboard 2017: the Digital Transformation. Paris: OECD Publishing, 2017. URL: <http://www.oecd.org/sti/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard-20725345.htm> (дата обращения: 01.06.2018).
- Petersen A. M. Multiscale impact of researcher mobility // *Journal of the Royal Society Interface*. 2018. Vol. 15, iss. 146. URL: <http://rsif.royalsocietypublishing.org/content/15/146/20180580> (дата обращения: 10.10.2018).
- Stanley J., Benbow C. Sex differences in mathematical ability: fact or artifact? // *Science*. 1980. Vol. 210, iss. 4475. P. 1262—1264.
- Stoet G., Geary D. C. The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education // *Psychological Science*. 2018. Vol. 29, № 4. P. 581—593.
- Wang D. Activating cross-border brokerage: interorganizational knowledge transfer through skilled return migration // *Administrative Science Quarterly*. 2015. Vol. 60, № 1. P. 133—176.
- Ward K., Wolf-Wendel L. Academic motherhood: managing complex roles in research universities // *The Review of Higher Education*. 2004. Vol. 27, № 2. P. 233—257.
- Zippel K. How gender neutral are state policies on science and international mobility of academics? // *Sociologica*. 2011. Vol. 5, № 1. P. 1—17.

References

- Aanerud, R. et al. (2007) Widening the lens on gender and tenure: Looking beyond the academic labor market, *NWSA Journal*, vol. 19, no. 3, pp. 105—123.
- Abramo, G., D'Angelo, C. A., Murgia, G. (2013) Gender differences in research collaboration, *Journal of Informetrics*, vol. 7, no. 4, pp. 811—822.
- Ackers, L., Gill, B. (2009) *Moving People and Knowledge: Scientific Mobility in an Enlarging European Union*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Drozd, V. L. (2008) Gendernye razlichii v usvoenii matematiki: real'nost' ili illiuziia? [Gender differences in mastering mathematics: reality or illusion?], *Didaktika matematiki: problemy i issledovaniia*, no. 29, pp. 116—125.
- Fernandez-Zubieta, A., Geuna, A., Lawson, C. (2015) Mobility and productivity of research scientists, in: *Global Mobility of Research Scientists: The Economics of Who Goes Where and Why*, London: Academic Press, pp. 105—131.
- Fox, M. F., et al. (2017) International research collaboration among women engineers: frequency and perceived barriers, by regions, *The Journal of Technology Transfer*, vol. 42, no. 6, pp. 1292—1306.
- Gokhberg, L. M., et al. (eds) (2018) *Indikator nauki, 2018: statisticheskiĭ sbornik* [Science indicators, 2018: Statistical digest], Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skiĭ universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki".
- Iurevich, M. A., Malakhov, V. A., Aushkap, D. S. (2017) Pliuralizm otsenok migratsionnykh potokov nauchnykh kadrov v Rossii [Pluralism of estimates of migration flows of scientific personnel in Russia], *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, no. 4, pp. 116—124.
- Jonkers, K., Tijssen, R. (2008) Chinese researchers returning home: Impacts of international mobility on research collaboration and scientific productivity, *Scientometrics*, vol. 77, no. 2, pp. 309—333.
- Jons, H. (2009) "Brain circulation" and transnational knowledge networks: studying long-term effects of academic mobility to Germany, 1954—2000, *Global Networks*, vol. 9, no. 3, pp. 315—338.
- Jons, H. (2011) Transnational academic mobility and gender, *Globalisation, Societies and Education*, vol. 9, no. 2, pp. 183—209.

- Leemann, R. J. (2010) Gender inequalities in transnational academic mobility and the ideal type of academic entrepreneur, *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, vol. 31, no. 5, pp. 605—625.
- Loeb, J. W. (2006) The status of female faculty in the U. S.: Thirty-five years with equal opportunity legislation, *Management Revue*, vol. 17, no. 2, pp. 157—180.
- Markova, Y. V., Shmatko, N. A., Katchanov, Y. L. (2016) Synchronous international scientific mobility in the space of affiliations: evidence from Russia, *SpringerPlus*, no. 5, available from <https://link.springer.com/article/10.1186/s40064-016-2127-3> (accessed 10.10.2018).
- Petersen, A. M. (2018) Multiscale impact of researcher mobility, *Journal of the Royal Society Interface*, vol. 15, iss. 146, available from <http://rsif.royalsocietypublishing.org/content/15/146/20180580> (accessed 10.10.2018).
- Savinskaia, O. B., Mkhitarian, T. A. (2018) Tekhnicheskie distsipliny (STEM) kak devichii professional'nyi vybor: dostizheniia, samootsenka i skrytyi uchebnyi plan [Technical disciplines (STEM) as a girl's professional choice: achievements, self-esteem and a hidden curriculum], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 34—48.
- Savostina, E. A., Smirnova, I. N., Khasbulatova, O. A. (2017) STEM: professional'nye traektorii molodezhi: (Gendernyi aspekt) [STEM: professional trajectories of youth: (Gender aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 33—44.
- Shtyleva, L. V. (2018) Gendernyi komponent pedagogicheskoi kul'tury i problema orientatsii devochek na STEM-obrazovanie i STEM-professii [The gender component of pedagogical culture and the problem of orientation of girls to STEM-education and STEM-profession], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 49—66.
- Stanley, J., Benbow, C. (1980) Sex differences in mathematical ability: fact or artifact?, *Science*, vol. 210, iss. 4475, pp. 1262—1264.
- Stoet, G., Geary, D. C. (2018) The gender-equality paradox in science, technology, engineering, and mathematics education, *Psychological Science*, vol. 29, no. 4, pp. 581—593.
- Wang, D. (2015) Activating cross-border brokerage: Interorganizational knowledge transfer through skilled return migration, *Administrative Science Quarterly*, vol. 60, no. 1, pp. 133—176.
- Ward, K., Wolf-Wendel, L. (2004) Academic motherhood: Managing complex roles in research universities, *The Review of Higher Education*, vol. 27, no. 2, pp. 233—257.
- Zippel, K. (2011) How gender neutral are state policies on science and international mobility of academics?, *Sociologica*, vol. 5, no. 1, pp. 1—17.

Статья поступила 11.11.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Малахов Вадим Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, г. Москва, Россия; кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия; malahov@rier.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Moscow, Russian Federation; Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 100—112
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.9

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 100—112
ББК 63.3(2)4-7
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.9

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ПРОСВЕЩЕНИЮ

Е. А. Овчинникова^а, С. А. Троицкий^{а, б, с}

^а Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, ovchinnikovaea@mail.ru

^б Институт философии человека,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

^с Социологический институт (филиал),
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

Исследуется процесс трансформации представлений о гендерной идентичности на материале русской культуры XVI — начала XVIII в. Основной целью работы является анализ и описание различий в представлении о половозрастных характеристиках, а также анализ процесса становления женского дискурса как самостоятельного. По мнению авторов, идентификация мужчины и женщины с точки зрения принадлежности дому (роду, семье) как целому, характерная для традиционной культуры, предполагает не самостоятельную гендерную идентичность, а только функциональную. В начале XVIII в. происходит полное переформатирование культурной сферы, и можно говорить о самостоятельном женском дискурсе, как, впрочем, и мужском. Во второй половине XVIII в. мужчина и женщина уже воспринимаются отдельно, хотя, например, для М. Щербатова это результат «повреждения нравов».

Ключевые слова: гендерная идентичность, русская культура, культурный дискурс, женщина, мужчина, «Домострой», женский дискурс.

© Овчинникова Е. А., Троицкий С. А., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-00442-ОГН-А «Терминологический аппарат и методология исследования зон культурного отчуждения».

**GENDER IDENTIFICATION
IN THE RUSSIAN CULTURAL DISCOURSE:
FROM THE MIDDLE AGES TO ENLIGHTENMENT**

E. A. Ovchinnikova^a, S. A. Troitskiy^{a, b, c}

^a Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation, ovchinnikovaea@mail.ru

^b Institute of Human Philosophy,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

^c Sociological Institute (Branch), Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The article examines the process of transformation of ideas about gender identity on the material of Russian culture of XVI c. and the beginning of the XVIII c. The main goal of the work is the analysis and description of differences in the concept of gender and age characteristics, as well as the description and analysis of the process of the formation of female discourse as independent. According to the authors of the study, the identification of a man and a woman from the point of view of belonging to the home (gender, family) as a whole, which is characteristic of the traditional culture, does not imply an independent gender identity, but only a functional one. At the same time, the fixation of the functions of the wife and husband, as well as servants and children (“Domostroï”) leads to the fact that the custom acquires a normative character and, as a result, each of the functions acquires legal independence, which makes it possible, on the one hand, to transfer the structure of the home (as the relationship of functions) to other cultural phenomena (for example, the state), as A. Kurbsky does. On the other hand, the independence of individual functions, the possibility of their absence in the system, the features of such points of view are demonstrated by Ivan IV. Nevertheless, one should admit that on the whole they retain traditional semantic patterns. However, it is this approach that allows independent female images to emerge in the XVII c. embodied by the teachers of the schismatic Morozova and Urusova or princess Sophia. At the beginning of the XVIII c., a complete reformatting of the cultural sphere takes place and one can speak of an independent female discourse as well as the male one. In the second half of the XVIII c., a man and a woman were already perceived separately, although, for example, for M. Shcherbatov it was the result of “damage to morals”.

Key words: gender identity, feminine discourse, Russian culture, cultural discourse, female, male, “Domostroï”.

Традиционная форма идентичности, отражение которой можно найти в письменных источниках допетровского времени, сводится к топографическому мышлению о субъекте, т. е. субъект юридического, экономического и этического дискурса мыслится в связи с его положением в пространстве. Точнее говоря, главным показателем его существования является его представленность в пространстве. Важно понимать, что речь идет не о телесности субъекта, вернее, телесность выступает как маркер субъекта, но не исчерпывает его идентичности. В текстах субъект предстает как «двор» или «дом». Это коллективный субъект,

включающий в себя не только мужчину/главу/отца, но и остальных домочадцев, к которым относятся мать/советник/женщина, слуги и дети. Сложившаяся задолго до XVI в. традиция была зафиксирована в сочинении «Домострой» протопопа Сильвестра, духовника Ивана IV. В «Домострое» четко фиксируется упорядоченность жизни средневекового человека. Домовное строение вписано в мирское и органично присутствует в духовном строе жизни. Жизнь в «Домострое» может быть представлена как строгое соблюдение чина — домовного, мирского и духовного. Эти «строения», или чины, представлены в структуре самого текста: начинается «Домострой» с духовного строения (описание духовной жизни, ее регламентации, нравственно-религиозные поучения представлены с 1-й по 15-ю главу), далее (главы с 16-й по 19-ю) речь идет о мирском строении и довольно обширный раздел (главы с 20-й по 63-ю) — о домовном строении.

Человек проживает жизнь, находясь одновременно в трех измерениях, которые составляют единое целое, выстроенное в своеобразной вертикали и патерналистском подчинении. Эта структура обеспечивает единство жизни народа, единые традиции и обряды, которые четко фиксируются в «Домострое», задавая целостность быта, формируя пространство коллективной (родовой, семейственной, церковной) идентичности. Можно допустить, что именно в период формирования идеологии московской государственности происходит становление исторически особых форм идентичности: вероисповедной — связанной с духовным строением, подданнической — с мирским строением и родовой/фамильной — с домом. По словам В. В. Колесова, «в соответствии со средневековыми представлениями Домострой в законченном виде выстраивал иерархию основных организующих форм: государство — церковь — семья, с ведущим для этой иерархии принципом единения на основе воли, понимаемой как общественная польза» [Колесов, 2007: 312].

Главная задача государя / хозяина «дома» — это устроение «дома», воспитание вверенных его попечению чад. В рамках домовного строения социальные роли и жизненные смыслы также четко обозначены. В «Домострое», как было замечено исследователями, впервые в языке появляются такие понятия, как «мужчина» и «женщина» (чин мужа и чин жены), которым соответствуют определенные социальные практики поведения и роли. У В. В. Колесова читаем: «Все новыми словами этот регламентирующий текст XVI в. разводил по смыслу прежде синкретичные термины. Муж — в прежних понятиях — и человек, и мужчина, и супруг, как и жена — и хозяйка, и женщина, и супруга. <...> Распределение понятий подчеркивается разными словами: муж — мужик — мужчина, жена — женка — женщина; эти слова постепенно становились знаками различных социальных признаков человека» [там же: 335].

Для носителей культуры было бесспорным то, о чем пишет Сильвестр, но именно проговаривание в тексте позволяет отстраниться от проговариваемого и осмыслить его, сделать объектом рационального восприятия, а вместе с тем и подвергнуть критическому восприятию.

В годы правления Ивана Грозного фактически формируется весь корпус текстов, описывающих идентификационную модель российского самодержавного государства: «Великие Минеи-Четьи» — собрание книг, «которые в Русской земле обретаются», «Степенная книга царского родословия» — историческая картина объединения всех русских земель в единое государство, «Стоглав» —

уставной сборник, регламентирующий и упорядочивающий религиозную жизнь русского общества, и «Домострой» — идеальная модель построения повседневной жизни человека, его дома и мира. Статус женщины на данном историческом этапе, ее социальные роли можно реконструировать по правовым документам эпохи, ее образ — по агиографическим текстам и художественной литературе. Однако, как отмечает Д. С. Лихачев, древнерусские писатели нечасто обращали свой взор к дочерям, женам и матерям героев русской истории [Лихачев, 1987: 73]. Не так многочисленны исследования, в которых анализируется женский характер, женский образ в древнерусской словесности. Среди них можно упомянуть дореволюционные издания — Ф. И. Буслаева [Буслаев, 1990], В. С. Иконникова [Иконников, 1874], работы современных авторов — историков, философов, литературоведов — Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева, 1989, 1996], Л. В. Солоненко [Солоненко, 2006], П. В. Снесаревского [Снесаревский, 1983], Т. В. Чумаковой [Чумакова, 2004] и др.

В данном исследовании нас интересует прежде всего дом как форма мышления о субъекте. Ю. М. Лотман писал: «Когда Иван Грозный казнил вместе с опальным боярином не только семью, но и всех его слуг, это было продиктовано не мнимой боязнью мести (как будто холоп из провинциальной вотчины мог быть опасен царю!), а представлением о том, что юридически все они составляют одно лицо с главой дома и, следовательно, казнь естественно на них распространяется. <...> То же понятие коллективной (в данном случае — родовой), а не индивидуальной личности лежит, например, в основе кровной мести, когда весь род убийцы воспринимается как юридически ответственное лицо. С. М. Соловьёв убедительно связал местничество с представлением о коллективной родовой личности: “Понятно, что при такой крепости родового союза, при такой ответственности всех членов рода один за другого, значение отдельного лица необходимо исчезало пред значением рода; одно лицо было немислимо без рода: известный Иван Петров не был мыслим как один Иван Петров, а был мыслим как только Иван Петров с братьями и племянниками. При таком слиянии лица с родом возвышалось по службе одно лицо — возвышался целый род, с понижением одного члена рода — понижался целый род”» [Лотман, 1992: 13—14].

Дом здесь выступает как частный случай рода. Он не сводится только к кровной семье, но юридически включает в себя еще и слуг, и недвижимое имущество, и скот, однако персонифицируется в личности главы семьи. Проблема ответственности свидетельствует об этом феномене как юридическом и/или этическом. Юридическая ответственность не делегируется, а концентрируется в персонифицированном доме (глава семьи), а уже он выступает как инстанция власти и ответственности для домочадцев, следовательно, его задача — наказывать за проступки. Мы можем такую схему вертикального распределения ответственности и власти увидеть в политической организации средневекового государства, в том числе и Руси. В традиционной культуре каналы распределения власти и ответственности фактически совпадают, в этом смысле юридическое совпадает с политическим (судебная система замкнута на великого князя или царя). Так же выстроена и структура дома.

Если мы обратимся к «Домострою», то структура дома описывается следующим образом: отец — мать — дети/слуги.

Эта структура исчерпывает весь состав действующих и ответственных субъектов дома. Мир мужчины предполагал присутствие в трех строениях — домовном, мирском и духовном, в которых он выполнял строго отведенные ему роли в патерналистской системе, отвечая перед миром и Богом за устройство, порядок в доме/роду/семье, порядок не только хозяйственный, но прежде всего духовный и нравственный. Отец является главой семьи, представителем дома вне его, он несет ответственность за все, что может произойти в доме и за его пределами с участием домашних. Что бы ни было, а отвечать перед Богом и царем именно ему: «Если муж сам того не делает, что в этой книге писано, и жены не учит, и слуг своих, и дом свой не по-божески ведет, и о своей душе не радеет, и людей своих правилам этим не учит, — и сам себя погубит в этой жизни и в будущей, и дом свой, и всех остальных с собою. Если же добрый муж радеет о своем спасении и жену и чад своих наставляет, как и слуг своих, всякому страху божию учит и достойной христианина жизни, как здесь написано, то он со всеми вместе во благоденствии и по-божески жизнь свою проживет и милости божией удостоится» [Домострой, 2007: 166].

Мир женщины — это прежде всего дом (за который она отвечает перед мужчиной) и духовный мир (при том, что в церкви, перед духовным отцом, перед Богом мужчина несет ответственность за дом и всех домочадцев), женщина выступает хранительницей домашнего строения (как хозяйственной стороны, так и вероисповедной). Мир женщины четко определен, очерчен, ее голос не слышен, однако говорить о «невегласии» женщины этой эпохи (используя термин Г. Шпета) будет не совсем корректно.

Мать (жена главы семьи) является советницей отца, его помощницей, на ней лежит вся забота о хозяйстве. Однако ее ответственность распространяется на то, что внутри дома (хозяйство). В данном случае называть мать правой рукой отца будет не только метафорой, но и указанием на неотделенность в этой идентификационной модели матери от отца (муж и жена — одно). Даже образ злой жены, претендующей на доминирование в семье, описанный Даниилом Заточником [Слово... , 1932], не противоречил домостроевской модели. Описывая несовпадения нормативного идеала и реальной практики, Даниил не разрушает, а скорее утверждает этот идеал. Даниил не мыслит женщину иначе, как жену, т. е. вне семьи [Романов, 2002: 256]. Женский дискурс в русском Средневековье — это дискурс мужчиной жены. «Главная цель, к какой должен был устремляться поп... это венчать и венчать» [там же: 189]. Причем в случае необходимости женщине можно пропускать службу в церкви: «А женам в церковь божью ходить как удастся — и по желанию, и советуясь с мужем» [Домострой, 2007: 148]. Церковь — публичное пространство, поэтому отец, который должен представлять дом в публичном пространстве, как раз лишен права ее не посещать.

Последним звеном являются слуги и дети, которые функционально не разделены автором «Домостроя» и, по видимости, носителями традиции: праведно жить означает — «жену наставляя», но держать «домочадцев своих не понуждением, не битьем, не тяжкою работой, а словно детей, что всегда в покое, одеты и сыты, и в теплом дому, и всегда в порядке» [там же: 138]. Представленное в «Домострое» функциональное объединение домочадцев с детьми соответствует культурной установке: дети, как и домочадцы, находятся на самой нижней

ступени интеллектуального состояния. Собственно, и само слово «домочадцы», которое изначально было синонимично слову «челядь» и означало всех, кто под крышей дома проживает, произошло как слияние слов «домашние чада». Постепенное семантическое отделение и фиксация за слугами обозначения «челядь», а обозначения «домочадцы» за — в том числе — не кровными членами семьи зафиксировали в языке перераспределение культурных функций и социальную стратификацию. Этимологически же «домочадцы» и «чада» совпадают, о чем и свидетельствует «Домострой», объединяя их в единую группу.

Такое распределение не случайно. Мы уже упомянули о факторе ответственности, который обуславливает распределение функций и место в иерархии домочадцев. В соответствии со средневековой культурной моделью обыденного сознания, тот, кто ближе к Богу, во всех отношениях лучше (умнее, честнее, отважнее и т. д.), отсюда и презумпция обладания всеми этими качествами представителями аристократии (они ближе к Богу), и отрицание возможности их наличия у социальных низов. Отсюда и отношение к ним со стороны аристократии как к детям. Отношение это полностью воспроизводит модель дома (семьи) с соответствующим распределением обязанностей, функций, требований. Поскольку отец ближе к Богу и перед ним отвечает, то и презумпция ума относится к нему, что позволяет ему «учить» (воспитывать) чад и домочадцев: «...тесная связь между родов обуздывала страсти юношей, которые, не токмо быв воспитываемы в совершенном почтении и беспрекословном повиновении к их родителям, обязаны были почитать всех старших своего рода и в них обретали строгих надзирателей своих поступков... защитников, во всяком случае» [Щербатов, 1858: 32].

Отец наставляет мать, но вместе с тем она выполняет роль советницы. Сильвестр советует «каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, по колокольному звону встав и после молитвы, мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве» [Домострой, 2007: 154]. Существуют определенные ограничения в форме воспитания. Дети и слуги, находящиеся в самом низу семейной иерархии, удалены от Бога — ответственность несут минимальную, и в этом смысле функционального различия между ними (детьми и слугами) нет. Они ответственны перед отцом и матерью и подвергаются научению, воспитанию. «Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывая детей в юности — упокоят тебя в старости твоей» [там же: 228]. Формы воспитания различаются по отношению к матери и по отношению к детям/слугам. Сильвестр рекомендует поучать жену «с любовью и примерным наставлением» [там же: 261] и только в крайнем случае с помощью физического воздействия. В то же время для детей и слуг физическое воздействие оказывается наиболее действенным способом вразумления: «Наказывая сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалея, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость... Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. <...> Так не дай ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой» [там же: 159].

Причина такого отношения к физическим наказаниям лежит в христианском противопоставлении духовного и телесного, а точнее, души и плоти. Чтобы спасти душу, нужно умертвить плоть, усмирить волю, а если этого не сделать, то плоть погубит душу (затянет в ад). Поэтому воспитание интерпретируется как практика построения души.

Итак, половозрастная идентичность сводится к представлению о своем месте в семейной иерархии (доме) как целом.

Данная модель воспроизводится в сочинениях, например, Андрея Курбского, когда он излагает свою теорию мудрых советников. Несмотря на просветительство как форму отношения к знанию, книгам, достаточно прогрессивные взгляды, его представления о государстве воспроизводят модель «Домостроя». В соответствии с ней государство состоит, как и семья, из трех частей: царь — мудрые советники — народ.

Выстроенная Иваном Грозным при непосредственном участии Андрея Курбского система государевых помощников трактуется также как «теория мудрых». Сравним с домостроевской моделью семьи: отец — мать (советник) — дети/слуги. По всем параметрам части структуры, описанной Курбским, совпадают с аналогичными в «Домострое». По мнению Курбского, такая модель была реализована в ранний период правления Ивана IV.

Царь, как и отец, несет ответственность перед Богом, только распространяется она на все, что происходит в государстве. Фигуры советников, которых Курбский называет в «Повести о государе Московском» «избранной радой», функционально совпадают с образом матери в Домострое. Существование этого слоя Курбский объясняет несовершенством человека, а царь — человек, следовательно, может ошибиться, поэтому нужен кто-то, кто может подсказать правильное решение. Решение окажется правильным потому, что в «избранную раду» входит аристократия, а она ближе к Богу, следовательно, в соответствии со средневековой презумпцией, более умная, красивая, храбрая, честная и т. п. Этих людей князь Курбский называет «сильные во Израиле» (т. е. царское окружение) [Переписка... , 1993: 119]. Народ как объект описания его функций Курбского по определенным причинам не слишком интересует.

Иван IV предлагает новое решение структуры: царь — холопы. Применительно к воеводам сказано: «...жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить» [там же: 136]. Иван Грозный выступает с критикой «теории мудрых советников»: «А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как им укажут их подданные, так и управляют. Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!» [там же: 126]. Интересно, что церковно-политическая схема XIII в., выраженная в «Слове Даниила Заточника» фразой «Женам глава мужи, а мужем князь, а князем бог» [Слово... , 1932: 59], отражающая традиционные представления и показывающая источники и инстанции ответственности, систему каналов власти, несколько в концепции Ивана Грозного не нарушается. Просто удаляется «лишний» элемент: «Пророк рече: горе дому, иже обладает жена; горе граду имже мнози обладают. Во царстве многих владение подобно женскому безумию: яко же жена не может своего хотения уставити, овогда тако, иногда же инако, тако же во царстве многих владение;

аще и крепки, аще и мудры, аще и разумны, — тот тако, а иной инако» [Переписка... , 1993: 57].

С отказом от среднего звена в структуру была привнесена биполярность, а значит, и противоположение полюсов структуры друг другу. Зачем советники, если они пекутся только о своих интересах (презумпция снимается, акцент переносится на реальное положение дел, припоминается коррумпированность и пр.), отвечать же все равно царю.

Поскольку «Бог дает власть, кому хочет» [там же: 167], по тому, насколько успешен правитель, можно судить, на чьей стороне Бог и чьи поступки он приемлет. Поводом для написания второго послания Ивана Грозного через 13 лет после первого стали военные победы русской армии в Ливонской войне и, в частности, завоевание города Вольмер (резиденция Андрея Курбского, откуда и начата была переписка). Царь указывает на поддержку его Богом, а следовательно, на то, что Бог на его стороне, и значит, Иван все делает правильно. Это дает ему повод к злопыхательству: «И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Вольмер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал» [там же].

Таким образом, создается новая модель, которая транслируется и на семью, дом. Она выстраивает вертикальную систему с заложенным в ней противопоставлением мужа остальным домочадцам, которая приводит к развалу коллективного субъекта и появлению гендерной идентификации уже при Петре I, а также к появлению нового типа мышления, во многом аналогичного рыночному, в основе которого — свободная конкуренция субъектов.

Образ женщины как части семьи, элемента коллективного субъекта, как жены не разрушает и та немногая агиографическая литература, главным действующим лицом которой оказывается женщина. Поведенческий, этический образец, демонстрируемый женщинами-святыми, вряд ли можно назвать самостоятельным. Церковный подход, декларирующий равенство перед Богом, а значит, не приемлющий, по крайней мере формально, никаких различий, в том числе гендерных и половых, с одной стороны, и монастырская практика, накладывающаяся на патриархальные устои традиционной культуры, с другой, не способствовали появлению женского дискурса, свободного от доминирования как семейного, так и церковного дискурсов.

Иван Грозный вводит практику заслуженных (а не данных по праву рождения) привилегий, которые щедро распределяются между дворянами. Такое смещение приводит к дестабилизации традиционной стратификации. Церковный раскол (XVII в.) демонстрирует конфликт между церковной стратификацией и, скажем, семейной. К XVII в. усиливается самостоятельность женщины в делах духовных — выборе веры. Достаточно вспомнить знаменитых старообрядок боярынь Ф. П. Морозову и Е. П. Урусову. Несмотря на традиционалистские установки старообрядчества, именно женщины-старообрядки (по крайней мере, знатные лидеры движения) фактически разрушают системы чинов (иерархии), поскольку перенимают чисто мужские функции (несут прямую ответственность перед государством; выступают в качестве внешних представителей коллективного субъекта, которым в данном случае является старообрядческое движение в целом; вступают в открытое противостояние «злу», свойственное культурному

герою, богатырю, святому-воину, в результате становятся объектом героизирования). Таким образом, произошедший заметный сдвиг в границах между стратами позволил, например, легитимировать возвышение царевны Софьи, подготовил основу для переформатирования всей культурной и социальной карты страт, сложившейся в результате реформ Петра I. Следствием этого стало появление самостоятельного женского дискурса. Действительно кардинально положение женщины меняет Петровская эпоха и последовавшее за ней многолетнее женское правление XVIII в.

При Петре формируется новая идентификационная модель «каждый сам за себя», коллективный субъект рассыпается. На смену ему приходит новая модель — индивидуалистская, результат влияния европейского Нового времени. В ситуации разрушения коллективных идентичностей необходимо отделиться от других социальных групп. Так, этикетный кодекс наставлений для юношества петровского времени «Юности честное зерцало» советует представителям высших сословий всегда между собою говорить на иностранных языках, «дабы тем навикнуть могли... чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать» [Алферов, Грузинский, 1907: 10]. Возникает потребность и в гендерной идентификации, как отграничении себя от Другого по причинам разницы полов. Однако восприятие женщины мужчиной становится более негативным, чем прежде.

Князь М. М. Щербатов первым отметил и описал эту тенденцию в своем памфлете «О повреждении нравов в России». Он, как традиционалист и консерватор, выступает с критикой европеизации государства как причины повреждения нравов. Однако критика касается не столько самого Петра I, который был лишен стремления к сластолюбию и роскоши, сколько его преобразований и разрушения привычной родовой идентичности. В ситуации, когда каждый человек сам за себя, появляется свободная конкуренция, победить в которой, по мнению Щербатова, можно только имея средства для того, чтобы быть заметным. Отсутствие ответственности за весь род снимает этические ограничения, а главной целью становится получение средств для победы в конкурентной борьбе: «...стали не роды почтенны, но чины и заслуги, и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые услуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможам» [Щербатов, 1858: 45].

Как следствие, стали распространяться хвастовство и соревнование в роскоши, отсюда и воровство, и подхалимаж, и коррупция.

В семейном укладе и отношении полов тоже происходят перемены. Женщина Щербатовым рассматривается как субъект ответственности наравне с мужчиной, а поскольку «женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской» [там же: 49], то и вина на нем большая. «Преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые» [там же: 48], «учинились» ассамблеи и балы, на которых женщины и мужчины стали стремиться понравиться друг другу. Такое стремление только усиливает «повреждение нравов», что, как считает Щербатов, демонстрирует весь XVIII в. Низшей же точкой падения нравов он считает правление Екатерины II, так как «мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом

камени Закона Божия», и потому как на колеблющихся светских «главностях» основана, с ними общему колебанию подвержена [там же: 97].

Одним из маркеров становится участие женщин в общественно-политической жизни России, появление женской прозы, прежде всего женского автонарратива, что было не свойственно предшествующим эпохам. Именно XVIII в. позволяет услышать женский голос, женскую историю из записок. Женщины стали получать светское образование, позволяющее им конкурировать с мужчинами в отдельных областях.

Однако следует заметить, что женщина просветительской эпохи являла собой редкое сочетание традиции и новации в сфере морали и культуры, которое позволяет взглянуть по-особому на формирование гендерного дискурса XVIII в.

При очевидном приоритете рационалистического начала, в просветительской культуре сохраняется преемственная связь с предшествующей средневековой традицией, усматривавшей основания нравственности в стремлениях души и сердца. Стремясь преодолеть противоречие между разумом и чувствами, русские писатели и мыслители обращаются к категории души, видя в ней синтез, средоточие рационального и чувственного начала в человеке. Женщина в контексте просветительских теорий предстает носителем прежде всего чувственного, природного начала, а значит, нравственного. Душа и сердце (как средоточие души) являются основанием нравственного начала в человеке, которое имеет и рациональные, и чувственные составляющие. Идея морали в русском Просвещении утверждается как рационалистически, так и при помощи «сердечных» доводов, что позволяет просветительскому сознанию сохранить идею целостного нравственного субъекта, идею, которая во многом определит своеобразие и специфику женских образов в русской художественной литературе, в культурной, нравственной, религиозной традиции. Именно женщина, с ее способностью к сердечному ведению, нравственному чувству и переживанию, будет восприниматься просветительским сознанием, а вслед за ним и всей последующей традицией русской мысли и русской литературы как носительница природно-нравственного начала, как целостная личность.

Русская женщина эпохи Просвещения — это образованная, читающая дворянка (речь идет именно о дворянстве, поскольку просветительские ценности коснулись прежде всего образованной части русского общества, едва затронув остальные социальные слои). Итогом секуляризационных процессов просветительской эпохи явилось то обстоятельство, что уже с середины XVIII в. православие перестает формировать взгляды русского дворянства, происходит «обмирщение» сознания и культуры, приоритет духовного, нравственного наставничества закрепляется за литературой и философией.

Уже к концу XVII — началу XVIII в. под воздействием секуляризационных процессов и усиливающегося влияния западноевропейской культуры меняется характер литературы, в первую очередь нравоучительной, задававшей стереотипы поведения, определявшей специфику нравственных норм и предписаний. В этот период возрастает интерес к внешним формам поведения, этикету, о чем можно судить по многочисленной переводной литературе. С развитием светской, секуляризованной культуры XVIII в. за литературой все более закрепляется функция воспитательная, учительная. Именно литература

во всем многообразии ее жанров воспитывает русскую дворянку. В поэзии, драматургии, исторических сочинениях она находит пищу для ума и примеры для подражания. Именно литература данной эпохи может служить основным источником реконструкции нравственного сознания, нравственных норм и ценностей русской женщины эпохи Просвещения. Нравоучительная литература воспитывает те необходимые устойчивые стереотипы, которые конституируют духовно-эмоциональную сферу личности, формируют целостное представление о мире, месте и предназначении человека в нем.

Русская женщина эпохи Просвещения — это не только образованная читающая дворянка. По свидетельству историка В. С. Иконникова, во второй половине XVIII в. в России насчитывалось около 70 женщин-писательниц [Иконников, 1897: 65]. XVIII в. оставил русской культуре редчайшие документы — мемуары, записки, своего рода исповеди женщин просветительской эпохи, среди них записки Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой и Н. Б. Долгоруковой (Шереметевой), и обширное эпистолярное наследие, требующее своего осмысления и включения в контекст современной культуры с целью уяснения традиций и реконструкции образа женщины эпохи русского Просвещения.

Эпоха женских правлений в России (XVIII в.), совпавшая вполне закономерно с эпохой русского Просвещения, является периодом закрепления самостоятельного женского дискурса — в рамках не семейного или церковного, а свободного от каких бы то ни было коллективных идентичностей, кроме гендерной.

Гендерный дискурс, таким образом, складывается далеко не сразу. В пространственном представлении о субъекте, в котором главным оказывается разделение функций в соответствии с половозрастными характеристиками, нет гендерного дискурса: фактически старики и дети лишены гендерной идентичности, а юридические права и обязанности напрямую связаны с функциональными и, конечно, отличаются у мужа и жены. Смерть одного из супругов означала принятие другим супругом всех функций за двоих и автоматически переформатировала принадлежность к мужской и женской стратам, создавая отдельную гибридную вдовческую страту, в которой характеристики пола оказывались существующими по инерции.

Основанием для появления гендерного дискурса, как мы показали выше, стало разрушение коллективного субъекта (дом, государство) Иваном Грозным. И хотя еще сохранялась система домостроя, вместе с нею выстраивалась форма разделения ответственности и перераспределения функций между индивидуумами. Окончательно гендерный дискурс сложился в XVIII в. как результат свободной конкуренции субъектов. Гендерная идентичность вошла в культурную практику, задавая самостоятельные мужской и женский дискурсы.

Библиографический список

- Алферов А. Д., Грузинский А. Е. Русская литература XVIII века: хрестоматия. М.: Изд-во фирмы «Сотрудник школ», 1907. 463 с.
- Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // О литературе: исследования. Статьи. М.: Худож. лит., 1990. С. 262—293.
- Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 134—268.

- Иконников В. С. Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Киев: Тип. Императ. ун-та им. св. Владимира, 1874. 109 с.
- Иконников В. С. Значение царствования Екатерины II. Киев: Тип. Императ. ун-та им. св. Владимира, 1897. 107 с.
- Колесов В. В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 301—356.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. С. 3—165.
- Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 11—24.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М.: Наука. 1993. 431 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
- Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М.: ИЭА РАН, 1996. 285 с.
- Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки, XI—XIII вв. М.: Территория, 2002. 256 с.
- Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам // Памятники древнерусской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Вып. 3. 166 с.
- Снесаревский П. В. Отношение к женщине в памятниках письменности русского Средневековья (XI—XV вв.) // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М.: Ин-т истории СССР, 1983. С. 26—46.
- Солоненко Л. В. Поэтика древнерусских женских житий: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 176 с.
- Чумакова Т. В. Традиции женской святости в русской культуре XI—XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2004. Вып. 4. С. 24—30.
- Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева с предисловием Искандера. Лондон, 1858. С. 15—114.

References

- Alferov, A. D., Gruzinskiĭ, A. E. (1907) *Ruskaia literatura XVIII veka: Khrestomatiiia* [The Russian literature of the XVIII century: Reader], Moscow.
- Buslaev, F. I. (1990) *Ideal'nye zhenskie kharaktery Drevnei Rusi* [Ideal female characters of Ancient Russia: Researches. Articles], in: *O literature: Issledovaniia. Stat'i*, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, pp. 262—263.
- Chumakova, T. V. (2004) *Traditsii zhenskoĭ sviatosti v ruskoĭ kul'ture XI—XVII vv.* [The traditions of female sanctity in the Russian culture of the XI—XVII cc.], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4. pp. 24—30.
- Domostroĭ* (2007) [Domostroĭ], St. Petersburg: Nauka.
- Ikonnikov, V. S. (1874) *Ruskaia zhenshchina nakanune reformy Petra Velikogo i posle neĭ* [Russian woman on the eve of the reform of Peter the Great and after it], Kiev.
- Ikonnikov, V. S. (1897) *Znachenie tsarstvovaniia Ekateriny II* [The significance of the reign of Catherine II], Kiev.
- Kolesov, V. V. (2007) *Domostroĭ kak pamiatnik srednevekovoi kul'tury* [Domostroĭ as a monument of medieval culture], in: *Domostroĭ*, St. Petersburg: Nauka, pp. 301—356.
- Likhachev, D. S. (1987) *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia], in: *Izbrannye raboty: in 3 vols*, vol. 3, Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.

- Lotman, Iu. M. (1992) O semiosfere [About universe of the mind], in: *Izbrannye stat'i*: in 3 vols, vol. 1, Tallinn: Aleksandra.
- Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* (1993) [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], Moscow: Nauka.
- Pushkareva, N. L. (1989) *Zhenshchiny Drevnej Rusi* [Women of Ancient Russia], Moscow: Mysl'.
- Pushkareva, N. L. (1996) *Zhenshchiny Rossii i Evropy na poroge Novogo vremeni* [Women of Russia and Europe on the threshold of Modern time], Moscow: Institut étnologii i arkhologii Rossijskoj akademii nauk.
- Romanov, B. A. (2002) *Liudi i nrawy Drevnej Rusi: Istoriko-bytovye ocherki, XI—XIII vv.* [People and customs of Ancient Russia: Historical and everyday essays, XI—XIII cc.], Moscow: Territoria.
- Shcherbatov, M. M. (1858) O povrezhdenii nrayov v Rossii [On the corruption of morals in Russia], in: "*O povrezhdenii nrayov v Rossii*" kniazia M. Shcherbatova i "*Puteshestvie*" A. Radishcheva s predisloviem Iskandera, London, pp. 15—114.
- Slovo Daniila Zatochnika po redaktsiiam XII i XIII vv. i ikh peredelkam (1932) [The word of Daniel the Exile to the editors of the XII and XIII cc. and its alterations], *Pamiatniki drevnerusskoj literatury*, iss. 3, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Snesarevskij, P. V. (1983) Otnoshenie k zhenshchine v pamiatnikakh pis'mennosti russkogo Srednevekov'ia (XI—XV vv.) [Attitude towards woman in the literature of the Russian middle ages (XI—XV cc.)], in: *Istoriograficheskie i istoricheskie problemy russkoj kul'tury*, Moscow: Institut istorii SSSR, pp. 26—46.
- Solonenko, L. V. (2006) *Poëtika drevnerusskikh zhenskikh zhitiï*: Dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of old Russian women's lives: Diss. (Cand. Sc.)], Vladivostok.

Статья поступила 11.11.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Овчинникова Елена Анатольевна — кандидат философских наук, доцент кафедры этики, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет, ovchinnikova@mail.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Ethics, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Троицкий Сергей Александрович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры русской философии и культуры, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт философии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; руководитель Центра культурных исследований и межкультурной коммуникации, РГПУ им. Герцена; руководитель Центра изучения зон культурного отчуждения и пограничья, Социологический институт (филиал ФНИСЦ) РАН, sergtroy@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Senior Lecturer at the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Institute of Human Philosophy, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; Head of Research Center for Cultural Studies and Crosscultural Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation; Head of Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 113—125
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.10

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 113—125
ББК 63.521(=603.1)-529
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.10

ЖЕНЩИНА КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ В ТРАДИЦИОННОЙ БРАЧНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ (1870—1970-е гг.)

А. А. Плиев, И. Л. Бабич

Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, irina@babich1.net

Анализируются типы одной из основных форм брака на Северном Кавказе — похищения девушек и форм уголовного преступления — похищения женщин. Хронологические рамки исследования — 1870—1970 гг. Работа проведена на основе полевых этнографических материалов, собранных А. А. Плиевым в Чечне и Ингушетии (1960—1970-е гг.). Женщина рассматривается как субъект и объект в семейно-брачной культуре чеченцев и ингушей. Изучено общее и особенное в бытовании института похищения в культуре этих народов. Выделен институт похищения у плоскостных чеченцев и институт похищения у горных чеченцев и ингушей. Отдельно авторы остановились на взаимосвязи институтов кровной мести и похищения девушек и женщин, а также на условиях и процедуре примирения после совершения похищения. Примирение осуществлялось по нормам адата. Сформулирован ряд правил, согласно которым регулировались проблемы, связанные с бытованием института похищения. Показаны изменения, которые произошли с данным институтом более чем за 100 лет.

Ключевые слова: ингуши, чеченцы, девушки, женщины, свадьба, брак, похищение, адат, правовая культура, Северный Кавказ, советская власть.

WOMAN AS AN OBJECT AND SUBJECT IN THE TRADITIONAL MARRIAGE AND LEGAL CULTURE OF CHECHENS AND INGUSH (1870—1970s)

A. A. Pliev, I. L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, irina@babich1.net

The aim of this article is to study one of the main forms of marriage in the North Caucasus — the abduction of girls, and a form of violating criminal laws — the abduction of women. The work is carried out on the example of Chechnya and Ingushetia. The chronological framework of the study is the period from 1870 till 1970. The study is based on the new

© Плиев А. А., Бабич И. Л., 2019

*Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН на 2014—2020 гг.*

field ethnographic materials collected by one of the authors of the article in Chechnya and Ingushetia (1960—1970s). In the article a woman is considered as a subject and an object in the family and marriage culture of Chechens and Ingush. The authors of the article studied the general and special characteristics in the existence of the institution of abduction in the marriage and legal culture of Chechens and Ingush. The authors study two main types: 1) the institution of abduction from the Chechens and Ingush living on the plain; 2) the institution of abduction from the Chechens and Ingush living in the mountains. The tradition of abduction was divided into violent and voluntary acts. The authors focused on the relationship between the institute of blood feud and the abduction of girls and women, as well as on the conditions and procedures for reconciliation after the abduction. Reconciliation was done according to the rules of adat. The authors of the article formulated a number of rules according to which the problems associated with the existence of the institution of abduction were regulated. The authors of this article show the changes that have occurred with this institution for over 100 years.

Key words: Ingush, Chechens, girls, women, wedding, marriage, abduction, adat, legal culture, North Caucasus, Soviet power.

Введение

Положение женщины на Северном Кавказе особое. Безусловно, она выполняла значительную роль в хозяйстве и быту на всем протяжении истории. Между тем в разных сферах наблюдалось сочетание подчас противоречивых ее статусов. С одной стороны, женщина не играла активной роли в функционировании ключевого института правовой культуры — кровной мести, а с другой — всякое посягательство на нее, всякое оскорбление ее чести, в каких бы формах оно ни проявлялось, рассматривалось как нарушение суверенитета целого рода и подлежало отмщению. Покушение на честь и нравственную чистоту женщины было самым тяжким преступлением, требовавшим кровной мести.

Как правило, женщина у чеченцев и ингушей не могла быть объектом кровной мести, какое бы страшное преступление она ни совершила. По обычаю убийство женщины, даже если она являлась убийцей, не допускалось. В этом случае мстили не ей, а ее ближайшим родственникам. Исключение составляло прелюбодеяние. Редко, но женщина могла стать субъектом мести. Приведем пример. В 1900 г. в Ингушетии в процессе драки был убит один молодой человек из тейпа А. Потерпевший не имел близких родственников — мужчин. У него была только одна сестра. Убийца, зная это, решил, что у него нет кровников, поэтому иногда смело посещал общественные места, нарушая таким образом принятый у горцев этикет кровников. Однажды убийца пришел в мечеть ингушского села Гамурзиево для совершения молитвы (намаз). Узнав об этом, сестра убитого А. стала ждать конца молитвы во дворе мечети. При выходе верующих из мечети она подошла к убийце, кинжалом нанесла смертельный удар и спокойно ушла домой*.

В то же время по правилам адата женщины должны были жестоко наказываться за любое преступление против нравственности. Примирения с прелюбодеями

* Полевые этнографические материалы, собранные А. А. Плиевым в 1963—1975 гг. Хранятся в личном архиве автора. Далее ссылки на эти материалы приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием букв ПЭМ.

не могло быть. Если происходило убийство жены и прелюбодея одновременно, дело этим заканчивалось, если же случалось, что убитой оказывалась только женщина, то муж-убийца должен был платить *ах пхъа* — стоимость полкрови ее родственникам (ПЭМ). Прелюбодея, нарушившего супружескую верность, наказывали обычно смертью, виновного же в нарушении нравственной чистоты девушки либо убивали, либо он мог искупить свою вину женитьбой. Если же нарушителем целомудрия девушки оказывался ее родственник, то мерой наказания для него была исключительно смерть. Иногда виновный во избежание ответственности брал девушку замуж, а прожив с ней два-три года, давал ей развод (ПЭМ).

Статусы женщин в горских обществах были противоречивы. Многочисленные литературные, архивные и наши полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что при регулировании многих конфликтных ситуаций женщина могла иметь главный голос и в своей семье, и в своем роду, в решении же иных вопросов (например, брачных или наследственных) вообще не могла принимать участия. Приведем пример. В 1916 г. один русский фельдшер был приглашен на свадьбу в ингушское село Ачалуки. Во время свадьбы два молодых ингуша поссорились, схватились за кинжалы и один убил другого. Виновный тут же покинул свадьбу. Родственники убитого организовали погоню за ним. На крик и шум вышла старуха, бросилась к убийце, прикрыла его шалью и сказала: «Он мой». Этого было достаточно, чтобы прекратить кровопролитие. Мужчины успокоились (ПЭМ).

В чеченском и ингушском обществах очень строго каралось похищение женщин. У горцев различались похищение молодой девушки, похищение просватанной девушки и, наконец, похищение замужней женщины. Последние два вида похищения назывались *саг яккхар* (ингуш.) — «отбитие девушки». Самым серьезным преступлением считалось похищение просватанной девушки или замужней женщины. Чаще всего примирения как между похитителями и родственниками похищенной, так и между родителями похищенной и родственниками того, за кого она была просватана, не могло быть.

В предлагаемой статье на основе полевых этнографических материалов, собранных в Чечне и Ингушетии, анализируются типы и особенности горских похищений девушек и женщин. Брачные традиции всех народов Северного Кавказа, безусловно, изучались, между тем типы похищений и их особенности у чеченцев и ингушей до сих пор не становились объектом рассмотрения [Арсанукаева, 2003; Албогачиева, Бабич, 2009; Албогачиева, 2012; Сайдумов и др., 2015].

Институт похищения в XIX — начале XX в.

Насильственное похищение девушек. Молодой человек, задумавший совершить похищение девушки с целью заключения брака, ставил об этом в известность своих ближайших родственников, родных и двоюродных братьев, а также близких друзей. Обычно чеченцы и ингуши похищали девушку, когда она выходила за водой. Правда, они могли выбрать и любой другой момент, тем не менее, как правило, никогда не врываются в дом избранной ими девушки.

Подобные похищения были двух типов: насильственными, когда девушка ничего не знала о планируемом событии, и добровольными, когда похищение

осуществлялось по обоюдному согласию молодых. Обычно родители девушки как при насильственном похищении, так и при добровольном считали себя оскорбленными и всегда организовывали погоню. Если удавалось настичь похитителей, происходило столкновение, часто сопровождавшееся кровопролитием. Потерпевшая сторона при любом виде похищения внешне выражала возмущение. Похитители не должны были добровольно, без сопротивления отпустить девушку, показав свое бессилие. В результате столкновения двух сторон неизбежно назревало кровопролитие, начиналась кровная месть.

Насильственное похищение, как правило, сопровождалось отчаянным сопротивлением девушки, на ее зов население охотно откликалось. Односельчане всегда принимали активное участие в освобождении похищенной девушки. В противном случае на них ложилось пятно позора. Похищенная девушка могла обратиться за помощью к любому встречному, который по обычаю должен был ее оказать. Не помочь в таких случаях похищенной считалось большим позором. Старики-ингуши говорили: «Отбить насильственно похищенную девушку или женщину — вот для чего мы носим кинжалы».

Приведем пример. В чеченском селе Шатое за девушкой долгое время ухаживал молодой человек Ш. Она обещала выйти за него замуж, но потом передумала. Никакие уговоры Ш. не могли привести к желаемому. Он оценил ее поступок как «обман, оскорбление чести» и не мог этого забыть. Ему оставалось одно — насильственное похищение любимой девушки, что он и сделал. Во время побега они встретили в лесу местного жителя. Увидев его, девушка успела крикнуть и броситься к нему со словами: «Считай меня своей родной сестрой, не дай возможности меня увезти». Местный житель был со своим товарищем, у них имелось оружие. После этой просьбы он обратился к старшему из похитителей с вопросом: «Что бы вы сделали, если бы оказались на моем месте?» Похититель, вспомнив об обычаях, которые соблюдают в таких случаях, подумал и вернул девушку местному жителю. Так похищенная девушка была возвращена ее родителям. Но вскоре, тем не менее, она вышла замуж за похитителя (ПЭМ).

Если встречному человеку удавалось уговором или же силой отбить похищенную, он возвращал ее родителям и просил выдать замуж за похитителя, поскольку, если бы не его помощь, девушка была бы увезена. Родители девушки могли при этом поступить по своему усмотрению, однако отказ выдать девушку за похитителя означал, что они обрекли себя на вечный и жестокий суд общественного мнения (ПЭМ).

Если похитителям предоставлялась возможность благополучно уйти и скрыться от преследователей, они везли невесту в другое село, обычно в такое место, где их сложно было обнаружить. Похитители старались остановиться у влиятельных и авторитетных людей, рассчитывая на их помощь в урегулировании конфликта. Вступив под крышу дома любого чеченца или ингуша, похитители невесты оказывались под защитой. Обычно они находили поддержку со стороны жителей. Если преследователи настигали похитителей, то на помощь последним приходил весь аул. Считалось большим стыдом, когда преследователям удавалось отбить похищенную девушку. Похититель рассматривался жителями села как гость, и ему требовалось оказать горское гостеприимство (ПЭМ). Похищенную невесту никогда мирно не возвращали. Выход был единственный —

применение силы. Но такой способ практиковали редко, поскольку родственники девушки знали, что могут столкнуться с двумя, тремя тейпами и более, между которыми возникали кровные отношения.

Для того чтобы добиться согласия родителей похищенной девушки на брак, похититель иногда прибегал к крайней мере — изнасилованию. После этого события никто другой замуж ее не брал. Более того, если даже кто-либо решал вступить с нею в брак, то пока похититель не отказывался от девушки, новый жених не мог этого сделать: должно было произойти столкновение, поскольку данный поступок расценивался уже как саг яккхар, что влекло за собой кровную месть.

Родители и ближайшие родственники похитителя, включая и родственников по материнской линии, знали, что все вопросы, связанные с оскорблением чести девушки, являлись наиболее сложными, их решение зачастую кончалось кровопролитием. Поэтому сторона жениха принимала все меры к тому, чтобы быстрее закончить процедуру примирения. С этой целью родители жениха посылали к родственникам девушки наиболее почетных старцев. Переговоры, как правило, затягивались надолго. Когда посредники видели, что родственников девушки нелегко склонить на примирение, то обязательно приглашали известных знатоков обычного права Чечни и Ингушетии. Последние заканчивали спор мирным путем: либо похищенная оставалась, либо ее возвращали родителям.

Чаще всего в быту ингушей и чеченцев похищенную девушку удавалось укрыть от погони. Но если преследователи сталкивались с похитителями и при этом происходило кровопролитие, то по обычному праву чеченцев и ингушей родственные отношения прекращались и похищенную девушку возвращали родителям. Ингуши в таких случаях говорили: *Ций юкье деннад* (ингуш.), что можно перевести как «Кровь стала между нами».

В случае же если удавалось склонить враждующие стороны к примирению, родители или родственники жениха должны были уплатить выкуп — *там* (чечен.), или *тоам* (ингуш.). О его размере посредники договаривались сразу же. Данный выкуп включал в себя две части: калым — приданое невесте со стороны жениха — и штраф за оскорбление чести родителей. Таким образом, тоам (там) всегда был больше калыма. Родители девушки, не имея никаких возможностей противостоять старцам, просящим о примирении, и давая согласие на него, запрашивали непомерно большой выкуп, чем тот, что обычно устанавливался в таких случаях. Тогда посредники обращались к прошлому горцев, доказывая несостоятельность больших размеров выкупа.

Если при столкновении преследователей с похитителем совершалось убийство кого-либо (с любой стороны), то отношения между фамилиями полностью прекращались, так как могла произойти месть (ПЭМ). Однако при насильственном похищении девушек и женщин у плоскостных чеченцев чаще, чем у горных, случались традиционные примирения по адату, причем нередко без выплаты компенсаций. Родители похищенной, как правило, забирали ее домой и после получения тама могли выдать замуж за другого. Однако у чеченцев похищенную девушку обычно не брали в жены.

Приведем пример. В конце XIX в. чеченец из тейпа Г. похитил девушку из тейпа Т. Причина похищения заключалась в том, что девушка, за которой долго

ухаживал парень, дав согласие на брак с ним, впоследствии отказалась от него. Еще до ее похищения между тейпами Г. и Т. произошла ссора, в результате которой потерпевшими оказались члены тейпа Т. Поэтому родственники девушки не захотели иметь родственные связи с тейпом Г. После похищения тейп Т. заявил, что если девушка не будет возвращена в течение трех суток, то на четвертый день они заберут ее насильно — *дов дергда* (чечен.). Девушку не вернули. Состоялось столкновение между членами тейпов, в результате которого были убиты три человека из тейпа Т. (отец девушки, дядя по отцу, дядя по матери) и три человека из тейпа Г. (старший брат похитителя, дядя и племянник). Кроме того, был убит еще один чеченец из другого тейпа. Обе стороны поклялись, дав очистительные присяги, что седьмой человек был убит случайно. После посредники начали мирить два тейпа. Им удалось это сделать, причем даже без назначения тама (ПЭМ).

Важно сказать, что у плоскостных чеченцев в тех случаях, когда девушка похищалась с целью оскорбления чести ее родителей или же похититель уже имел семью, обязательно происходило кровавое столкновение сторон либо похищение девушки из тейпа похитителя, чтобы нанести ей и ее родителям подобное же оскорбление (ПЭМ).

Отметим, что институт похищения девушек для оформления брака в XIX — начале XX в. в большей степени был развит у плоскостных чеченцев, в меньшей степени — у горных чеченцев и ингушей, поскольку у них наиболее распространенной формой заключения брака являлось сватовство, при котором не было необходимости совершать добровольные или насильственные похищения. Тем не менее они иногда случались и у ингушей, и у горных чеченцев, но сама традиция похищения несколько отличалась от традиции у плоскостных чеченцев. Рассмотрим эти особенности.

Совершив похищение девушки, ингуш-похититель со своими соучастниками сразу же приезжал в другое село под покровительство того человека, которого он заранее наметил. Выбирая такого человека, похититель принимал во внимание его авторитет. Родственники похищенной девушки, сильные или слабые, всегда устраивали погоню. Находясь под крышей авторитетной семьи, похититель имел больше надежды на благополучный исход — примирение.

При установлении враждебных отношений родственники девушки могли напасть на дом родителей похитителя, если им не удавалось найти его самого. Особенностью примирения при похищении девушки у ингушей и горных чеченцев являлось то, что в этом процессе учитывались «благородство, знатность» тейпа, откуда был родом похититель. Если он был из хорошей семьи, то сроки примирения могли быть короткими. При примирении назначался тоам, который шел родственникам девушки. Его размер, как правило, был больше, чем калым-приданое. В тоам входил калым и штраф за оскорбление родителей девушки. Он мог быть даже больше *пхъа* — суммы, выплачиваемой за убийство (ПЭМ).

Тоам, назначаемый в случае примирения, у горных чеченцев и ингушей был больше, чем у плоскостных: у горных ингушей он составлял 300 руб., у плоскостных — 200—210 руб. Если похититель давал клятву, что не был с девушкой близок и она сохраняла девственность, тоам равнялся 100 руб., также дарилась одна лошадь и полная сбруя. Если похититель был в супружеских

отношениях с похищенной девушкой, то ее родители категорически отказывались от родства с ним (ПЭМ).

Если при насильственном похищении девушки во время погони происходило убийство кого-либо (со стороны похитителя или девушки), то в будущем свадьба похитителя с девушкой состояться не могла. Девушку возвращали, но потерпевшая сторона обязательно должна была отомстить за кровь убитого человека. Поэтому старики-посредники (*кхелахой* ингуш.) пытались их примирить, учитывая степень морального и физического ущерба, причиненного каждой стороне (ПЭМ).

Похищение просватанных девушек и замужних женщин. Бывали у горцев и случаи похищения просватанных девушек или замужних женщин. За это похитителя полагалось убить. Обстоятельства таких похищений различались. Когда родители сознательно предоставляли возможность молодому человеку похитить их просватанную за другого дочь, враждебные отношения начинались между родственниками девушки и родственниками того человека, за которого девушка была просватана. Если родители не знали о планируемом похищении их просватанной дочери, то вражда начиналась между похитителем и его родственниками, с одной стороны, и женихом просватанной девушки и его родственниками — с другой (ПЭМ).

В 1860-х гг. произошел такой случай. Молодой человек имел старшую сестру А. Будучи просватанной, она готовилась к свадьбе, но за день до нее по своей воле круто изменила свою жизнь, выйдя замуж за другого. Ни родители А., ни ее братья ничего не знали об этом. А. с мужем покинули Чечню, 12 лет ничего не давали о себе знать. За это время родственникам виновной удалось склонить семью несостоявшегося жениха к примирению. Семья А. выплатила там (70 коров).

Приведем еще один пример. В конце XIX в. в чеченском селе Хильда-Харой А. Д. просватал девушку, однако она по своему желанию вышла замуж за другого — Ч. Д. Старики-посредники стали разбирать дело. Они вынесли решение об уплате тама (50 коров и верховой конь в полной сбруе). Там был выплачен. Однако А. Д. не мог забыть нанесенной ему обиды и через год попытался убить Ч. Д., произведя выстрел в него, но Ч. Д. остался жив (ПЭМ).

Похищение просватанной девушки могло быть и мстью семье несостоявшегося жениха, когда одна из ранее враждовавших сторон желала нанести оскорбление другой стороне. Такое похищение подлежало общественному осуждению. Обычно в подобных случаях примирения не могло быть и похищения заканчивались кровной мстью. При этом чеченцы и ингуши говорили: *Топ яла еза* (ингуш.) — что можно перевести как «Должен произойти выстрел».

Целью похищения просватанной девушки иногда являлось создание семьи, например в ситуации, когда молодой человек годами добивался руки своей возлюбленной, все об этом знали, а родители решили выдать девушку замуж за другого. Такое похищение называлось саг яккхар (насильственно отобранная). В этих случаях молодой человек и его родители предпочитали кровную мсть общественному позору. Аульчане, в свою очередь, не упускали возможности упрекнуть молодого человека, смирившегося с выдачей своей возлюбленной за другого, в отсутствии смелости, мужества.

Был и третий вид похищения чужой невесты — так называемое формальное (фиктивное) похищение. При этом похищении родители хотя и знали заранее о намерениях своей дочери, но делали вид, что ни о чем не догадываются. Чаще всего о планах дочери узнавала мать, которая во многом способствовала их осуществлению. Ингуши в таких случаях говорили, что дочь не получила должного воспитания в семье, а потому и создавали видимость насильственного похищения.

Отношение родителей к похищению их просватанной дочери могло быть разным: либо они были заинтересованы в том, чтобы их дочь вышла замуж не за просватанного жениха, а за другого, либо хотели брака дочери с просватанным. В первом случае родители девушки выплачивали тоам вместе с похитителями. Тогда возникала вражда между родителями девушки и родственниками просватанного жениха. Во втором случае враждебные отношения устанавливались между родителями девушки и ее похитителем.

Приведем пример. В 1860-х гг. в ингушском селе Экажево у старика М. Д. был единственный сын Т. Отец, когда Т. было всего 17 лет, просватал ему девушку. Но незадолго до свадьбы девушка вышла замуж за другого молодого человека. Старик сказал своему сыну: «Т., похитили нашу невесту. Надо решить этот вопрос, не ожидая смерти отца». Т. отвечал отцу: «Отец, нет у меня ничего более серьезного, чем забота о тебе. Не сомневайся в том, что я все исполню по обычаю, а потому будь спокоен». Через некоторое время Т. возвращался домой с прогулки. Похититель его невесты вместе со своими друзьями схватили Т., отвезли к себе домой и заперли. Об этом узнали в селе. Ответственность обвинила похитителей в грубом нарушении обычаев: они похитили чужую жену и похитили ее молодого человека в качестве раба. Более того, отец девушки зашел во двор отца Т. Это было нарушением ингушского этикета кровников. Отец Т., увидя отца девушки в своем дворе, убил его. Т., освободившись от похитителей, убил еще пятерых из фамилии похитителя. Отец и сын навсегда покинули Ингушетию, переехав на постоянное жительство в Осетию. Вскоре Т. женился на осетинке, изменил свою фамилию, боясь мести со стороны преследователей (ПЭМ).

Если молодой человек похищал девушку, не зная, что она просватана, то была вероятность спокойного развития событий: похитителю не мстили, если он возвращал девушку и давал клятву — *мехка бокъо* (ингуш.), что можно перевести как «право, разъяснение народу». Это была клятва в том, что он предпринял этот шаг, не зная о сватовстве, и что он не был с девушкой в близких отношениях.

Существовали различия в размере тоама, выплачиваемого жителями горной и плоскостной Ингушетии при примирении после похищения просватанных девушек: у горных ингушей его составляли 90 коров (или 100 руб.), у плоскостных ингушей — двойной калым: 210 руб. и 300 руб. за нанесенное оскорбление, а также штраф 50 руб. (ПЭМ).

Соучастники похищения девушки, независимо от их количества, должны были уплатить родителям невесты по одному коню. Бытовало такое понятие, как «названный, указанный конь» — *цлу тълатеха* (ингуш.). Согласно этому обычаю родители похищенной девушки выбирали лучшего коня того или иного хозяина и имели право в качестве тоама требовать именно его. Соучастники,

независимо от стоимости этого коня, выкупали его в полной сбруе и передавали родителям девушки.

Рассмотрим теперь случаи похищения при так называемом «колыбельном» браке, о котором родители сговаривались, когда их дети были малолетними или даже еще не родились, и скрепляли договор передачей родителям девушки различных видов оружия, например кинжалов. Если произошло похищение девушки, которая была с детства просватана за другого, в ингушском и чеченском обществе определялась тяжесть данного преступления. На это влияли два обстоятельства: время суток «колыбельного» сватовства, факт его оглашения. Если сватовство было совершено днем и с оглашением, то враждебные отношения возникали между родителями девушки и родственниками человека, за которого она была просватана с колыбели. Если о браке договорились вечером, то враждебные отношения возникали между лицом, похитившим девушку и женившимся на ней, и теми, кто ее сватал. Все остальные нормы при похищении девушки, просватанной с колыбели, сходны с приведенными выше (ПЭМ).

Институт похищения в 1920—1970-х гг.

Традиция похищения невест в 1920—1930-х гг. В 1920-х гг. постепенно начало меняться положение северокавказской женщины в обществе и семье (ее стали называть в эти годы горянкой). Многие мероприятия советской власти были направлены на уравнивание женщины в правах с мужчиной, вовлечение ее в общественное производство и общественную деятельность, повышение ее культурного уровня. Преодолению неравенства женщин в быту, по мнению советских чиновников, мешали многочисленные ингушские и чеченские пережитки. Одной из наиболее вредных традиций, унижающих честь и достоинство женщины, как считали советские идеологи, была традиция похищения девушек с целью заключения брака. Для того чтобы предотвратить такие похищения, советские и партийные органы власти в 1920—1930-х гг. приняли ряд директив (см.: [Плиев, 2016]). Но они работали плохо. Так, в марте 1929 г. на IV съезде Советов Чеченской автономной области ее прокурор констатировал, что при разборе дел, связанных с похищением девушек, в советских следственных органах происходило много нарушений и среди них ключевым было изменение первоначальных показаний похищенной девушки. Очень часто она под влиянием родителей похитителя, стариков и мулл на суде или у следователя меняла свои показания, утверждая, что вышла замуж по своему согласию. В этом случае следственные органы были вынуждены прекращать дальнейший разбор дел. Фамилии похитителя и похищенной девушки приступали к обсуждению случившегося, при этом они исходили из норм обычного права и прибегали к помощи посредников. В большинстве случаев примирения удавалось достичь, но иногда родители похищенной забирали девушку самостоятельно или с помощью стариков-посредников. Это осложняло отношения, появлялись обвинения в оскорблении чести родителей, увеличивался размер тоама.

Но были и похищения с серьезными последствиями. В 1921 г. в ингушском селе Альтиево молодой человек О. похитил девушку из фамилии А. Родственники похищенной устроили погоню. Началась драка, в результате которой был убит младший брат похитителя. На процедуру примирения ушло два года (ПЭМ).

Отметим, что в подобных ситуациях в Чечне примирение происходило значительно легче, чем в Ингушетии. В 1921 г. в чеченском селе Валерик молодой человек С. похитил девушку М. С. Началась погоня, однако он увез ее в другое селение, где остановился у незнакомых людей. Гнавшимся за ними не удалось обнаружить похитителя с девушкой. Между тем хозяин, принявший беглецов согласно обычаю, сообщил родителям девушки, что их дочь находится у него. Состоялся совет наиболее авторитетных стариков — родственников похитителя и похищенной девушки. Споры между ними продолжались три недели, после чего удалось достичь примирения. Решение было таково: родственники С. должны были уплатить тоам в размере 700 руб., а родители девушки приготовить ей приданое, добавив еще от себя 400 руб. Все это было сделано, и свадьба состоялась. Если похитителей девушки настигали ее родственники, насильственные похищения сопровождались кровопролитием (ПЭМ).

Несмотря на принятые постановления, резолюции, усиление уголовной ответственности за похищение девушек в уголовных кодексах РСФСР, эта семейная традиция отчасти продолжалась в Чечне и Ингушетии и в 1920—1930-х гг.

Традиция похищения невест в 1940—1970-х гг. Постепенно традиция насильственного похищения девушек и женщин ослабла. Наши полевые этнографические материалы показывают, что в 1940—1970-х гг. случаи насильственного похищения были очень редкими как у чеченцев, так и у ингушей. В основном все этапы брачной процедуры стали происходить по взаимной договоренности. И ключевым этапом в этой процедуре являлось не похищение, а выплата калыма. Калым как часть свадебных традиций и как часть правовой культуры существует и в настоящее время. В 1960—1970-х гг. чеченцы разделяли собственно калым (там) как выкуп, предоставляемый женихом родителям невесты, и *урдо* (чечен.) — определенную сумму денег, выплачиваемую мужем жене на случай развода. Важно отметить, что о выплате *урдо* и его величине стороны договаривались только после того, как удавалось достичь согласия в размере тама. У ингушей такого различия не было, существовала лишь одна выплата — *урдув* (ингуш.), выкуп, вносимый женихом и идущий в пользу невесты.

В 1960—1970-х гг. сохранялись некоторые различия в брачных обрядах чеченцев и ингушей. Опишем особенности чеченского брачного обряда. Знакомство девушки и парня происходило через родственников или знакомых на вечеринках, устраиваемых в честь приезда гостей, где всегда собиралось очень много молодежи. Если молодые люди понравились друг другу при первом знакомстве, то их неофициальные встречи в различных местах становились частыми. Эти встречи продолжались несколько лет — от одного до трех и более. Наконец, молодой человек предлагал девушке выйти за него замуж. Если девушка принимала его предложение, то парень договаривался с ней о месте и времени встречи. В назначенный час (как правило, это был вечер) молодой человек, пришедший в указанное место со своими друзьями, забирал девушку.

Являлся ли в 1960—1970-х гг. данный вид сватовства одной из форм похищения девушек в традиционном его понимании? Думается, что такое сватовство можно рассматривать как своеобразную форму добровольного похищения. Зачастую о предстоящем «похищении» девушки знали все домашние — как женщины, так и мужчины. Известен такой случай. Однажды отец девушки

ночью возвращался домой. Ночь была темная. Вдруг отец почувствовал, что его кто-то толкнул, оглянувшись, он увидел протянутую руку с узелком (в узелке были вещи первой необходимости, приготовленные девушкой). Нагнувшись, отец узнал свою дочь. Оказалось, что девушка приняла его за «похитителя». Узнав свою дочь, отец сказал: «Не я тебе нужен, те, кто тебе нужны, вот, у забора стоят» (ПЭМ).

Молодой человек забирал свою девушку, но вез ее не домой, и не к своим родителям, а в семью ближайших родственников или же к родителям своих друзей, обычно в другое селение, что в брачном обряде чеченцев называлось *зуда йоссаяр* (чечен.). Хозяин дома брал похищенную девушку под свою опеку. Что бы ни случилось, он за все отвечал. Родители жениха сообщали родителям девушки через посредника, что их дочь вышла по своему согласию замуж. Родители девушки соглашались на брак, но при этом старались четко определить размер тама, идущего на приданое. Продолжительность времени, проводимого молодоженами у хозяина, где произошло *зуда йоссаяр*, зависела в первую очередь от того, как скоро родители девушки соглашались на примирение и хозяин подготавливал ценный подарок, который по обычаю он должен был преподнести молодоженам. Обычно этот этап длился от одной до двух недель. Уплатив там и передав различные подарки родителям девушки, ее братьям и снохам, жених забирал невесту к себе домой. В там входили деньги, на которые родители готовили приданое своей дочери. Последнее передавалось, когда она возвращалась к своим родителям погостить.

Большинство чеченской молодежи заключало брак описанным выше способом. Браки через сватовство у чеченцев были очень редкими. Родители в подобных случаях так говорили свои сыновьям: «Неужели ты не можешь жениться на любимой девушке по договоренности с ней?» (ПЭМ).

У ингушей в отличие от чеченцев все браки, за редким исключением, заключались по сватовству. В 1960—1970-х гг. происходило это следующим образом. К родителям избранной молодым человеком девушки посылали сватов. Побывав у родителей девушки два-три раза, сваты получали согласие на брак. Обычно они знали, когда это произойдет, поэтому брали с собой в тот вечер деньги в сумме, превышающей установленный в народе калым. Получив согласие на брак, сразу же договаривались о величине калыма, называемого у ингушей *урдуб*. Ингушский калым полностью передавался девушке и являлся ее собственностью. Эти деньги шли на приготовление приданого.

Все брачные выплаты у чеченцев и ингушей в 1960—1970-х гг. включали в себя: 1) *захала лу ахча* (ингуш.) — деньги, даваемые матери просватанной девушки в вечер получения согласия на брак. Эти деньги всегда шли в пользу дочери. Получив их, мать в тот же вечер или на второй день передавала эту сумму своей дочери, которая использовала ее вместе с калымом по своему усмотрению; 2) *нейц чуводаш луш дола яхча* — деньги, даваемые зятем в период его посещения до свадьбы. Деньги переходили в собственность девушки, никто не имел на них права. Девушка готовила себе *поартал* — приданое, используя как «калымные» деньги, так и деньги родителей; 3) *совгатыш* — подарки девушке с различных сторон. Все принесенные подарки становились ее собственностью, она их забирала после свадьбы; 4) *хьоалчагI* — деньги на свадебные угощения.

Приданое у ингушей девушка готовила на «калымные» деньги, которые она получала от жениха. Если умирала женщина, не имевшая детей, у ингушей все имущество, купленное ею на «калымные» деньги и привезенное с собой в день свадьбы, оставалось у мужа. У чеченцев это было иначе: все то, что девушка приобрела на полученный там, оставалось в доме супруга (ПЭМ).

Заключение

В XIX — начале XX в. традиция похищения девушек была достаточно широко распространена в ингушском и чеченском обществах. Существовал целый ряд правил, согласно которым регулировались возникающие при этом проблемы. При совершении насильственного похищения девушек (а иногда и добровольного) дальнейшие события могли развиваться по трем «сценариям»: 1) родителям девушки удавалось ее освободить, 2) под влиянием общества и по правилам адата заключалось примирение между похитителем и его родителями, с одной стороны, и девушкой и ее родителями — с другой, 3) совершалась кровная месть по отношению к похитителю и его помощникам. Значительно реже у горцев случались похищения просватанных девушек и замужних женщин. В советские годы власти настойчиво боролись с бытованием данной традиции, считая, что она унижает горянок. Постепенно похищение приобрело форму добровольного похищения, происходящего по обоюдному согласию как будущих супругов, так и их родителей.

Библиографический список

- Албогачиева М. С.-Г.* Социальный статус ингушской женщины // Радловский сборник: научные и музейные проекты Музея антропологии и этнографии РАН в 2011 г. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 293—297.
- Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л.* Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009. № 19. С. 33—39; № 20. С. 34—38.
- Арсанукаева М. С.* Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX — начале XX в. // Семейное и жилищное право. 2003. № 1. С. 37—41.
- Плиев А. А.* Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей, 1880—1970 гг. М.: Наука, 2016. 156 с.
- Сайдумов Д. Х., Нинчиева Т. М., Алихаджиева А. С.* Семейно-правовые отношения в чеченском обществе // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 45—52.

References

- Albogachieva, M. S.-G. (2012) Sotsial'nyĭ status ingushskoi zhenshchiny [Social status of Ingush women], in: *Radlovskii sbornik: Nauchnye i muzeĭnye proekty Muzeia antropologii i etnologii Rossiiskoi akademii nauk v 2011 g.*, St. Petersburg: Muzeĭ antropologii i etnologii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 293—297.
- Albogachieva, M. S.-G., Babich, I. L. (2009) Pravovaia kul'tura ingushei: istoriia i sovremenost' [Legal culture of the Ingush: history and modernity], *Istoriia gosudarstva i prava*, no. 19, pp. 33—39; no. 20, pp. 34—38.

- Arsanukaeva, M. S. (2003) *Semeino-brachnye otnosheniia u chechentsev v XIX — nachale XX v.* [Family and marital relations among Chechens in the XIX — early XX century], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, no. 1, pp. 37—41.
- Pliev, A. A. (2016) *Nekotorye aspekty pravovoĭ kul'tury chechentsev i ingusheĭ* [Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush], Moscow: Nauka.
- Saidumov, D. Kh., Nintsieva, T. M., Alikhadzhieva, A. S. (2015) *Semeino-pravovye otnosheniia v chechenskom obshchestve* [Family law relations in Chechen societies], *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik*, no. 4, pp. 45—52.

Статья поступила 15.05.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Плиев Абдурахим Ахмедович — кандидат исторических наук, пенсионер, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Cand. Sc. (History), a retired person, Moscow, Russian Federation).

Бабич Ирина Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2019. No. 4. P. 126—136
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.11

Женщина в российском обществе
2019. № 4. С. 126—136
ББК 63.3(2)613-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.11

**НЕТРУДОСПОСОБНЫЕ ЖЕНЩИНЫ
В ФОКУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
1920—1930-х гг. (На материалах Сибири)**

А. С. Ковалев^{a, b}

^a Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия, alexkovaleff@yandex.ru

^b Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск, Россия

На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов рассматриваются вопросы социального положения женщин с инвалидностью и женщин пожилого возраста в Сибири в 1920—1930-х гг., которые были объединены общим статусом нетрудоспособного населения. Анализируются главные направления социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособных женщин: пенсионное обеспечение, социальная поддержка, помощь в трудоустройстве, социальное обеспечение в инвалидных домах. На конкретных примерах иллюстрируются особенности повседневной жизни нетрудоспособных женщин. Делается вывод о том, что советские органы власти при проведении социальной политики не делили инвалидов и пожилых людей по гендерному принципу, однако нетрудоспособные женщины на протяжении 1920—1930-х гг. оставались одной из самых социально незащищенных групп населения. В то же время существовали отдельные попытки социальной интеграции женщин с инвалидностью в обществе на основе мер профессионально-трудовой реабилитации.

Ключевые слова: государственная социальная политика, женщины с инвалидностью, инвалидный дом, пенсионное обеспечение, пожилые женщины, политика занятости инвалидов, социальная поддержка.

**DISABLED WOMEN AND SOVIET SOCIAL POLICY
IN 1920—1930s (Based on the Siberia related research)**

A. S. Kovalev^{a, b}

^a Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, alexkovaleff@yandex.ru

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation

In this paper, based on the previously unpublished archival materials, the issues of the social status of disabled and elderly women in Siberia in the 1920—1930s (which were united under the general status of the disabled population) are examined. The main directions of the Soviet State social policy the regarding the disabled women are analyzed: pensions, social assistance, employment policy, social welfare in shelters for disabled people. Specific examples,

given in the text, illustrate the features of the daily life of the disabled women — both living inside and outside the institutions for people with disabilities. The state social policy towards the disabled women in the 1920—1930s is characterized by the extreme ambivalence. The measures of social support for replenishment were taken, but it was accessible to a narrow circle of people. The only area of real interaction between the society and women with disabilities was the sphere of employment, where they were actively included, as the proletarian state needed workers within the context of industrialization. During the conduct of social policy, the Soviet authorities did not divide disabled and elderly people on a gender basis, but the disabled women during the 1920—1930s remained one of the most socially vulnerable groups of the population. At the same time, the state made non-systemic attempts to integrate women with disabilities into society on the basis of measures of vocational rehabilitation.

Key words: state social policy, women with disabilities, shelters for disabled people, pension system, elderly women, employment policy for the disabled persons, social assistance.

Несмотря на то что в современной России продолжает развиваться социальная политика, при которой уязвимые слои населения включаются в жизнь общества, нетрудоспособные граждане страны во многом по-прежнему остаются на обочине социума. В первую очередь это касается нетрудоспособных женщин, которым общество отказывает в праве на образование, занятость и успешную карьеру и которых фактически обрекает на социальную изоляцию, не позволяя ощутить радость полноценной жизни. Говоря о причинах их нелегкого положения, представители общественности обычно возлагают ответственность на Советское государство, от которого досталась в наследство неэффективная модель социальной политики с ее антигуманными практиками, сохранившимися в последующие годы. Однако подобное объяснение вряд ли можно назвать научным, поскольку оно осуществляется на интуитивном уровне, без проведения подробного анализа феномена нетрудоспособности и специфики становления советской социальной политики. В то же время исторический опыт вовлечения нетрудоспособных женщин в жизнь советского общества по-прежнему не востребован.

В связи с этим требуется провести исследование, целью которого является обращение к периоду формирования политики в отношении нетрудоспособного населения с учетом гендерной составляющей социальной помощи, что поможет увидеть особенности социального статуса нетрудоспособных женщин, их повседневной жизнедеятельности и включенности в систему советского социального обеспечения и в общество в целом. В качестве временного отрезка для анализа был выбран период 1920—1930-х гг., когда в стране продолжался процесс эмансипации женщин, начатый в 1917 г., и происходило становление социальной политики в отношении различных категорий населения.

В отечественной исторической науке вопросы гендерно-ориентированной социальной политики в отношении нетрудоспособного населения остаются неразработанной темой. Можно выделить исследования Д. С. Кошкина и А. С. Ковалева, в которых рассматриваются общие аспекты социальной политики в отношении инвалидов [Кошкин, 2001; Ковалев, 2013, 2016]. Однако «женский» аспект проблемы предметом изучения в публикациях этих авторов не является. Положение женщин-инвалидов в российском социуме к началу XX в. исследуется в статье В. М. Марасановой и ее соавторов [Марасанова и др.,

2010]. В работе А. К. Быкова изучается развитие системы оказания помощи общественными организациями девушкам с инвалидностью в начале XX в. [Быков, 2014]. «Женский вопрос» в контексте социального страхования исследуется в статье О. Б. Вахромеевой, которая делает вывод, что работающие женщины были самой незащищенной категорией населения в начале XX в. [Вахромеева, 2012]. Специальных исторических исследований, посвященных положению нетрудоспособных женщин с инвалидностью, крайне мало, а имеющиеся отражают его только в дореволюционный период. В связи с этим в настоящей статье представлена попытка на материалах Сибири проанализировать социальное положение женщин-инвалидов, вовлеченных в сферу деятельности органов социального обеспечения в 1920—1930-х гг., и основные направления социальной помощи нетрудоспособным женщинам.

Согласно сведениям Народного комиссариата социального обеспечения, в 1926 г. в РСФСР по результатам переписи населения было учтено 643 711 инвалидов, из них 175 896 мужчин (45 %) и 214 866 женщин (55 %) являлись «самодеятельными» инвалидами, а 186 725 мужчин (74 %) и 66 224 женщины (26 %) — «несамодеятельными», т. е. живущими на чьем-либо иждивении. В городах насчитывалось 41 710 мужчин (70 %) и 17 848 женщин (30 %) — «самодеятельных» инвалидов, 14 799 мужчин (44 %) и 18 864 женщины (56 %) — «несамодеятельных» инвалидов [Инвалиды..., 1932]. Что касается Сибирского края, то здесь процессы инвалидизации были выражены более сильно, так как Сибирь занимала третье место среди регионов РСФСР по соотношению инвалидов и здоровых граждан.

Прежде всего следует остановиться на социальном статусе нетрудоспособных лиц. Инвалидами считались только те, кто не мог трудиться. Понимание инвалидности как утраты трудового потенциала являлось краеугольным камнем политики в отношении инвалидов в государстве, где все граждане были обязаны участвовать в общественно полезной деятельности. Социальная полезность гражданина измерялась только его ролью в производстве, и уровень инвалидности оценивался по шкале «трудоустройства». Тот, кто мог работать, обязан был приносить пользу обществу до самых преклонных лет.

В начале 1920-х гг. постепенно сложилась определенная иерархия «инвалидной массы». Под влиянием пролетарской идеологии «привилегированной» группой становятся инвалиды труда, далее следовали инвалиды Красной армии, инвалиды «империалистической войны» и «беспризорные» инвалиды, к которым обычно относили пожилых людей, не имевших трудовых, воинских или революционных заслуг, их называли «инвалиды старости» (см.: [Ковалев, 2013: 93]).

Данные переписи 1926 г. говорят о том, что среди лиц с инвалидностью преобладали именно «беспризорные» женщины — «инвалиды старости» из сельской местности. Всего в Сибири к середине 1920-х гг. доля пожилого населения составляла в целом 6,49 % (около 8,5 млн чел.). Была характерна диспропорция в численности мужчин и женщин пожилого возраста в городских и сельских поселениях: в городах мужчины составляли 8,80 %, женщины — 11,25 %, в сельской местности 91,20 и 88,75 % соответственно. К 1931 г. численность лиц старше 60 лет в городах уменьшилась с 4,60 до 4,47 % среди мужчин, но увеличилась с 6,82 до 6,83 % среди женщин. В сельской местности доля мужчин

старше 60 лет уменьшилась с 6,46 до 6,19 %, женщин — с 7,31 до 7,10 % [Социалистическое строительство... , 1934: 360]. По данным переписи 1937 г., в общей структуре населения Сибири 60—69-летние граждане составляли 4,4 %, старше 70 лет — менее 2,0 %, а в целом лица пожилого возраста — 6,6 %. Сохранялась значительная непропорциональность в гендерной структуре населения: в 1937 г. женщин в возрасте 55—59 лет насчитывалось 59,0 %, 60—65 лет — 60,0 %, 75—79 лет — 62,0 %, 85—89 лет — 66,2 %, 95—99 лет — 67,0 %. Таким образом, данная диспропорция стала более выраженной и резкой, чем в 1926 г. [Население России... , 2000: 160, 374, 376; Жиромская и др., 1996: 63].

Положение «беспризорных» инвалидов было незавидным, но существовала социальная группа людей, у которых прав было еще меньше, — слепые, глухие и умственно отсталые лица. Так, инвалид по зрению О. И. Жукова писала в правление Иркутского отдела Всероссийского общества слепых в 1927 г.: «...почти слепая... совершенно ни к какому труду неспособная, не могла ни до, ни после революции ни работать, ни служить. До революции мне, как инвалиду, выдавалась пенсия, но при Советской власти в выдаче таковой мне отказано за отсутствием у меня трудового стажа, которого я, конечно... иметь не могла...» [ГАНИИО, ф. Р-1891, оп. 1, д. 9, л. 22—23].

Инвалидность становилась событием, менявшим судьбу человека, который не мог продолжать прежнюю деятельность, перебивался случайными заработками и фактически содержал себя и семью только на мизерную пенсию. Новосибирский историк В. И. Исаев приводит интересный и подробный пример того, как инвалидность внезапно меняла образ жизни советской женщины. Он анализирует письмо 23-летней Татьяны Притужаловой, ставшей в результате производственной травмы инвалидом, в секретариат Западносибирского крайкома ВКП(б) [Исаев, 2008: 19—21].

Татьяна была дочерью рабочего, члена ВКП(б), окончила Омский институт молочного хозяйства и работала технологом в совхозе. Во время пробного пуска маслозавода пола пальто девушки была захвачена валом, ее затянуло в сепаратор и Татьяна получила травму, после которой ей ампутировали правую ногу выше колена, а левая стопа перестала функционировать. Десять месяцев девушка провела в больнице без движения, но ходить так и не смогла, а «специального электрического лечения... больница... из-за бедности» не обеспечила. Она пишет, что доведена до крайней степени отчаяния, поскольку у нее нет близких, лечение не продвигается и она не знает, от кого получить помощь; все от нее «отвернулись и отказались» — и совхоз, «несмотря на то, что в нем потеряла свое здоровье и стала калекой», и местные организации, которые не хотели «даже и разговаривать по этому вопросу»: «...к кому бы ни обращалась, везде один ответ: “Это нас не касается”».

Татьяна признает, что государство сделало для нее все возможное из того, что ей полагалось по закону: ее «провели через ВТЭК в инвалиды I группы, дали пенсию». Однако далее снова сетует: «...но ведь я от этого не вылечусь» — и делает вполне справедливое замечание: «Выходит, что когда была здорова и способна работать, то была нужна, если же стала калекой беспомощной, то оказалась выброшена за борт жизни... стала калекой, никому не нужной».

Молодая девушка-инвалид хотела всего лишь получить место в клинике для лиц, нуждающихся в долечивании, но оказалось, что институт является «элитарным» заведением и «предназначен только для ответственных работников». Татьяна пытается надавить на партийную совесть: «Дорогие товарищи, ведь я если и не член партии, то тоже пролетарский работник, потерявший свое здоровье на предприятии Советского государства». Кроме того, себя она представляет настоящим «красным инвалидом», который отличается своей сознательной позицией, поясняя, что ей нужно лечение, после которого она «смогла бы ходить на протезе и принести пользу государству». Иначе для комсомолки и быть не могло в условиях, когда в СССР утверждалась идея самоотверженного служения советского человека партии и государству.

Теоретики советского социального обеспечения должного внимания проблемам женщин с инвалидностью и их социальной защиты не уделяли. Лишь в одном из многих изданий, посвященных вопросам выработки «правильной линии» в отношении инвалидов, органам социального обеспечения рекомендовалось исключить из числа инвалидов, подлежащих обязательному трудоустройству, женщин-инвалидов, имеющих детей дошкольного возраста, а также женщин пожилого возраста, а для всех остальных женщин с инвалидностью создать особую артель с целью организации их труда на полный рабочий день или расширить для них возможность домашней работы [Гандина, Вергэ, 1940: 10]. Однако дальше рекомендации дело не пошло.

Тем не менее в 1920—1930-х гг. в Советском государстве сформировались основные направления социальной политики в отношении нетрудоспособного населения. Охарактеризуем особенности предоставления различных видов социальной помощи нетрудоспособным женщинам в сибирском регионе.

Раньше других оформилось пенсионное обеспечение. Для получения пенсии нетрудоспособной женщине надлежало обратиться с заявлением в местный орган социального обеспечения, пройти обязательное медицинское освидетельствование, должно было быть проведено обследование ее материального и семейного положения, которое оказалось настоящим камнем преткновения в вопросах реализации пенсионного обеспечения. Часто женщины оставались без пенсии только потому, что в ходе подобного обследования у них обнаруживалось «слишком крепкое хозяйство», как например у 60-летней У. Пискуновой из Федосовской волости Новониколаевского уезда, которая имела избу и одну молочную корову [ГАНУ, ф. Р-1236, оп. 1, д. 10а, л. 12, 16—17 об.].

С 1927 г. пенсионное обеспечение получает настоящее развитие: расширяется круг обеспечиваемых, в 1928 г. вводятся пенсии по старости в текстильной промышленности, устанавливается самый низкий в мире порог выхода на пенсию по старости для женщин — с 55 лет. Согласно данным переписи 1937 г., к концу второй пятилетки в стране насчитывалось около миллиона пенсионеров из числа нетрудоспособных лиц (1,3 % всего населения СССР), среди которых 57,0 % составляли женщины, из них 65,5 % — рабочие, 25,2 % — служащие [Жиромская и др., 1996: 73—76]. Однако пенсионное обеспечение по старости было не реализовано, в основном выплачивались пенсии по инвалидности.

При этом на местах регулярно проводились кампании по «чистке» пенсионеров. Эти кампании носили классовый характер и были направлены на сокращение

численности пенсионеров и расходов на них из бюджета, а также на то, чтобы подтолкнуть инвалидов и стариков к возвращению к трудовой деятельности в условиях индустриализации и потребности в рабочих руках. «Чистке» подлежали все, кто относился к числу «бывших», лица, получившие инвалидность в рядах белой армии, уволенные из советских государственных органов, в том числе члены их семей [ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 7, л. 31—31 об.]. В качестве примера можно привести случай, произошедший в Омске, где до 1930 г. инвалид I группы М. В. Зуйкова получала пенсию за мужа-инвалида (всего 7 руб.), который был членом Всероссийской организации слепых и покончил с собой из-за беспросветной нищеты. Женщина занималась тем, что гадала, но, по ее словам, только тому, кто к ней приходил, сама она никого не приглашала. Последняя ремарка, очевидно, должна была подчеркнуть, что нетрудовой деятельностью вдова не занималась. Возможно, ей сохранили бы пенсию, если бы не тот факт, что ее супруга во время Гражданской войны призвали в армию генерала Каппеля. Как члена семьи, потерявшего кормильца, служившего в белой армии, выплаты женщине лишили, а также отказали в праве на пенсию по инвалидности [там же, л. 8].

Подспорьем для нетрудоспособных граждан могла бы оказаться дополнительная социальная поддержка, которая предусматривала либо выплату пособия, либо натуральную помощь (например, в приобретении топлива или продовольствия). Но случаев оказания поддержки нетрудоспособным женщинам было крайне мало, и редко все просители получали помощь, хотя к женщинам относились мягче, чем к мужчинам. Например, в 1933 г. в Томск прибыла семья инвалида, в которую входили его пожилая мать, 80-летний дед и 78-летняя бабушка. Все они обратились за пенсией, но только самым старшим членам семьи было назначено «ежемесячное пособие в половинном размере» — 8 руб. 50 коп. на двоих (при средней пенсии 8—10 руб. на человека), а матери инвалида и самому ему было отказано в помощи, так как пожилая женщина с дореволюционных времен официально была воспитателем сына и не имела трудового стажа. В другой ситуации у военнослужащего остались 62-летняя мать, 64-летний отец-инвалид и престарелый дед. В этом случае пособие получила только пожилая женщина как мать красноармейца (12 руб. в месяц), а мужчинам было отказано, поскольку органы врачебной экспертизы признали их трудоспособными [ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 70, л. 80 об.].

Следующим направлением социальной политики было обеспечение занятости инвалидов путем их кооперации и возвращения на предприятия и в учреждения. Нетрудоспособные женщины прежде всего находили работу в артелях, в которых половину артельщиков составляли прикрепленные к инвалидам в качестве инструкторов здоровые работники — своеобразный прототип того, что сегодня называется социальной инклюзией. Предприятия могли быть самые разные. Так, в Енисейской губернии женщины-инвалиды трудились на булочно-кондитерском производстве, была создана артель-школа кройки и шитья женского платья и белья, где работали 18 учениц-инвалидов. Они платили 3—5 руб. в месяц за обучение и еще 12 руб. за жилье при швейной мастерской, а зарабатывать при пенсии в 7—10 руб. могли от 25 до 40 руб. [ГАКК, ф. Р-49, оп. 1, д. 445, л. 42 об. — 43].

Инвалидные артели женщин также подвергались регулярным «чисткам», хотя они были менее политически ангажированными, чем «чистки» артелей мужчин; женщин наказывали не за принадлежность к категории «бывшие», а за различные нарушения, при этом применяли экономические формулировки: замечена «в хищении», «протезировании растратчиков», «торговле и обманах», «обсчете крестьян», «пьянстве и бесхозяйственности». Если мужчин после разбирательств редко возвращали на прежнюю работу в артель, то женщинам объявляли «строгий выговор с предупреждением», после чего возвращали обратно с обоснованием, например: «хорошая работница», «женщине некуда (больше. — А. К.) устроиться» [ГАРФ, ф. А-259, оп. 116, д. 2350, л. 32; ГАНУ, ф. Р-1085, оп. 1, д. 2, л. 2—4; ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 71, л. 34—38; ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 7, л. 8, 22, 31].

Одновременно распространялась практика трудоустройства инвалидов на неквалифицированные рабочие места. Так, в г. Томске за 1932 г. подобные рабочие места получили 41,0 % женщин с инвалидностью. Только одна женщина отказалась от рабочего места, остальные заняли вакансии швеи (20,0 %), ученицы мастера (5,0 %), продавщицы (3,8 %), чернорабочей (2,5 %), портнихи (2,5 %), 7,3 % получили места гардеробщицы, дворника, кондитера, курьера, посудомойки, сторожа. Были среди них и достаточно квалифицированные специалисты, которые не хотели прекращать работать по своей профессии, уникальной для людей с инвалидностью: крановщица, парикмахер, мастер по реставрации обуви, фельдшерица [ГАТО, ф. Р-446, оп. 1, д. 11, л. 1—3].

Самым массовым видом помощи нетрудоспособным лицам было социальное обеспечение в инвалидных домах. По данным переписей 1926 и 1937 гг., в них в среднем находилось 16,1 % нетрудоспособных членов общества. Гендерное соотношение их обитателей составляло 55 против 45 % в пользу женщин [Жиромская и др., 1996: 73; Население России... , 2000: 159]. Для сибирских инвалидных домов 1920—1930-х гг. была характерна крайне высокая плотность проживания в комнатах — 11—12 человек, причем с различными категориями инвалидности. Изначально устроители инвалидных домов предполагали, что инвалиды разных категорий будут жить в разных палатах, на деле все жили вместе, и совместное проживание из-за неодинакового объема прав и привилегий нередко приводило к «антагонизму между проживающими» [ГАИО, ф. Р-558, оп. 1, д. 60, л. 45; ГАКК, ф. Р-241, оп. 1, д. 18, л. 13—13 об.; д. 58, л. 37, 69—70 об., 80—81 об.].

Ежедневные пайки для инвалидов разных категорий различались, а вот нормы вещевого довольствия были одинаковыми. Каждому инвалиду полагался комплект постельного белья (один тюфяк или матрац, наволочки для тюфяков и подушек, простыни, полотенца, одеяло) и комплект нательного белья и одежды: пальто, плащ, рубаха, теплые шаровары, летние рубашки, летние шаровары, пара сапог или ботинок, носовые платки. Для женщин дополнительно предусматривались женские сорочки и панталоны, головные платки [ИАОО, ф. Р-490, оп. 1, д. 11, л. 195; д. 69, л. 3].

Оборотная ведомость бердского дома инвалидов за 1928 г. позволяет оценить одежду и обувь, в которой коротали свои дни нетрудоспособные женщины в инвалидном доме [ГАНУ, ф. Р-2004, оп. 1, д. 3, л. 35—37]. Они были обеспечены

женскими рубашками, платьями и юбками, чулками и ботинками, обязательными атрибутами считались головной платок, какая-нибудь дешевая кофточка, вязаная фуфайка или демисезонное пальто. Из необычной одежды для женщин-инвалидов можно назвать домашние халаты и считавшиеся «верхом инвалидной моды» кожаные туфли.

Качество одежды и обуви оставляло желать лучшего. Нередко инвалиды жаловались, что были приобретены полушубки, которые не греют, или валенки «такие, что (хоть сразу. — А. К.) в починку», но качественное обмундирование было инвалидному дому не по карману, и женщинам-инвалидам только и оставалось, что щеголять в купленном заведующим по случаю ядовито-желтом полушубке и дырявых валенках [ГАТО, ф. Р-198, оп. 1, д. 20, л. 17 об.]. Также отмечалось, что нет никакой разницы между мужской и женской одеждой: «Для женщин эта же самая (мужская. — А. К.) одежда... обуви нет совсем» [ИАОО, ф. Р-1026, оп. 1, д. 132, л. 44, 60 об.]. Ощущалась нехватка теплой одежды, женские кофты и юбки были в ограниченном количестве, а если учесть, что в инвалидных домах женщин проживало больше, чем мужчин, становится понятно, насколько остро стоял данный вопрос.

Большой проблемой было обеспечение проживающих в зимний период. На инвалидный дом, вмещавший 100 человек, могли приобрести всего 40 пар валенок, 18 зимних шапок, 4 шубы, зато была пара совершенно уникальной зимней обуви для женщин — туфли-валенки. Такие редкие вещи выдавались по очереди или в случае необходимости (если нужно было съездить к врачу), в остальное время инвалиды старались без лишнего повода на улицу не выходить.

Для органов социального обеспечения крайне важной при устройстве жизни в инвалидных домах была организация трудовой деятельности их обитателей, ибо в пролетарском обществе иначе и быть не могло: даже инвалиды должны были трудиться хотя бы в «порядке самообслуживания». Инспекторы Рабкринна отмечали в отчетах, что чаще всего женщины помогают повару на кухне и чинят белье, шьют одежду для других инвалидов, хотя порой это белье не доставалось даже самой швее, грамотные дамы могли вести в инвалидном доме культурно-просветительскую работу [ГАТО, ф. Р-198, оп. 1, д. 20, л. 11; ГАРФ, ф. А-406, оп. 12, д. 1671, л. 18 об.].

Подводя итоги, нужно прежде всего отметить, что именно в 1920—1930-х гг. социальные статусы мужчины и женщины впервые сближаются. Эта же тенденция характерна для процессов, происходивших в среде нетрудоспособного населения: советская власть не делила инвалидов на мужчин и женщин, платила им одинаково мизерную пенсию, заставляла трудиться и отдавать последние силы индустриальному развитию страны.

Возможно, с современной точки зрения покажется, что советская социальная политика в отношении нетрудоспособных женщин в целом потерпела неудачу, поскольку никаких специальных мер с учетом гендерных ролей, за исключением установления более низкого порога выхода на пенсию по старости, советская власть не принимала. Однако если исходить из того, что эффективной может считаться та социальная политика, которая предоставляет услуги, удовлетворяющие потребности их получателей, то можно смело утверждать, что нетрудоспособные женщины в 1920—1930-х гг. впервые в истории получали все

формы необходимой социальной помощи, различные виды социального обеспечения и реабилитации, которые на тот момент могли существовать, хотя, безусловно, качество этих услуг было еще недостаточным для полноценной жизни.

С одной стороны, характерной чертой советской социальной политики в отношении нетрудоспособных женщин была система мер, которая приводила к их исключению из жизни общества (невнимательное отношение к социальным проблемам, отсутствие четких критериев для получения пенсий, пособий, помещение в инвалидные дома). Но с другой — советская власть старалась создавать определенные условия для максимальной социальной интеграции тех инвалидов, которые сохраняли работоспособность. Поэтому если женщина с инвалидностью или женщина в возрасте еще могла трудиться, а не сидеть на шее у пролетарского государства, если становилась «красным инвалидом», готовым к новым социалистическим свершениям, то это государство было готово компенсировать ей все лишения. Однако на практике все закончилось тем, что инвалидность будто вовсе стала исчезать, общество и государство перестали ее замечать, и уже в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период оставшаяся без кормильца и помощников, потерявшая свое здоровье на производстве советская женщина продолжала жить с присущим только ей одной энтузиазмом, не замечая своей инвалидности или старости.

Библиографический список

- Быков А. К. Социальная помощь российских общественных организаций женщинам и девушкам с инвалидностью в конце XIX — начале XX в. // Вестник социальной работы. 2014. № 3. С. 105—109.
- Вахромеева О. Б. Социальное страхование и «женский вопрос» в столице на рубеже XIX—XX веков // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 9. С. 120—132.
- Гандина О. И., Вергэ Г. Г. О неработающих инвалидах III группы // Информационное письмо по вопросам экспертизы трудоспособности и трудоустройства инвалидов / под ред. З. Э. Григорьева, Н. А. Вигдорчика. Л.: Ин-т врач.-труд. экспертизы Ленингр. горсобеса, 1940. С. 10.
- ГАИО (Государственный архив Иркутской области).
- ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
- ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области).
- ГАНО (Государственный архив Новосибирской области).
- ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации).
- ГАТО (Государственный архив Томской области).
- Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.
- ИАОО (Исторический архив Омской области).
- Инвалиды с внешне выраженными признаками инвалидности, по данным Всесоюзной переписи 1926 года // Социальное обеспечение. 1932. № 2. С. 10—12.
- Исаев В. И. Необычные судьбы обычных людей: советская повседневность в 1920—1930-е годы. Новосибирск: Параллель, 2008. 188 с.
- Ковалев А. С. Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа:

(на материалах Сибири) // Историческая психология и социология истории. 2013. № 1. С. 85—98.

- Ковалев А. С. Реализация социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособного населения Сибири в 1920—1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2016. 555 с.
- Кошкин Д. С. Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20—30-е годы XX века: на материалах РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 179 с.
- Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 39—56.
- Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. / под ред. В. Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.
- Социалистическое строительство СССР: статистический ежегодник. М.: Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР, 1934. XXX, 496, 128 с.

References

- Bykov, A. K. (2014) Sotsial'naiia pomoshch' rossiiskikh obshchestvennykh organizatsiĭ zhenshchinam i devushkam s invalidnost'iu v kontse XIX — nachale XX v. [Social aid of Russian non-governmental organizations for women and girls with disabilities in the late XIX — early XX c.], *Vestnik sotsial'noĭ raboty*, no. 3, pp. 105—109.
- Gandina, O. I., Vergè, G. G. (1940) O nerabotaiushchikh invalidakh III gruppy [About the non-working invalids of group III], in: Grigor'ev, Z. È., Vigdorichik, N. A. (eds), *Informatsionnoe pis'mo po voprosam ekspertizy trudosposobnosti i trudoustroĭstva invalidov*, Leningrad: Institut vrachebno-trudovoiĭ ekspertizy Leningradskogo gorsobesa, p. 10.
- Invalidy s vneshne vyrazhennymi priznakami invalidnosti, po dannym Vsesoiuznoiĭ perepisi 1926 goda (1932) [Disabled persons with outward signs of disability according to the 1926 All-Union Census], *Sotsial'noe obespechenie*, no. 2, pp. 10—12.
- Isaev, V. I. (2008) *Neobychnye sud'by obychnykh liudeĭ: sovetskaia povsednevnost' v 1920—1930-e gody* [Unusual fate of ordinary people: soviet everyday life in the 1920—1930s], Novosibirsk: Parallel'.
- Koshkin, D. S. (2001) *Gosudarstvennaia politika i praktika sotsial'noĭ raboty s invalidami v 20—30-e gody XX veka: Na materialakh RSFSR*: Dis. ... kand. ist. nauk [The state policy and practice of social work for disabled people in the 20—30s of XX century: On materials of the RSFSR: Diss. (Cand. Sc.)], Moscow.
- Kovalev, A. S. (2013) Problemy identifikatsii sotsial'nogo statusa pozhilykh liudeĭ i invalidov v pervoiĭ treti XX veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza: (Na materialakh Sibiri) [The problem of identifying the social status of the elderly and the disabled in the first third of the XX century: experience of historical and sociological analysis: (On materials of Siberia)], *Istoricheskaiia psikhologiia i sotsiologiia istorii*, no. 1, pp. 85—98.
- Kovalev, A. S. (2016) *Realizatsiia sotsial'noĭ politiki Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii netrudosposobnogo naseleniia Sibiri v 1920—1930-kh gg.*: Dis. ... d-ra ist. nauk [Realization of soviet social policy for the disabled people in Siberia in the 1920—1930s: Diss. (Dr. Sc.)], Barnaul.
- Marasanova, V. M., Albegova, I. F., Shamatonova, G. L. (2010) Polozhenie zhenshchin-invalidov v Rossiiskoiĭ imperii v XVII — nachale XX v. [The position of women with

- disabilities in the Russian Empire in the XVII — early XX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 39—56.
- Sotsialisticheskoe stroitel'stvo SSSR: Statisticheskii ezhegodnik (1934)* [The socialist construction of the USSR: Statistical yearbook], Moscow: Tsentral'noe upravlenie narodno-khoziaistvennogo ucheta Gosplana SSSR.
- Vakhromeeva, O. B. (2012) Sotsial'noe strakhovanie i "zhenskii vopros" v stolitse na rubezhe XIX—XX vekov [Social security and the "woman question" in the capital at the turn of XIX—XX centuries], *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 9, pp. 120—132.
- Zhiromskaia, V. B. (ed.) (2000) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: in 3 vols* [The population of Russia in XX century: Historical essays], vol. 1, Moscow: ROSSPĖN.
- Zhiromskaia, V. B., Kiselev, I. N., Poliakov, Iu. A. (1996) *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1937 goda* [Half-century under the heading "secret": All-Union population census of 1937], Moscow: Nauka.

Статья поступила 24.01.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Ковалев Александр Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Сибирский федеральный университет; доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной педагогики, Красноярский государственный педагогический университет, г. Красноярск, Россия, alexkovaleff@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University; Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Social Work and Social Pedagogy, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

- Кашина М. А.** Постсоветская государственная политика в отношении женщин:
внутренние противоречия 3
- Калабихина И. Е.** Современная социально-демографическая политика в России:
есть ли преемственность в концептуальных подходах
в документах 2007—2017 гг. 14

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Рябова Т. Б., Панкратова Е. В.** «Cold warriors» глазами современных россиян:
рецепция кинообразов маскулинности американских военных
периода холодной войны 29

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Окладникова Е. А.** Современные мотивы сельского женского социального
активизма в зоне Нечерноземья 41
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н.** Гендерные аспекты
трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование 53
- Милованова М. Ю.** Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера:
социологический анализ 66
- Смирнов Е. А., Рослякова М. В.** Эмоциональный интеллект и гендерная
чувствительность в работе руководителя: современные подходы 80
- Малахов В. А.** Гендерный аспект международной академической мобильности
российских ученых 88

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

- Овчинникова Е. А., Троицкий С. А.** Гендерная идентификация в российском
культурном дискурсе: от Средневековья к Просвещению 100
- Плиев А. А., Бабич И. Л.** Женщина как объект и субъект в традиционной
брачно-правовой культуре чеченцев и ингушей (1870—1970-е гг.) 113
- Ковалев А. С.** Нетрудоспособные женщины в фокусе государственной
социальной политики 1920—1930-х гг. (На материалах Сибири) 126
- Информация для авторов* 137

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

GENDER ASPECTS OF SOCIAL POLICY

- Kashina M. A.** Post-Soviet governmental women policy: internal contradictions 3
- Kalabikhina I. E.** Modern socio-demographic policy in Russia: is there any continuity
in conceptual approaches in the documents of 2007—2017? 14

GENDER POLITOLOGY

- Riabova T. B., Pankratova E. V.** The “Cold warriors” in the eyes of contemporary
Russians’: today’s reception of Cold War cinematic images of U. S. militaries’
masculinity 29

SOCIAL SCIENCES

GENDER SOCIOLOGY

- Okladnikova E. A.** Modern motives of rural women social activism in the area
of Nechernozeimie 41
- Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Peremyshlin S. N.** Gender aspects of labor
migration in Russia: trends, implications, regulation 53
- Milovanova M. Yu.** Socially oriented non-profit organizations through the prism
of gender: sociological analysis 66
- Smirnov E. A., Roslyakova M. V.** Emotional intelligence and gender sensitivity
as part of leader’s work: modern approaches 80
- Malakhov V. A.** Gender aspect of international academic mobility
of Russian scientists 88

HISTORICAL SCIENCES

GENDER HISTORY

- Ovchinnikova E. A., Troitskiy S. A.** Gender identification in the Russian cultural
discourse: from the Middle Ages to Enlightenment 100
- Pliev A. A., Babich I. L.** Woman as an object and subject in the traditional marriage
and legal culture of Chechens and Ingush (1870—1970s) 113
- Kovalev A. S.** Disabled women and Soviet social policy in 1920—1930s
(Based on the Siberia related research) 126
- Information for the authors* 137

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 — 2019

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 26.12.2019 г. Печать плоская. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 40 экз.
Заказ № 141. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
☎ 89203575831. E-mail: winrs@bk.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru